

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

**ТЫСЯЧЕЛЕТІЕ
РУССКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**ТОМ СЕМНАДЦАТЫЙ
НОЯБРЬ 2016**

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ТЫСЯЧЕЛЕТІЕ
РУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ТОМ СЕМНАДЦАТЫЙ

Под общей редакціей А.А. Горского

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

А.Э. Титков

главный редактор, кандидат исторических наук

Ф.Г. Тараторкин

зам. главного редактора, кандидат исторических наук

И.Я. Керемецкий

зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства

Т. Лефко

редактор английской версии

Е.А. Радзиевская

ученый секретарь

Редакционный совет

В.Э. Голдман

Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги–Меллона

А.А. Горский

доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

С.В. Девятов

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Д.Р. Жангиев

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

С.М. Исаков

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций

Г. Кантор

доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

И.В. Курукин

доктор исторических наук, профессор Кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

Г.Д. Ленхофф

Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

А.В. Марей

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

Ф. Мартинес Мартинес

профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе

Д. Панатери

Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса

Е.И. Пивовар

председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН

А.Л. Смышляев

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова

А.Э. Титков

кандидат исторических наук, проректор РГГУ

Я.М. Хамеен-Анттила

профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)

Filipp G. Taratorkin

Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)

Igor Ya. Keremetskiy

Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture

Todd Lefko

Editor of the English Version

Elizaveta A. Radzievskaya

Academic Secretary

Editorial Board

Wendy Z. Goldman

Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department

Anton A. Gorskiy

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

Sergey V. Deviatov

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

Dmitriy R. Zhantiev

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Salavat M. Iskhakov

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences Institute of Russian History. Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions

Georgy Kantor

D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

Igor V. Kurukin

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

Gail D. Lenhoff

Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department

Alexander V. Marey

Candidate of Sciences in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology

Faustino Martínez Martínez

Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department

Daniel Panateri

Doctor in History (Ph.D.), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law

Efim I. Pivovarov

Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences

Alexander L. Smishliaev

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute, Distinguished Researcher of Moscow State University, Institute of World Culture

Alexey E. Titkov

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Vice-Rector of Russian State University for the Humanities

Jaakko Markus Hämeen-Anttila

Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий номер «Исторического вестника» посвящен в основной своей части раннему этапу развития русского права. В статьях Б.Н. Флори и П.С. Стефановича рассматриваются сведения о законодательной деятельности крестителя Руси — Владимира Святославича. А.А. Горский на примере статьи Начального летописания 1071 г. рассматривает вопрос о применении на практике норм Русской Правды — законодательного кодекса раннесредневековой Руси. К.В. Вершинин изучает Мерило Праведное — древнерусский юридический сборник, включающий ряд памятников византийского и русского права. В статье П.В. Лукина анализируется на основе древнерусских и немецких источников неординарный сюжет — о судебной клятве на корабле.

В заключение номера помещены подготовленная А.Ю. Донским публикация архивных документов о слежке во время Первой мировой войны за заподозренной в шпионаже знаменитой киноактрисой Верой Холодной и очерк Ю.В. Ким о том, что делали и как переживали события 1812 г. государственный деятель и любитель старины А.И. Мусин-Пушкин и его сыновья.

Рубрика «Историческая школа» представлена статьей Г.Н. Ланского. Она посвящена исследованиям академика Б.В. Ананьича в области экономической и политической истории России.

А.Э. Титков

*главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

EDITORIAL

The present issue of the Historical Reporter is dedicated to the early stage in the development of Russian legislation. Boris N. Floria and Peter S. Stefanovich examine legislative initiatives of Vladimir Sviatoslavich the Great, who introduced Christianity as the state religion in Rus'. Anton A. Gorky analyses the year 1071 in the Primary Chronicle, and examines the Judicial Practices of the Russkaya Pravda (Russian Law) — the legal code of Old Rus'. Konstantin V. Vershinin focuses on Merilo Pravednoye — an Old Russian legal collection, which includes monuments of Byzantine and Rus' law. A peculiar story of the so-called Legal Oath on Board based on the Old Rus' and German sources is analysed by Pavel V. Lukin.

The issue is completed by traditional sections. Alexander U. Donskoy investigates the archival document on the surveillance of the famous actress Vera Kholodnaya, whom the Intelligence Service suspected of spying during the First World War. Uliya V. Kim examines in the Memoirs section how did the 1812 events influence the family of Musin-Pushkin, an eminent statesman and archeographer. Grigory N. Lanskoyn highlights the studies of academician Boris V. Anan'ich in the sphere of the economic and political history of Russia.

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief

*Comments to the authors may be submitted
to the Editor — historical.reporter@gmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Вместо предисловия	8
Б.Н. Флоря. Отмена вир Владимиром Святославичем	12
П.С. Стефанович. Летописное известие 6504 (996) г. о «казнях» и «вирах»: попытка интерпретации	22
А.А. Горский. Нормы Русской Правды и судебная практика: Янь Вышатич на Белоозере.....	54
К.В. Вершинин. Мерило Праведное и особенности рецепции византийского права на Руси	100
П.В. Лукин. Суд на корабле в Новгороде XV в.....	136

ДОКУМЕНТЫ

А.Ю. Донской. Актриса кино Вера Холодная в шпионаже не замешана	154
---	-----

МЕМУАРЫ

Ю.В. Ким. Отец и сын Мусины-Пушкины: 1812 год сквозь семейную историю.....	170
--	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Г.Н. Ланской. Исследования академика Б.В. Ананьича в области экономической и политической истории России	188
--	-----

CONTENTS

1000 YEARS OF RUSSIAN LEGISLATION

Editor: Anton A. Gorskiy

Preface to the Issue	8
Boris N. Floria. The Cancellation of the Fines by Vladimir Sviatoslavich..	12
Petr S. Stefanovich. The Chronicle Account of the year 6504 Anno Mundi (996 AD) about the Penalties and Fines: an attempt of interpretation	22
Anton A. Gorsky. The Legal Regulations of Russkaya Pravda (Russian Law) and Judicial Practices: Yan Vyshtich near Beloozero.....	54
Konstantin V. Vershinin. Merilo Pravednoye or Just Measure and the Peculiarities of Byzantine Law Perception in Ruthenia (Rus').....	100
Pavel V. Lukin. Justice on Board in XV c. Novgorod.....	136

DOCUMENTS

Alexander U. Donskoy. The actress Vera Kholodnaya has been suspected in espionage: archival investigation.....	154
--	-----

MEMOIRS

Ulia V. Kim. The 1812 events in the family mirror: the Musin-Pushkin father and son.....	170
--	-----

HISTORICAL SCHOOL

Grigory N. Lanskoj. Studies of academician B.V. Anan`ich in sphere of economical and political history of Russia.....	188
---	-----

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Новгородской первой летописи младшего извода и в Софийской первой летописи, созданных в первой половине XV в., в рассказе о победе Ярослава Владимировича с помощью новгородцев над братом Святополком «Окаянным» говорится, что Ярослав даровал новгородцам «правду», то есть свод законов: «И давь имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: По се грамоте ходите, якоже списах вамъ, такоже держите»¹. Далее летописи помещают текст Русской Правды — законодательного кодекса. В Новгородской первой летописи младшего извода читается текст так называемой Краткой редакции (под заголовком «а се есть Правда Рускаа»), в Софийской I — так называемой Пространной редакции. Краткая редакция дошла только в списках Новгородской первой летописи младшего извода, Пространная известна в значительном (более ста) количестве списков, самый ранний из которых датируется концом XIII в.

Определению времени создания Краткой редакции Русской Правды помогают два датирующих признака. В середине ее текста содержится

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 175–176; Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 133.

заголовок особого законодательного памятника с упоминанием сыновей Ярослава — Изяслава, Святослава и Всеволода: «Правда уставлена Руской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволод, Святославъ, Коснячъко, Перенегъ, Микифоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула»². В историографии последующие статьи Краткой редакции на основе этого заголовка принято называть «Правдой Ярославичей». В конце Краткой редакции помещен «Покон вирный» — статья о содержании населением «вирника» (судебного чиновника) с указанием, что данное установление учреждено Ярославом: «То ти урокъ Ярославль»³.

Многие исследователи, отталкиваясь от перечисленных данных, полагали, что в 1016 г. или несколько позже, но во всяком случае в киевское княжение Ярослава (то есть до 1054 г.) был создан первый письменный кодекс законов Руси. Наиболее распространена точка зрения, что к законодательству Ярослава, помимо «Покона вирного», относятся первые 18 статей Краткой редакции — до заголовка «Правды Ярославичей»⁴, но существует и мнение, что к деятельности Ярослава можно отнести только появление отдельных зафиксированных в Краткой редакции норм⁵. В отношении «Правды Ярославичей» высказывалась как точка зрения о ее составлении между 1054 и 1073 гг. (после чего сыновья Ярослава вошли в конфликт друг с другом)⁶, так и о появлении этого кодекса еще при жизни Ярослава⁷.

По поводу Краткой редакции в дошедшем до нас виде, как цельного памятника, преобладает мнение, согласно которому она появилась ранее Пространной редакции, но имеется и гипотеза о более позднем, в XV столетии, появлении Краткой редакции на основе Пространной⁸. Сторонники

² Там же. С. 177.

³ Там же. С. 180.

⁴ См.: Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 48–61; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 131–169; Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 30–35; Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 89–98.

⁵ Омонов Н.Н. К вопросу о начальной истории русского права // Исторический вестник. Т. 6 (153). М., 2013.

⁶ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 62–70; Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 175–195.

⁷ Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 21–30, 84–101; Зимин А.А. Указ. соч. С. 99–125.

⁸ Толочко А. Краткая редакция Правды русской: происхождение текста. Киев, 2009. Критику этой точки зрения см.: Омонов Н.Н. Указ. соч. С. 245–246; Цукерман К. О Правде русской // Ruthenica. Т. 12. Київ, 2014.

раннего происхождения Краткой редакции датировали ее составление по-разному: от середины XI в. до 1130-х гг.⁹

В отношении Пространной редакции ныне преобладает точка зрения о ее составлении в начале XII в., в киевское княжение Владимира Всеволодовича Мономаха¹⁰. Высказывалось также мнение, что Пространная редакция складывалась в течение длительного времени и в дошедшем до нас виде появилась в начале XIII в.¹¹

Таким образом, в изучении Русской Правды имеется немало спорных вопросов. Подзаголовок настоящего выпуска «Исторического вестника» — «Тысячелетие русского законодательства» — разумеется, условен. И потому, что, с одной стороны, запись цельных законодательных кодексов, возможно, имела место позже 1016 г., а с другой — русское право в устной форме несомненно существовало и ранее: ссылки на «закон русский» имеются в договорах князей Олега и Игоря с Византийской империей 911 и 944 гг., причем «закон русский» в данном случае, скорее всего — обратный перевод с греческого словосочетания «правда русская»¹². Но так или иначе, с деятельностью Ярослава Владимировича несомненно связан важный этап в законотворчестве. Пространная редакция озаглавлена «Суд Ярославль Володимеричъ» — то есть в XII–XIII вв. существовала традиция считать Ярослава тем, кто учредил писанные законы. Ст. 2 Пространной редакции, говорящая об отмене кровной мести сыновьями Ярослава, указывает, что «ино все, яко же Ярославъ судилъ, тако же и сынове его уставиша»¹³ — то есть прямо связывает с деятельностью Ярослава составление некоего судебного кодекса. «Покон вирный» в Краткой редакции Русской Правды определяется как «урок Ярославль». В статье Пространной редакции о холопе, ударившем свободного человека, имеется прямая ссылка на установление Ярослава, причем описывается норма, соответствующая тексту аналогичной статьи Краткой редак-

⁹ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 74–78; Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 247–253; Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 84–105; Зимин А.А. Указ. соч. С. 133–150.

¹⁰ Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 106–170; Зимин А.А. Указ. соч. С. 217–254; Милов Л.В. О происхождении Пространной Русской Правды // Милов Л.В. Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009.

¹¹ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 197–230; Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 195–247, 253–278. Сформулирована также точка зрения, что Пространная редакция была записана только в 1270-е гг., а до этого существовала в устной форме (Цукерман К. Указ. соч. С. 128–142).

¹² См.: Щапов Я.Н. «Закон русский» договоров Руси с Византией и «Правда Русская» // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988.

¹³ Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 104.

ции¹⁴. Поэтому начало письменного законодательства на Руси можно уверенно относить ко времени Ярослава, и с определенной неизбежной долей условности первый год его киевского княжения — 1016 — рассматривать как дату, дающую повод поговорить о связанных с этой темой спорных и нерешенных вопросах. Им и посвящены статьи настоящего номера.

А.А. Горский

¹⁴ Там же. С. 71, 112.

Б.Н. Флоря

ОТМЕНА ВИР ВЛАДИМИРОМ СВЯТОСЛАВИЧЕМ

Рассказ, о котором в дальнейшем пойдет речь, составляет часть повествования о разных деяниях Владимира, помещенного в тексте летописных сводов под 996 г. Аналогичный текст (без существенных разночтений) читается и в Новгородской I летописи младшего извода и в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях¹. В рассказе говорится, что на Руси «умножишася разбоеве», тогда епископы предложили князю «казнити» разбойников «со испытном». Князь ответил: «боюся греха», но епископы рассеяли его сомнения. «Володимер же отверг виры, нача казнити разбойники».

Понимание текста не сталкивается с какими-либо трудностями, и содержание рассказа хорошо раскрыто в комментарии Д.С. Лихачева к этому рассказу². В Древней Руси, как и в ряде других стран Европы Раннего Средневековья, традиционные нормы права, сложившиеся в значительной мере еще в догосударственный период, предусматривали уплату штрафов (вир)

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 167; Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I. Стб. 126–127; М., 1962. Т. II. Стб. 111.

² Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. (Статьи и комментарии Д.С. Лихачева) С. 350.

за разные проступки, в том числе и за уголовные преступления (например, за убийства). Епископы стали добиваться от Владимира, чтобы он подвергал разбойников казням и телесным наказаниям (древнерусское «казнить» обозначало и то и другое). Владимир согласился, перестал взимать штрафы и стал наказывать разбойников.

Соглашаясь с таким толкованием текста, следует подробнее остановиться на некоторых моментах рассказа. Логика рассуждений епископов понятна — неотвратимость тяжелого наказания, от которого нельзя откупиться, должна была заставить людей воздержаться от участия в разбоях. Однако, как представляется, это было не единственным мотивом, побуждавшим епископов выступать против традиционных норм местного права. Для христианского духовенства в недавно принявшей христианство стране весьма важной задачей было установление санкций за поступки, связанные с нарушением и установлений христианской веры и норм христианской нравственности. Некоторые из таких санкций могли быть довольно суровыми. Так, в соседней Польше в начале XI в. людям, которые ели мясо в пост, выбивали зубы³. В «Законе судном людем» — памятнике права, созданном в Великой Моравии во второй половине IX в., устанавливалось, что если кто-либо «за етеры вражды ли грабление дея» сожжет храм, то он должен быть сожжен, если храм находился в городе, или обезглавлен, если храм находился в селе⁴.

Духовенство также было заинтересовано в том, чтобы от установленных санкций виновные не могли откупиться. Так, например, в «Статутах Бжетислава» — памятнике чешского права конца 30-х гг. XI в. (текст Статутов сохранился в Хронике Козьмы Пражского) устанавливалось, что человека, разорвавшего брачные отношения, следует изгнать из страны, «и пусть никоим образом никому не разрешается выкупать его за деньги»⁵. Отсюда заинтересованность епископов в изменении традиционных норм права. Что подобный вопрос мог стать предметом обсуждения князя и епископов, не может вызвать удивления. В таком достаточно раннем тексте, как «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, говорилось о Владимире, что он часто встречался с епископами и «с многым съмерением свещавашеся, како в человецех сих, ново познавших Господа, закон оуставити»⁶.

³ Kronika Thietmara. Poznań, 1953. S. 581.

⁴ Закон судный людем Краткой редакции / Подг. к печати М.Н. Тихомиров, Л.В. Милов. М., 1961. С. 107.

⁵ Fontes rerum bohemicarum (далее — FRB). Praha, 1874. D. 2. Sv. 1. S. 73.

⁶ Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 96.

Епископы советовали князю «казнить» разбойников «со испытанием». Под этим можно было бы понимать использование процедуры «божьего суда». Так, в «Статутах Бжетислава» указывалось, что обвиненных в убийстве следует подвергнуть «испытанию горячим железом и святой водой с тем, чтобы узнать, виновны ли они»⁷. Однако более вероятно, что речь шла о применении наказаний после судебного расследования. Характерно, что уже в начальной части «Закона судного людем» указывалось, что князю и судье не следует разбирать обвинений «без свидетель мног», «испытанье творити и не без послух осужати»⁸. «Испытанье» этого текста, вероятно, тождественно «испыту» летописного рассказа.

На предложения о «казнях» разбойников Владимир, согласно летописному рассказу, ответил словами: «Боюся греха». Появление в летописном рассказе таких высказываний следует связывать с появлением в обществе, недавно принявшем христианство, новых представлений о роли правителя и характере его деятельности, когда кары, которые он налагает на членов общества, воспринимаются как «грех», который следует заглаживать благими деяниями. Такая тенденция очевидна в житиях чешского князя (и святого) Вацлава, авторы которых настойчиво подчеркивали, что перед вынесением смертных приговоров он покидал суд, помня слова Писания: «Не судите, да не судимы будете»⁹ (Мф. VII, 1). В славянском переводе одного из таких житий читаются о нем слова, близко напоминающие летописный текст: Вацлав «казнити стыдяшеся... греха в том блюдяшеся»¹⁰. В древнерусской письменности некоторую параллель образуют высказывания Илариона в «Слове о законе и благодати», где, говоря о щедрой милостыне Владимира и других его благих деяниях («должныа искупая, работным свободу дая»), автор отмечает, что князь помнил слова пророка Даниила, обращенные к Навуходоносору: «грехы твоя милостинями оцести и неправды твоя щедротами нищих»¹¹ (Дан. IV, 24). В такой системе представлений решение о «казнях» — новых карательных мерах могло расцениваться как «грех» правителя.

⁷ Fontes rerum Bohemicarum. D. 2. Sv. 1. S. 74.

⁸ Закон судный людем... С. 104.

⁹ FRB. Praha, 1872. D. 1. Sv. 2. S. 149–150, 183–184, 213–214.

¹⁰ Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Предисл., коммент. и пер. А.И. Рогова. М., 1970. С. 73. Эту параллель указал В.Я. Петрухин: *Петрухин В.Я. Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 101.*

¹¹ Молдован А.М. «Слово о законе и благодати...». С. 95.

Беседа Владимира с греческим философом о христианстве.
Радзивилловская летопись, л. 49 об.

Согласно рассказу, епископы объяснили Владимиру, что он поставлен Богом «на казнь злым, а добрым на милость», и Владимир отменил традиционные нормы права — «отверг виры».

Как представляется, подобный акт правителя, не столкнувшийся с сопротивлением, оказался возможным именно в стране, недавно принявшей новую религию. В дохристианском обществе нормы традиционного права были освящены авторитетом языческих богов. После принятия христианства такого авторитета больше не существовало и, напротив, перед правителем возникла необходимость согласовывать «несовершенное» право собственной страны с нормами нового христианского учения, и такие представления активно внушало обществу христианское духовенство.

Отвергнув «виры», Владимир Святославич начал «казнить» разбойников. Какими нормами при этом должны были руководствоваться судьи? Логичным было предположение, что духовенство добивалось установления норм права, принятых в Византии. Конкретный ответ на этот вопрос предложил А.В. Милов. Его внимание привлек текст «Эклоги» — византийского свода законов VIII в. Это было вызвано двумя обстоятельствами. Как издателю «Закона судного людям», исследователю было хорошо известно, что текст этого памятника IX в., в котором устанавливались санкции для преступников и нарушителей норм христиан-

ской нравственности, был в значительной мере построен на извлечениях из «Эклоги»¹². Таким образом, налицо был интерес к этому памятнику права в обществе, только недавно принявшем новую христианскую религию. Во-вторых, исследователь знал о существовании славянского перевода «Эклоги», знакомого славистам по его воспроизведению в печатной кормчей 1650 г. Представленное Л.В. Миловым исследование показало, что при издании текст перевода подвергся значительной правке, и о его первоначальном виде позволяет судить текст, сохранившийся в составе юридического сборника «Мерило Праведное», прежде всего в Троицкой пергаменной рукописи XIV в. Исследование текста перевода в его первоначальном виде показало использование в нем древнерусской социальной терминологии (наиболее ярким примером может служить постоянное употребление в переводе термина «заднѣца» для обозначения выморочного или незавещанного имущества, а также наследства), что позволило сделать вывод о переводе текста «Эклоги» в Древней Руси. Вместе с тем исследование показало, что и особенности использованной в переводе социальной терминологии, и употребление архаичных слов и речевых оборотов позволяют относить этот перевод к эпохе ранних русско-греческих контактов¹³. Позднее исследователь установил, что греческим оригиналом для перевода явилась разновидность памятника, известная как *Ecloga privata*¹⁴. Отталкиваясь от результатов проделанного исследования, Л.В. Милов связал древнерусский перевод «Эклоги» с той отменой традиционных норм права, о которых рассказывает летопись, и тем самым в распоряжении исследователей оказывается важный довод в пользу реальности летописного рассказа¹⁵. По мысли Л.В. Милова, пособием для судей мог служить XVII титул «Эклоги», включавший в себя наказания и за различные уголовные преступления, и за нарушения норм христианской морали. Санкции устанавливались суровые — смертная казнь, изгнание из страны, отсечение тех или иных частей тела. Согласно «Эклогге», разбойник должен быть распят на вилах, убийца подлежал смертной казни, вор «да будет высечен

¹² См.: Закон судный людем... С. 25.

¹³ Милов Л.В. О древнерусском переводе византийского свода законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1.

¹⁴ Милов Л.В. Проблемы рецепции византийского права в Древней Руси // Милов Л.В. По следам ушедших эпох. М., 2006. С. 103–104, 111.

¹⁵ Милов Л.В. Легенда или действительность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // *Jus antiquum*/ Древнее право. М., 1996. № 1.

и изгнан»¹⁶. XVII титул «Эклоги» включал также ряд статей, предусматривавших суровые санкции для нарушителей норм христианской нравственности: отсечение носа за прелюбодеяние, смертная казнь за мужеложество, ослепление за кражу церковного имущества из храма¹⁷. Л.В. Милов предположил, что с отменой «вир» могло быть связано введение и этих санкций¹⁸.

Наблюдения и выводы вызвали отрицательную реплику филолога В.М. Живова, выразившего убеждение, что в варварском восточнославянском обществе не могли иметь место попытки практического использования норм византийского права¹⁹.

Здесь есть смысл снова обратиться к проблематике, связанной с «Законом судным людем». Выше уже говорилось о памятнике, в котором в значительной мере решались те же задачи, что стояли и перед древнерусской властью и духовенством в княжение Владимира. Дело в том, что мы обладаем определенным свидетельством о попытках практического осуществления норм, зафиксированных в этом памятнике. Речь идет о тексте из глаголической рукописи Клоца²⁰, который определяется исследователями — палеославистами, как обращение Мефодия к судьям с предписаниями, как осуществлять целый ряд установлений этого памятника, в особенности касающихся нарушений норм христианской морали. Обращение содержит и выпады против светских носителей власти, которые уклоняются от их выполнения²¹.

Конец летописной записи говорит о судьбе, которая постигла предпринятую реформу. Здесь читается, что епископы и старцы заявили Владимиру — «рать многа, оже вира, то на оружьи и на коних буди». Владимир согласился и стал жить «по устроенью отню и дедню»²². Несколько неясный характер высказываний епископов и «старцев» позволяет выяснить текст, определяемый исследователями как предисловие к Начальному своду.

¹⁶ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965. С. 69, 72, 73.

¹⁷ Там же. С. 69, 71.

¹⁸ Милов Л.В. Проблемы рецепции... С. 104–106.

¹⁹ Живов В.М. История русского права как лингво-семиотическая проблема // Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 300–303.

²⁰ Его публикацию см.: *Magnae Moraviae Fontes historici*. Brno, 1971. Т. IV. S. 199–204.

²¹ См.: Вашица Й. Кирилло-мефодиевские юридические памятники // Вопросы славянского языкознания. М., 1963. Вып. 7. С. 21–27.

²² НПА. С. 167; ПСРА. Т. I. Стб. 127; Т. II. Стб. 111.

В нем рассказывается, что в древние времена, взимая с населения «правые» виры, «дааше дружине на оружье»²³.

Понимание этой части летописного сообщения не вызывает разногласий между исследователями. Заменяв взимание «вир» наказаниями, княжеская казна потеряла важный источник доходов, который шел на содержание дружины, что оказалось опасным в условиях, когда Древняя Русь вела постоянные войны с кочевниками. В этих условиях Владимир оказался вынужденным восстановить традиционные нормы права²⁴. Сведения этих двух источников — летописного известия и предисловия — важны для понимания характера Древнерусского государства, в котором социальная элита — дружина, которую власть снабжала конями и оружием, содержалась за счет государственных доходов, одним из источников которых были судебные штрафы.

Как и в каком объеме происходил возврат к прежним порядкам? Решению этого вопроса также уделил серьезное внимание Л.В. Милов. Исследователь, как представляется, с основанием полагает, что восстановление традиционных норм права после их временной отмены потребовало их письменной фиксации, что и было сделано при создании так называемой «Правды Ярослава». При этом при выделении круга проступков древнерусские юристы ориентировались на классификации «Эклоги»²⁵.

Вместе с тем исследователь настойчиво обращал внимание на то, что в XVII титуле «Эклоги» устанавливались наказания не только за уголовные преступления, но и за отступление от веры и за нарушение норм христианской нравственности. Полагая, что при Владимире наряду с мерами по борьбе против разбойников были приняты меры для охраны церкви и духовных лиц и борьбы с нарушениями норм христианской морали, исследователь ставил вопрос о том, какова была возможная судьба этих установлений после возвращения Владимира к «устроению отню и дедню». Отмечая обращение к Владимиру не только «старцев», но и епископов, он полагал, что они также соглашались на замену «казней» штрафами²⁶. Можно указать свидетельство, которое подкрепляет предположение исследователя. В договоре Новгорода

²³ НПА. С. 104.

²⁴ См. комментарий Д.С. Лихачева: Повесть временных лет. Ч. 2. С. 350.

²⁵ Милов Л.В. Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (к рецепции византийского права на Руси) // Милов Л.В. По следам ушедших эпох. С. 93–95.

²⁶ Милов Л.В. Византийская Эклога и «Правда Ярослава». С. 95.

с немцами конца XII в. устанавливалась двойная вира за убийство священника²⁷.

Все возникавшие на этой почве сложные вопросы предстояло окончательно урегулировать преемнику Владимира Ярославу. Его законодательная деятельность, связанная с подготовкой первоначальной редакции церковного устава, связанного с его именем, должна быть предметом особого исследования.

²⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 28. С. 56. Согласно «Эклоге», поднявший руку на священника изгонялся из страны (Эклога. С. 68).

REFERENCES

1. *Вашица Й.* Кирилло-мефодиевские юридические памятники // Вопросы славянского языкознания. М., 1963. Вып. 7.
2. *Живов В.М.* История русского права как лингво-семиотическая проблема // *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.
3. *Милов Л.В.* О древнерусском переводе византийского свода законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1.
4. *Милов Л.В.* Легенда или действительность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // *Jus antiquum/ Древнее право.* М., 1996. № 1.
5. *Милов Л.В.* Проблемы рецепции византийского права в Древней Руси // *Милов Л.В.* По следам ушедших эпох. М., 2006.
6. *Милов Л.В.* Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (к рецепции византийского права на Руси) // *Милов Л.В.* По следам ушедших эпох. М., 2006.
7. *Петрухин В.Я.* Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002.
8. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2 (Статьи и комментарии Д.С. Лихачева).

Ключевые слова:

Владимир Святой, виры, Закон судный людем, Эклога.

Boris N. Floria

THE CANCELLATION OF THE FINES BY VLADIMIR SVIATOSLAVICH

he article analyses a narrative from the Chronicles dedicated to Vladimir Sviatoslavich the Great's cancellation of the fines imposed by the Court, and their replacement with judicial execution and corporal punishment. The author examines these issues in the historical context of the other Slavic countries, including Great Moravia and the Czech lands, focusing upon the legal rules followed after Christianization.

 Флоря Борис Николаевич

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

П.С. Стефанович

ЛЕТОПИСНОЕ ИЗВЕСТИЕ 6504 (996) г. О «КАЗНЯХ» И «ВИРАХ»: ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Небольшой текст, помещенный в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) под 6504 (996) г., давно вызывает интерес ученых, но и проблемы в интерпретации. С одной стороны, это связано с тем, что очень важны затронутые в нем вопросы: участие духовенства в государственных делах Руси, только что просвещенной Крещением, правовые преобразования на высшем уровне, суть самих преобразований, касающихся наказания за тяжкие уголовные преступления. С другой стороны, информацию, содержащуюся в известии, трудно вписать в исторический контекст, согласовав с иными данными по истории древнерусского права, которыми располагает наука.

Вот так выглядит известие по древнейшему списку ПВЛ в Лаврентьевской летописи:

Живяше же Володимеръ в страсъ б(о)жьи, и умножишася разбо-
еве. И рѣша еп(и)с(ко)пи Володимеру: се умножишася разбоини-
ци, почто не казниши ихъ. Он же реч(е) имъ: боюся грѣха. Они же

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00327.

рѣша ему: ты поставленъ еси от Б(ог)а на казнь злымъ, а добрымъ на милованье, достоинъ ти казнити разбоиника, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбоиники. И рѣша еп(и)-с(ко)пи и старци: рать многа, оже вира, то на оружьи и на коних буди. И реч(е) Володимеръ: [так(о) буд(и). И живяше Володимер] по устройню отъню и дѣдню².

Слова, заключенные здесь в квадратные скобки, восстанавливаются по другим спискам ПВЛ; в Лаврентьевском списке они были пропущены, очевидно, вследствие гаплографической ошибки из-за повтора слова «Володимер».

Нет оснований сомневаться в аутентичности текста известия. Он читается почти точно в таком же виде (за исключением одного небольшого расхождения, о котором будет ниже сказано специально) в Новгородской 1-й летописи младшего извода (далее — Н1Лм), которая, как доказано, отражает этап летописания, предшествующий составлению ПВЛ³. А.А. Шахматов связал этот этап с работой монахов Киево-Печерского монастыря в середине 1090-х гг. и свод, ставший плодом этой работы, условно назвал «Начальным». Но возникновение самого известия Шахматов относил к еще более ранним «слоям» летописания — к своду, который он называл «Древнейшим Киевским» и датировал 1037 г.⁴

Мнение Шахматова выглядит вполне вероятным. Известие находится внутри годовой статьи, в которой под одной датой собраны несколько разнородных сообщений, явно не имевших изначально строгой хронологической привязки (сообщения о благотворительности Владимира, его пирах с «дружиной» и отношениях с соседними государствами). В последнее время выдвинуты убедительные аргументы, что в основе начального летописания лежало повествование, не имевшее строгой анналистической хронологии⁵, и известие можно относить как раз к этому древнейшему слою.

² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРА). Т. 1. Л., 1926. Стб. 126–127 (Лаврентьевская летопись, л. 43 об.–44); т. 2. СПб., 1908. Стб. 111.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.-Л., 1950. С. 167.

⁴ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. I. Кн. 1. СПб., 2002. С. 390.

⁵ См.: Гиттис А.А. Рекоша дружина Игореву... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25 (2001). No. 2. P. 147–181; Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сборник/Collectanea Borisoglebica/ Ред. К. Цукерман. Вып. 1. Paris, 2009. С. 183–306.

Утверждение, что «история», изложенная в тексте, «придумана позднее, в оправдание широкого применения штрафов на рубеже XI—XII вв.»⁶, не имеет текстологического обоснования и исходит скорее из общего впечатления об искусственности рассказа. Такое впечатление, возможно, в чем-то и верно, но оно само по себе не должно вести к признанию любого риторически «построенного» текста некой позднейшей басней. Дело тут сложнее, и об этом и пойдет речь далее.

Историки с XVIII в. пересказывали это известие, обращая внимание, прежде всего, на юридическую сущность вопроса, поднятого «епископами», которые обратились к Владимиру. Попытки согласовать детали рассказа с данными Русской Правды или другими памятниками права Древней Руси, а также связать сюжет рассказа с какими-то конкретными историческими событиями (например, установив причину усиления «разбоев») предпринимались, но не дали результатов. И в конце концов устоялось понимание текста, исходящее из его прямого смысла: «криминогенная» обстановка в государстве ухудшилась, а князь боялся наказывать преступников смертной казнью, это привело к вмешательству духовенства, которое разъяснило, что добросердечие здесь не уместно, — но затем оказалось, что для казны выгоднее брать штрафы за убийства (виры), чем казнить убийц, и князь стал брать штрафы, как это и было принято при его отце и деде, князьях Святославе и Игоре⁷.

Разумеется, при этом отмечались некоторые важные или характерные в том или ином отношении аспекты и детали рассказа. Так, ученые историко-юридической школы XIX — начала XX в. делали вывод, что виры как штраф в пользу казны были выгодны княжеской власти и, сменяя или вытесняя право мести и частные компенсации за жертву убийства, стали вехой на пути становления публичного права⁸. Указывалось, что предложение «епископов» ввести смертную казнь надо трактовать как следование

⁶ Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200 / Пер. Д.М. Буланина и Н.А. Лужецкой. СПб., 2009 (1-е изд. на англ. яз.: 1996 г.). С. 350. Франклин и Шепард шли, видимо, за Д. Кайзером, у которого рассказ не вызывал доверия, хотя он и не решался говорить определенно о цели, времени и месте его составления: *Kaiser D.H. The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, 1980. P. 75–77.

⁷ См., напр., комментарий Д.С. Лихачева в издании ПВА: Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, под ред. В.А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. Подгот. М.Б. Свердлова. СПб., 1996 (1-е изд.: т. 1–2. М.—Л., 1950). С. 467.

⁸ См., напр.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989 (1-е изд.: 1816 г.). С. 158, 296; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1 // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. М., 1988 (1-е изд.: 1851 г.). С. 179; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005 (по 6-му изд. 1909 г.). С. 382–385.

византийскому законодательству⁹. Церковные историки подчеркивали, что известие свидетельствует о высоком статусе церковных иерархов, мнение которых было учтено в государственных делах, а также выделяли моральный аспект рассказа — благочестие князя-неофита, не решавшегося взять «на душу» грех смертоубийства¹⁰.

Однако к концу XIX в., когда знаний о древнем обществе стало больше и они стали глубже, все чаще стали высказываться те или иные недоумения относительно понимания летописного известия. Прежде всего, при внимательном чтении текста возникал вопрос: зачем было летописцу писать о том, что не имело результата? — если, как вытекает из рассказа, Владимир, выслушав советы, вернулся к «устроению отъню и дѣдню» в уголовном праве (то есть в юридической практике по сути ничего не поменялось), зачем вообще нужно было рассказывать в летописи о неудачном предложении «епископов», которые к тому же оказывались выставлены в невыгодном свете?

Кроме того, историки обратили внимание на данные о наказаниях за преступления на Руси до эпохи Владимира. Главным образом, это — русско-византийские договоры 911 и 944 гг. и сообщения ученых и путешественников арабо-персидской традиции, восходящие к концу IX—X в. (прежде всего, сообщения ибн Русте и ибн Фадлана). Из этих данных следует, что среди руси и восточных славян до Владимира применялись месть и смертная казнь (легитимное умерщвление по приговору общины или правителя), а также, вероятно, были известны возмещения за убийство по частному праву (*compositio*/композиция, в латинской терминологии средневековой Европы), — но нет упоминаний о вире как публичном штрафе (в пользу казны/князя), которую летописное известие выставляет как норму, восходящую ко временам Игоря и Святослава. С другой стороны, шли споры относительно того, как следует понимать нормы выплаты за жертву убийства, установленные в Русской Правде, — как публичный штраф или как частное возмещение. Принимая второй вариант, надо было удивляться, почему летописное известие странным образом умалчивает об этих частных возмещениях за убийства.

На рубеже XIX—XX вв. появились попытки разглядеть в летописном известии некий подтекст и намеки на то, что в итоге совещаний Владимира с советниками из церковной и светской элиты какие-то перемены в юриди-

⁹ Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 23–24.

¹⁰ См., напр.: Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. Париж, 1959 (репринт: М., 1991). С. 128–129.

ческой сфере все-таки состоялись. Как подсказывали логика исторического развития и сравнительные аналогии, суть этих перемен надо было видеть в усилении роли князя и расширении сферы публичного права в судопроизводстве. Именно так подходил к делу В.О. Ключевский.

Историк пытался разделить летописный рассказ на два прямо не связанных между собой сообщения с двумя разными постановлениями: одно постановление вводило «казнь» вместо виры за разбой, понятый как один вид преступления — предумышленное убийство, а другое — штрафы («виры») в пользу князя по другим преступлениям; «и второе — не отмена первого, а новый закон». Под «казнью» Ключевский предлагал понимать не обязательно смертную казнь, а любое «какое-то правительственное наказание» (древнерусское слово *казнь*, действительно, многозначно) — например, «поток и разграбление», известный по Пространной редакции Русской Правды. Постановление о «вирах», которые должны идти на «оружие», имеет в виду, по Ключевскому, что «и все остальные виры превращаются в казнь, в наказание правительственное, в казенное взыскание», то есть наказания за все остальные убийства (не только в разбое, но и, например, «в сваде») тоже становятся публично-правовыми, но в другой форме: именно в форме штрафа в казну. Хотя «оба закона» говорили о разном — первый о замене «виры за разбой» «каким-то правительственным наказанием», а второй о введении казенных штрафов за другие убийства, — они «изменяли действовавшее право в одном направлении, превращали в правительственное взыскание пеню за преступление, шедшую прежде в пользу частных лиц или обществ». Последние слова о правлении Владимира «по устроенью отню и дѣдню» Ключевский понимает как указание на то, что уже при Игоре и Святославе за часть преступлений предусматривались наказания публично-правового характера, а при Владимире «довершено было то, что начали отец и дед этого князя», — то есть такие наказания были введены за все убийства¹¹.

В рассуждениях Ключевского есть здоровое зерно — прежде всего, стремление понять рассказ как сообщение о чем-то не просто состоявшемся в реальности, но и очень важном, что летописец хотел донести до читателя. Не случайно некоторые исследователи поддержали его мнение¹². Вместе

¹¹ Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. 3-е изд. М., 1902 (репринт: М., 1994). С. 532–534.

¹² Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подгот. текста, ст. и прим. М.Б. Свердлова. М., 1993 (1-е изд.: 1909 г.). С. 219–220.

Василий Осипович Ключевский

с тем эти рассуждения подразумевают довольно сложную (и неизбежно гипотетическую в тех или иных звеньях) реконструкцию эволюции юридической практики, но при этом явно недостаточно объясняют логику самого текста. Ключевскому приходится определять два решения Владимира как два разных «закона», состоявшихся и действующих, а между тем в самом рассказе они выступают последовательными действиями, второе из которых реагирует на первое. Есть и другие сомнительные утверждения Ключевского. Так, «казнь» в данном контексте трудно понимать как нечто иное, отличное от смертной казни — ведь именно ее подразумевают моральные колебания князя, «боящегося греха». На современном уровне знаний об истории текста Русской Правды трудно также принять тезис, что в летописном известии где-то имелся в виду «поток и разграбление» — сегодня, в отличие от времен Ключевского, когда текстология Русской Правды не была еще разработана, отражение древнейшего права видят не в позднейшей Пространной, а в более древней Краткой редакции, где не упоминается этот вид наказания.

Немецкий историк права Леопольд Карл Гётц в фундаментальной работе, посвященной древнейшему праву Руси (вышедшей в нескольких томах), придавал летописному известию 996 г. большое значение. Подобно Ключевскому, он считал, что благодаря решениям Владимира, изложенным в известии, обычное право (*Volksrecht*, *Gewohnheitsrecht*) уступало место «княжому праву» или «государственно-княжескому правосудию» (*Fürstenrecht*, *staatlich-fürstliche Rechtspflege*). Но в отличие от Ключевско-

го Гётц заключал, что в летописи описан не конец давно начавшегося процесса, а активная законодательная деятельность князя, решительно разрывавшего с прошлым, — собственно, правовая реформа (Rechtsreform). Суть этой реформы он видел в том, что если до Владимира применялась месть, а также виры как вознаграждение частным лицам (композиция), то Владимир ввел виры как штраф в казну публично-правового характера¹³.

Иначе, чем Ключевский, понимал Гётц и само летописное известие. Прежде всего, гораздо большее значение он придавал выступлению епископов. В их речи, обращенной к Владимиру, он видел формулировку правового сознания, ориентированного не просто на нормы византийского законодательства, а на базовый принцип публичного права, обеспеченного государственной властью (das öffentlich-rechtliche Moment). По Гётцу, именно представители церкви, греческие епископы, принесли этот принцип на Русь, пребывавшую до принятия христианства полностью под господством частного права, символом которого были месть и частная компенсация (композиция). По их требованию Владимир «отверг виры», то есть отменил композиции, и стал применять «казни» — телесные наказания и смертную казнь (немецкий историк тоже понимает это древнерусское слово широко). Но такое решение было бы слишком резким разрывом с традиционной практикой, поэтому представители общества («старцы») заставили князя пойти на компромисс и вернуться к вине, но теперь в ее другой форме: не как частного вознаграждения, а штрафа в пользу князя, — сохранив тем самым принцип публично-правового наказания.

Однако такое внешне логичное построение основывалось на ряде натяжек. На них указали русские историки уже в рецензиях на книгу Гётца, которые, впрочем, отличались не только пространностью, но и, в целом, весьма позитивным отношением к труду немецкого ученого¹⁴. Прежде всего, сомнения вызывал центральный тезис Гётца, что право эпохи до Владимира

¹³ Goetz L.K. Das russische Recht (Русская Правда). Bd. 1. Stuttgart, 1910. S. 193–211.

¹⁴ См.: Дьяконов М.А. [Рецензия на:] Prof. Goetz L.K. Das russische Recht (Русская Правда). 1-er Band. Stuttgart, 1910 // ИОРЯС. Т. XVI (1911). Кн. 1. С. 232–252 (отдельный оттиск: С. 1–21); Владимирский-Буданов М.Ф. [Рецензия на: Goetz L.K.] Das Russische Recht. Русская Правда // Киевские университетские известия. Год 51. № 3. Март. Киев, 1911. С. 1–24 (то же отдельным оттиском); Флоровский А.В. Новый взгляд на происхождение Русской Правды // Известия Одесского библиографического общества при имп. Новороссийском университете. Т. I. Вып. 4. Одесса, 1912. С. 97–122 (то же отдельным оттиском); Пресняков А.Е. [Рецензия на:] Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда), I–II тт., Stuttgart, 1910–1911 // ЖМНП. Ч. XLII (1912). Ноябрь. СПб., 1912. С. 153–167; Филиппов А.Н. Русская Правда в исследованиях немецкого ученого: Das Russische Recht (Русская Правда) von Dr. Leopold Karl Goetz, Professor an der Universität Bonn // Юридический вестник. 1914. Кн. VI (II). С. 3–55 (то же отдельным оттиском).

Евгений Николаевич Щепкин

не знало вовсе судебных штрафов в пользу князя. Сомнения были тем более уместны, что этот тезис Гётц отстаивал, пытаясь трактовать «Древнейшую редакцию» Русской Правды или «Правду Ярослава» (первую часть Краткой редакции) как запись права, восходящего к языческой Руси X в., а указанную в ней выплату в 40 гривен «за голову» как частнопрововое возмещение (композицию).

Противопоставление композиций и казенных штрафов в том духе, как оно проведено Гётцем, заставляет понимать слово *вира*, употребленное в летописном известии 996 г. дважды в соседних фразах, в двух разных смыслах: получается, что в первом случае под ним подразумевались композиции, во втором — штрафы в пользу князя. Это сомнительно. Наконец, в трактовке Гётца остается неясным, почему летописное известие закончено сентенцией о том, что всё осталось, как прежде. Если автор летописи хотел рассказать о «реформе», то слова о возвращении к «устроенью дедню и отню» выглядят крайне странно. Гётц объяснял слова как риторическую фигуру общего характера, не имевшую реального содержания¹⁵. Объяснение это не вполне удовлетворительно (как, впрочем, и объяснение этой фразы в трактовке Ключевского).

В ходе обсуждения работы Гётца высказывались отдельные интересные замечания, но они не сложились в последовательную непротиворечивую интерпретацию летописного известия. Например, Е.Н. Щепкин,

¹⁵ «Diese Worte scheinen mir nur allgemeinen Sinn zu haben; sie sind eine nicht viel Besonderes besagen wollende Phrase» (Goetz L.K. Op. cit. S. 200).

рассуждая о размерах вир и денежной системе на Руси и, в сущности, уточняя суждения Ключевского и Гётца, высказал предположение, что в летописи имеется в виду введение виры «на оружие» как княжеского штрафа только в тех случаях, «когда мщение не состоялось», — если стороны пошли на мировую или община скрывает убийцу. Право мести и композиции сохранялись (что отражено в «Древнейшей Правде»), и, подразумевая это (хотя и не указывая на это эксплицитно), летописец провел преемственность между юридической практикой «отней и дедней» и Владимировой¹⁶.

В советской историографии сложилось несколько противоречивое отношение к известию 996 г. Из работы в работу переходило утверждение о некоей «реформе» Владимира, но когда дело доходило до сколько-нибудь подробного разбора летописного текста, выяснялось, что авторам фактически нечего предложить в его интерпретации, и, придерживаясь прямого смысла текста, они заключали, что в реальности ничего в юридической практике не изменилось.

Например, А.А. Зимин, ссылаясь как будто сочувственно на Гётца, сначала утверждал, что в летописи описывалась «реформа русского права», обозначавшая «укрепление княжеской власти и дальнейшее ограничение кровной мести»¹⁷. Затем, однако, он заключил, что виры как княжеский штраф были известны задолго до Владимира и тот, попробовав смертную казнь по совету епископов, к ним и вернулся. Фактически все новации в интерпретации известия советским историком сводятся к двум утверждениям: во-первых, «разбои» были не просто уголовщиной, а «классовыми выступлениями»; во-вторых, под вирой летописец разумел только «штраф за убийство дружинника». На чем основаны эти заключения, остается неясным.

Подобным образом рассуждал и Л.В. Черепнин¹⁸. Он еще предполагал, что Владимир занимался целенаправленным законодательным нормотворчеством и даже составил некий «Устав земленой». Смысл этой деятельности сводился в конечном счете к тому, чтобы «укрепить власть» князя (государства) над «общинниками-данниками», поэтому в «вирах», о которых говорит летопись, Черепнин видит установление коллективной ответственности этих «общинников» за «разбои» («классовые высту-

¹⁶ Щепкин Е.Н. Варяжская вира. Одесса, 1915. С. 102–103.

¹⁷ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 85–88 (переиздание текста, опубликованного в 1965 г.).

¹⁸ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 152–154.

пленения») — так называемую дикуую виру. Русской Правде, действительно, известна «дикая вира», но только ее Пространной редакции. Тезис о «дикой вире» применительно к известию 996 г. является не более чем догадкой, обоснованной не лучше, чем предположение Ключевского о «потоке и разграблении».

В литературе последних десятилетий обычно пишут о решениях Владимира о «казнях» и «вирах» как «неудачной» или «ошибочной» «попытке реформ»¹⁹. И.Я. Фроянов, правда, возразил против применения термина «реформа» к «импульсивным, торопливым действиям» князя, которые, по его мнению, описаны в летописи, и выдвинул мысль, что под «разбоями» надо понимать не «классовую борьбу», а следствие «кризиса родоплеменных отношений»²⁰. Но и он, и большинство других авторов русскоязычной историографии едины в том, что летописный текст следует воспринимать, в целом, по его прямому смыслу и видеть в нем отражение реальных событий.

Полностью доверяет летописному рассказу Л.В. Милов, видя в нем рассказ о «реформе» Владимира²¹. Историк предпринял попытку уточнить, на что конкретно могли опираться «епископы» в своих советах князю. По его мнению, они исходили не просто из византийской традиции карательного права, а ссылались на славянский перевод византийского правового сборника «Эклога», сделанный как раз для Владимира. Фактически следуя теории Ключевского о Русской Правде как памятнике, «сложившемся в сфере церковного суда»²², Милов пытался найти и в Русской Правде следы использования ее авторами норм «Эклоги»²³. Это мнение поддерживает Б.Н. Флоря, обращая внимание на аналогичные попытки

¹⁹ См., например: *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 78–80; *Он же.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 291; *Он же.* Правда Русская. История текста. В. Новгород, 2015. С. 107–110 (испр. изд. книги «От Закона Русского к Русской Правде» 1988 г.); *Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М., 1997 («ЖЗЛ». Вып. 738). С. 301–302.

²⁰ *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996. С. 217–227, особ. 226–227. Ср. также: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 29.

²¹ Так, в одной из последних работ Л.В. Милов пишет о «судебной реформе» Владимира, но признаёт, что «она была обречена на неудачу» и фактически не состоялась (*Милов Л.В.* К вопросу об истории Церковного устава Владимира // *Florilegium*. К 60-летию Б.Н. Флори. Сб. ст. М., 2000. С. 244).

²² *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. I // *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. / Под ред. В. Л. Янина. Т. I. М., 1987 (1-е изд.: 1904 г.). С. 219, ср. также с. 229.

²³ См. цикл статей Л.В. Милова на эту тему в сборнике: *Милов Л.В.* Исследования по истории памятников средневекового права: Сборник статей. М., 2009, раздел «Византийская Эклога и древнерусское право». С. 79–189.

со стороны духовенства вмешиваться в юридическую практику в западнославянских странах²⁴.

Идеи Л.В. Милова встретили возражения со стороны В.М. Живова. С одной стороны, он выступил против гипотезы о раннем древнерусском переводе «Эклоги», указывая на слабость лингвистических доводов Милова. Подчеркивая отсутствие прямых переключек между «Эклогой» и Русской Правдой, Живов считает некоторые содержательно-композиционные соответствия следствием типологического сходства, неизбежного в законодательстве, толкующем об одних и тех же предметах²⁵. С другой стороны, развивая свой главный тезис о «юридическом дуализме» в средневековой Руси — противостоянии местного восточнославянского права как действующего и византийского права, привнесенного извне и выполняющего скорее идеологическую функцию, — Живов предлагает понимать летописное известие как попытку средневекового книжника объяснить этот дуализм. Отказ Владимира от «казней» по византийскому образцу и объявление приверженности вирам «по устройню отню и дедню» приобретают в трактовке исследователя символический характер: речь шла о сознательном выборе в пользу автохтонного права, и этот выбор летописец обосновывает (легитимизирует) «с помощью мифологического повествования»²⁶.

Критика В.М. Живова в адрес Л.В. Милова выглядит довольно убедительно (хотя местами и неоправданно резкой). Но я не буду входить в ее детали, в частности, не буду касаться вопроса о сходстве Русской Правды и «Эклоги» и замечу лишь, что, кроме как в работах Милова, соображения Ключевского не нашли поддержки в литературе; Русскую Правду считают памятником, в целом, не книжно-византинизирующего происхождения, а отразившим автохтонное право. В данном случае не так существенно, имел ли в виду автор летописного рассказа под 996 г., что «епископы» опирались на опытное знание византийского карательного права или что они указывали прямо на какой-то конкретный текст, переведенный с греческого на старо- или церковнославянский или древнерусский язык. Гораздо важнее для меня мысль Живова, что летописное известие представляет собой рассказ «мифологического» характера, то есть иносказание, не отра-

²⁴ См. статью Б.Н. Флори «Отмена вир Владимиром Святославичем» в настоящем издании.

²⁵ Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. С. 734–736.

²⁶ Там же. С. 734.

жающее напрямую действительность, а переосмысляющее ее. Эта мысль будет развита ниже.

Таким образом, в историографии не существует консенсуса относительно того, как надо понимать летописное известие под 996 г. о «казнях» и «вирах» князя Владимира. Преобладающей в русскоязычной литературе является тенденция видеть в нем рассказ о реальных событиях, и тогда получается, что собственно «судебной реформы» не было, а была неудачная попытка реформы, но в итоге все осталось, как было. В.О. Ключевский и Л.К. Гётц пытались разглядеть какие-то недоговоренности и/или неочевидные смыслы в рассказе и трактовать его как сообщение о том, что Владимир все-таки внес некие изменения в юридическую практику. Но эти интерпретации нельзя назвать вполне убедительными. Наконец, в англоязычных работах высказывалось полное недоверие рассказу, в котором тогда надо видеть некую позднейшую легенду. Однако при этом остается неясным, как и когда работал составитель легенды и почему он выбрал именно такую форму для своих идей.

Цель настоящей статьи состоит, главным образом, в более внимательном прочтении летописного известия. Такое прочтение обнаруживает явные недоговорки и противоречия в тексте, которые, на мой взгляд, ставят под сомнение возможность его понимания как рассказа о реальных событиях — будь то рассказ о неудачной попытке реформы или каких-то состоявшихся изменениях. Соответственно, внимание будет сконцентрировано не столько на фактической информации по истории государства и права, сколько на общем смысле текста, целях и логике его составителя.

Начнем с некоторых черт общего характера, которыми выделяется известие о «казнях» и «вирах» князя Владимира в контексте летописного повествования. Прежде всего, легко заметить одиноко-обособленное положение известия в летописи. Этот рассказ не только не связан тематически с соседними сообщениями в статье 6504 (996) г. и в других статьях, но и в некоторых отношениях противоречит им. Например, в известном рассказе о пирах Владимира с «дружиной», помещенном в той же статье 996 г. непосредственно перед нашим известием, говорится о том, как князь «любил» «дружину» и советовался с ней по всем делам, — между тем в известии о «казнях» и «вирах» никакая дружина не появляется, а советниками князя выступают «епископы» и «старцы». В рассказах об основании Десятинной церкви и милостыне Владимира (тоже в статье 996 г.), казалось бы, можно было найти точки соприкосновения — ведь речь шла, как и в нашем известии, о личной религиозности князя и его взаимодействии с Церко-

вью. Однако и здесь не находится ничего общего: ни тема «боязни греха» не находит аналогии, ни участие «епископов» не обозначено (как и нигде в других местах летописи).

В целом, рассказ выглядит неким «вкраплением» в летописный нарратив, связанным с последним лишь темой деятельности Владимира — в известии раскрывается один из аспектов этой деятельности, в то время как другие известия освещают другие аспекты. Конечно, нельзя считать появление этого известия случайным, и инородным оно не выглядит. Но в то же время его можно рассматривать как некое отдельное произведение, целостное и законченное «само в себе».

С точки зрения реалий и действующих лиц рассказ не обнаруживает анахронизмов, хотя носит явный налет неопределенности или обобщенности, характерный для исторических описаний событий уже отдаленных во времени. Например, в «завязке» сюжета появляется тема «разбоев». В самой по себе этой теме нет ничего неуместного. Под «разбоем» на Руси понималось убийство, не спровоцированное личной обидой или враждой и совершенное не публично и как самозащита, а как агрессия, замышленная и осуществленная тайно и неожиданно²⁷. Усиление «криминального» элемента в обществе, переживавшем в правление Владимира эпохальный перелом, вполне вероятно. Вместе с тем утверждение «умножишася разбоеве» остается не конкретизированным и не мотивированным контекстом. Почему, как, в какое именно время усилились «разбои», никак не объясняется. Приходится считать это утверждение своеобразным «эпическим зачином».

У некоторых исследователей возбуждало сомнения упоминание епископов во множественном числе²⁸. Но специальные работы убеждают, что основание митрополии на Руси должно было сопровождаться учреждением и подчиненных ей епархий. Ко времени Владимира можно возводить, по крайней мере, Новгородскую и Белгородскую кафедры²⁹. О епископах во множественном числе говорит применительно ко времени правления Владимира его младший современник — митрополит Иларион³⁰. Поскольку

²⁷ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. соч. С. 374–375; *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Исследования о Русской Правде. Вып. II. М., 1885. С. 251–252; Приложение ко второму выпуску. М., 1886. С. 144–168.

²⁸ *Живов В.М.* Указ. соч. С. 735.

²⁹ *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 33–36.

³⁰ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Понырко. Т. 1. СПб., 1997. С. 48.

епископом могли называть и митрополита, упоминание нескольких епископов в окружении Владимира не должно расцениваться как анахронизм. Вместе с тем упоминание их в безличном и обобщенном множестве тоже скорее соответствует «эпическому» стилю, нежели хроникально-фактографическому.

Обычно в таком же неопределенном контексте фигурируют в летописи и «старцы». В каких-то случаях имелась в виду «племенная» или «местная» знать догосударственного происхождения, в других — тогда, когда эти слова прямо связывались с городами (как «старцы градские», «старейшины по градом» и т. п.) — можно предполагать торгово-ремесленную верхушку городов уже эпохи государственной (X–XI вв.). В целом, речь шла о людях повышенного социального статуса, авторитет которых был укоренен в традиции и обычном праве и связан с повышенным материальным достатком³¹. Так или иначе, и «старцы» — термин не бессодержательный, но все-таки весьма неопределенный.

В целом, социально-правовая терминология известия оказывается размытой и обобщенной. Недостаточно данных, чтобы подозревать автора текста в нарочитости в выборе лексики и выражений, и тем не менее приходится учитывать, что оптика различения и описания, при которой объекты расплываются в некой туманной дали, могла быть выбрана автором намеренно.

Впечатление размытости и неоднозначности усиливается, если вчитаться и вдуматься, собственно, в сам рассказ. Он делится на две основные части — совет князю епископов и совет епископов и старцев. Появление епископов с самого начала не могло не броситься в глаза читателю, поскольку до этого момента летопись ровным счетом ничего не сообщала о церковной иерархии, которая между тем неизбежно должна была появиться на Руси после крещения Владимира и его подданных. И вот, уже в самом конце описания деятельности выдающегося князя, на сцену выходят «епископи». С чем же они выступают?

Суть предложений духовенства сводится к предложению «казнити разбойника, но со испытумь», и под это предложение они подводят определенную «теоретическую базу». Диалог епископов и князя выдержан последовательно и логично. Первые спрашивают, почему князь не «казнит» разбойников, и тот отвечает, что «боится греха». Если разбойники — это убийцы, а греческие епископы придерживались византийского права, труд-

³¹ См.: Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012. С. 216–217.

но настаивать, что подразумевалось нечто иное, нежели смертная казнь. В ответе Владимир, признавая свою пассивность, оправдывается тем, что «боится греха» — очевидно, не смеет брать на себя ответственность за лишение человека жизни. Такой подход исходит из христианских ценностей и находит параллели как сравнительные³², так и ретроспективные — из более позднего времени³³. Ответ выглядит уместно (в соответствии со сложившейся на тот момент ситуацией) и выставляет князя в благоприятном свете, подчеркивая, насколько глубоко и с открытым сердцем он, недавно крестившись и пережив нравственный переворот, принял и осознал христианскую мораль.

Епископы продолжают диалог вполне в соответствии с образцами, которые предписывались церковным проповедникам. Беря на себя учительную функцию, они разъясняют князю, что к общественно-государственным проблемам он должен подходить не как частное лицо, а с сознанием той высокой роли, которая ему усваивается как христианскому правителю. С явной отсылкой к знаменитому месту из Посланий апостола Павла (Римлянам, XIII, 1–7) епископы кратко и точно излагают «теорию богоустановленности власти»: глава христианского государства имеет особые полномочия (миссию) от Бога для управления своими подданными по справедливости, соответствующей христианским ценностям. Как сообщает в итоге летописец, этот убедительный довод заставил князя «отвергнуть» практику выплат за убийства и начать «казнить» разбойников.

Этот внешне логичный рассказ возбуждает между тем ряд вопросов и недоумений.

Во-первых, довольно странно выглядит повод выступления епископов. Мало того что никак не мотивированы «разбои» (летопись не отмечает никаких смут, мятежей и т.п.), совершенно непонятно, почему вообще епископы должны были о них беспокоиться. Уголовное право — это сфера не их компетенции и ответственности. В словах, которые им приписывают, они, собственно, и не настаивают на своем участии в светских суде и управлении. А в самой практике выплат за убийство, хотя она, допустим, и не соответствовала византийской правовой традиции, не было ничего противного христианским канонам, и даже, напротив, выплата — относительно гуманный способ решения конфликта.

³² См. указание на Вячеслава (Вацлава) Чешского в статье Б.Н. Флори в настоящем издании.

³³ Ср. в «Поучении» Владимира Мономаха: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245.

Во-вторых, недоумения вызывает «поучение» епископов. Для сегодняшнего читателя, воспринимающего его из позднейшей перспективы древнерусской литературы, оно может казаться естественным. Между тем, если представить себе, что его должны были произносить греческие архиереи, прибывшие в страну, в которой христианство едва пустило корни и только начала создаваться церковная организация, его уместность и сама реальность ставится под большой вопрос. Эти люди, прекрасно зная «теорию богоустановленности власти», едва ли могли ее в тот момент применять к Владимиру. Согласно господствующим в Византии представлениям, единственным полноценным христианским правителем во всем мире был только византийский император. У него, разумеется, были особые полномочия (миссия), освященные Церковью, и он мыслился как источник справедливости. Но трудно допустить, что такие же полномочия и тот же сакральный ореол в рамках той же теории греческое духовенство сразу стало применять по отношению к правителю страны, которую в Византии привыкли воспринимать как исключительно дикую и варварскую.

Еще труднее себе представить эти идеи в устах греческих епископов, если допускать, вслед Л.В. Милову, что при этом они опирались на «Эклогу» — сборник византийского законодательства, в котором в начале же прямо сказано, что единственным христианским государем является император ромеев и только он является гарантом истинного правосудия³⁴. На это обстоятельство справедливо обратил внимание недавно Уолтер Ханак, указав несоответствие поучения епископов историческому контексту³⁵. К его соображениям надо добавить, что это поучение является практически единственным даже не изложением, а просто упоминанием или намеком на теорию богоустановленности власти, которые можно найти и в ПВЛ, и вообще во всей литературе Киевской Руси XI — начала XII в.

Далее, этот диалог, как выясняется, не очень согласован с последующим повествованием — вторым эпизодом рассказа, когда на сцену выходят «старцы». Сам по себе этот эпизод выглядит, как и первый, вроде бы уместно. Решение Владимира перейти на смертную казнь оказалось неудачным, в дело вмешиваются старцы, и вместе с епископами (очевидно, теми же) они дают новую рекомендацию князю: не отменять выплаты за убийства, потому что доходы от этих выплат важны для содержания войска.

³⁴ См. в «Предисловии»: Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965. С. 41–42.

³⁵ Hanak W.K. The nature and the image of princely power in Kievan Rus', 980–1054: A study of sources. Leiden, 2014. P. 45–46, 167–169.

Несуразность и непоследовательность состоит в том, что епископы не только продолжают вмешиваться в вопросы, их совсем не касающиеся — теперь уже и в проблемы «государственного бюджета» и содержания военных сил, — но и меняют свое мнение. Сначала они советовали одно: отменить виры, а теперь ровно противоположное: сохранить виры. Эта непоследовательность даже заставила А.А. Шахматова предполагать, что мы имеем дело с текстом, исправленным позднейшим редактором, а первоначально во втором эпизоде епископы не участвовали и совет князю давали только «старцы»³⁶. Однако формальных оснований для таких предположений нет. Во всех текстологически релевантных в данном случае летописях (Н1Лм, древнейшие списки ПВЛ и летописи группы так называемого «Новгородско-Софийского свода») текст содержит упоминания епископов и старцев вместе. Никакого оправдания перемены мнений духовенства автор рассказа не приводит.

В двух эпизодах совсем разной оказывается реакция князя на предлагаемые ему рекомендации или, точнее, мотивация его ответов. В первом эпизоде князь мотивирует свои действия моральными соображениями: он боится греха. По контексту были бы вполне уместны ссылки на то, что он берет виры и действует тем самым просто согласно сложившейся практике (которая сама по себе не могла вызвать нареканий духовенства с точки зрения нравственной), но их здесь нет. Зато такая ссылка появляется в заключении ко второму эпизоду и ко всему рассказу — князь стал жить «по устроенью отъню и дедню», — но при этом никто (ни герои рассказа, ни его автор) уже не вспоминает ни о морали, ни о богоустановленности власти.

Логический «вакуум» становится еще очевиднее, если заметить, что именно в заключительной фразе и именно в связи с религиозной стороной дела есть текстуальное расхождение между списками Н1Лм, отразившей «Начальный свод» (1090-е гг.), и списками более поздней ПВЛ (1110-е гг.). В списках ПВЛ эта фраза звучит так: «И живяше Володимер по устроенью отъню и дѣдню», а в Н1Лм так: Владимир стал жить «по устроению *божию* и дѣдню и отъню». Ясно, что смысл и фразы, и всего рассказа в зависимости от присутствия/отсутствия одного, выделенного курсивом, слова существенно меняется: одно дело, если князь просто вернулся к практике его предков (язычников, как сообщала сама же летопись), другое — если он сочетал традиционное право и «божии» установления. Во втором случае рассказ пусть и не конкретно, но возвращает-

³⁶ Шахматов А.А. Указ. соч. С. 390.

ся к теме христианского подхода к правосудию, обозначенной в первом эпизоде.

В принципе трактовать это расхождение можно по-разному. Либо так, что некий позднейший переписчик опустил это слово (вариант ПВЛ), почувствовав его неуместность — раз совет епископов не был принят, значит, все вернулось на круги своя, как было до их появления на Руси, то есть при отце и деде Владимира (Святославе и Игоре). Либо так, что переписчик добавил это слово (вариант Н1Лм), ощутив противоречие этого рассказа и остального летописного повествования, которое выставяло Владимира, принявшего крещение, добрым христианином: если все вернулось к тому, как было при языческих предках князя, то теряется смысл выступления епископов — ведь вместе с их предложением, касающимся собственно судебной практики, как бы дезавуируются и высокие слова о власти христианского государя.

На мой взгляд, предпочтение того или другого чтения представляется задачей совсем не малозначительной и маргинальной, какой она, очевидно, казалась до сих пор исследователям летописного известия, не обратившим никакого внимания на это текстуальное расхождение³⁷. Напротив, выбор чтения тесно связан с предлагаемым чуть ниже решением недоумений, которые вызывает летописный рассказ.

Наконец, *the last but not the least*, нельзя не отметить и вопросы, которые возбуждает рассказ по своей сути — в юридической стороне дела. Собственно, вокруг этого и развивалась, в основном, дискуссия в историографии: что же это были за виры, которые вроде бы отверг, а затем все-таки оставил Владимир? Как показал историографический обзор выше, ясного решения так и не было предложено. Трактовка «по прямому смыслу» подразумевает, что под вирами имеется в виду штраф за убийство в пользу князя, что обычай взимать такой штраф восходит ко временам Игоря и Святослава и что Владимир оставил этот обычай неприкосновенным. Однако с такой трактовкой не согласуются данные X в., которые ничего о штрафах в пользу правителя (князя) не сообщают. Нелегко тогда объяснить и тот факт, что о вирах молчит «Древнейшая Правда» (текст, восходящий ко времени правления Ярослава, сына Вла-

³⁷ Только Д. Кайзер выделяет вариант Н1Лм, отмечая в примечании, что «религиозно настроенный летописец (the religious chronicler)» должен был хвалить деятельность князя — крестителя Руси как соответствующую божественным установлениям (*Kaiser D. Op. cit. P. 224, прим. 89*). Но историк не дает ответа о том, когда работал этот летописец — был ли он автором или редактором оригинального текста; а от этого зависит первоначальный смысл рассказа.

димира), хотя в то же время допускает месть (о которой молчит известие 996 г.). Есть мнение (на мой взгляд, лучше обоснованное, чем альтернативные), что 40-гривенные выплаты за убийство, которые устанавливаются в «Древнейшей Правде», являются композициями, то есть частными вознаграждениями потерпевшей стороне. В таком случае вируы «на оружие», которые якобы шли в княжескую казну, совершенно не соответствуют историческому контексту. Интерпретации В.О. Ключевского и Л.К. Гётца, которые пытались обойти эти проблемы, трактуя известие не «по прямому смыслу», возбуждают разного рода сомнения.

Обобщая все эти вопросы и недоумения, видим, что они двоякого рода. С одной стороны, современный читатель не удовлетворен неконкретностью и непоследовательностью в развитии сюжета и его смысловом завершении. С другой — под сомнением оказывается достоверность рассказа: не очень правдоподобно выглядят отдельные элементы рассказа (например, «поучение» епископов), а информация, которую дает автор относительно центрального вопроса о наказании убийц, трудно, как оказывается, сочетается с другими данными по этому поводу.

Как мне кажется, недоумения могут быть сняты, если рассматривать этот текст не как простой бесхитростный рассказ о том, как всё «было на самом деле», а как литературно-идеологическую конструкцию. Эта конструкция призвана была объяснить или оправдать нечто реальное, связанное с Владимиром и его эпохой, но в том ключе, в каком это казалось правильным или было выгодно автору. Особенность летописной конструкции — по сравнению с множеством распространенных в мировой литературе и общественной мысли идеологических схем и историй «с подтекстом» — в том, что ее породили архаичные, отличные от современных, способы осмысления действительности. Она строилась не рациональными доводами и логичной аргументацией (как выстраиваются обычно идеологические схемы сегодня), а крепилась символическими и ассоциативными связями и своеобразной риторикой, не чуравшейся игры значениями, умолчаний, подмены понятий и тому подобных приемов³⁸. Эти древние объяснительные схемы и рассуждения могут, на современный взгляд, отличаться нелогичностью и односторонностью, а так же, как и все идеологические или «мифологические» построения, нахо-

³⁸ Примеров такого рода в средневековой литературе много. В качестве примера, оказавшегося более или менее случайно под рукой, сошлюсь на один текст о княжеской титулатуре, ставший недавно предметом следующего исследования: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Кнут Лавард, принц Датский // Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. М., 2012. С. 55–80.

даться в далеко неоднозначных и неоднолинейных отношениях с реальностью. «Миф» (если говорить о мифе в его «семиотическо-нарративном» понимании), который выстраивал автор этого летописного рассказа, отталкивался от реальности, но в то же время интерпретировал ее и даже «деформировал», как выражался Ролан Барт³⁹.

В данном случае надо еще считаться с особенностями средневекового правового мышления — прецедентного и образно-конкретного, прагматического и ориентированного на традицию («старину»), а не абстрактно-систематического, отталкивающегося от неких идеалов. В отличие от современных юридических кодексов, которые идут от общего к конкретному, стараясь типизировать частные случаи, средневековое право нацелено на максимальную конкретность в определениях и отталкивается в установлении нормы от конкретных случаев. Существующий порядок рассматривается как, в общем-то, уже идеальный или близкий к идеальному, поскольку он заветан предками и — если речь идет о письменном законодательстве христианского государства — санкционирован божественной волей (через церковь). Чтобы оправдать какие-либо изменения в этом порядке, нужно приложить особые усилия.

Итак, если воспринимать текст в том виде, как он сохранился, и не предполагать, что он претерпел какие-либо изменения в книжно-рукописной традиции (к чему и нет никаких оснований), суть той идейной конструкции, которую он передает, я бы выразил следующим образом.

Уже первые слова рассказа — жизнь Владимира «в страсе божи» — обозначают и контекст рассуждений автора и вместе с тем его главную задачу: связать тот предмет, о котором он будет говорить, с христианскими ценностями и тем самым оправдать (легитимизировать) его в той новой ситуации, в какой оказалась Русь после Крещения. Предметом его рассуждений становится вопрос о наказаниях для убийц. Но поскольку речь идет о наиболее тяжком и опасном для общества преступлении — умышленном убийстве, — можно думать, что подразумевается как бы вообще правосудие. За конкретным (прецедентом) тут надо видеть общее (систему).

С этой точки зрения совсем не случайным, а вполне закономерным является участие в дальнейшем рассказе (причем именно в обоих эпизодах) представителей Церкви, а также их «поучение» с изложением идеи богоустановленности власти. Вне всякого сомнения, это поучение автор привел

³⁹ См.: Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М., 2010, особ. с. 265–308.

в рассказе намеренно, даже, вполне вероятно, понимая его неуместность в устах греческих епископов, прибывших в новообращенную варварскую страну. Оно было для него очень важно. Чем же?

Надо признать пронизательность Л.К. Гётца, который первый ясно выразил мысль, что в этих немногих словах содержится настоящий переворот правового сознания. Дело не в смертной казни — это лишь частный момент (и неслучайно автор текста не преследует какой-то особой точности, прибегая к неопределенному выражению «казнить разбойника» и приводя в недоумение современных историков, которые затеяли спор вокруг второстепенного вопроса). Вопрос ставится епископами гораздо шире: они обосновывают право князя на высший суд по важнейшему юридическому вопросу (а значит, и по всем остальным), санкционируя это право как божественное установление. Ничего подобного не знало языческое общество: там сакральной функцией обладал не правитель и вообще не отдельные личности, а вся община в целом, и суд в высшей инстанции, следовательно, мыслился как общинный (хотя бы даже полномочия на его осуществление могли передаваться кому-то персонально — например, жрецам или тем же князьям)⁴⁰.

Идея богоустановленности власти заставляет видеть в князе гаранта социальной справедливости, и с ним связывается принцип публичного права. Князь оказывается носителем абсолютной справедливости (разумеется, постольку, поскольку он придерживается христианских норм и ценностей), превосходящей правовую систему, основанную на договоре (эксплицитно выраженном или имплицитно подразумеваемом) между отдельными личностями и общинами (родовыми или территориальными). Именно эту мысль хочет выразить автор рассказа, когда сообщает нам, что Владимир «отверг виры». Естественно, речь не идет о каком-то специальном указе князя или, тем более, сборнике законов, как считали некоторые историки. Может быть, не было даже и частных попыток вместо сбора штрафов «казнить» преступников. Как было «на самом деле», мы не знаем. Важен символический смысл этих слов, проступающий за конкретными терминами: следуя новому пониманию правосудия и своей роли как носителя публичного права, Владимир «отверг» сам принцип договорной условности языческо-общинного права. А этот принцип

⁴⁰ См.: Стефанович П.С. «Наши князи добри суть»: о сакрализации и десакрализации княжеской власти на Руси в X–XII вв. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2014 г. Материалы конференции. М., 2014. С. 251–256.

в рассказе символизировали виры — выплаты за убитых, и было очевидно, что вне зависимости от того, кому именно предназначались эти виры (князю или родичам убитого или и тем и другим), по происхождению это был институт частного права. Автор, наверное, мог бы тут вспомнить просто про месть как наиболее яркий пример частного права, но, видимо, он не хотел вообще вспоминать о ней, просто как бы забыв о ее существовании (см. об этом ниже).

Второй эпизод не следует понимать как отрицание первого. Здесь опять важны не столько конкретные действия, сколько их общий символический смысл. Обозначив один подход к проблеме правосудия, летописец, вводя представителей общества — старцев (не случайно опять, что это максимально обобщенный и неопределенный термин), — вместе с ними обозначает и иной подход. Этот подход прагматический, смысл которого можно выразить так: отправление суда — это не только осуществление неких идеалов, но и доход, а доход важен для казны, и не следует от него отказываться.

Нет оснований думать, что старцы хотели поставить под сомнение провозглашенный епископами принцип публичного права, санкционированного свыше. В этом смысле был прав В.О. Ключевский, который писал, что оба решения князя — сначала по совету епископов, потом по совету епископов и старцев — были направлены на одну цель: внедрение «правительственных взысканий» вместо частных «пеней». Старцы тоже исходят не из частных своекорыстных интересов, а ссылаются, как бы мы сегодня сказали, на «государственные нужды» — необходимость содержать войско, очевидно, для защиты всего общества, то есть ради общественного (публичного) блага. Они просто допускают элементы частного договорного права тогда, когда это нужно по практическим соображениям. Именно так, на мой взгляд, надо понимать краткие слова «рать многа, оже вира, то на оружьи и на коних буди».

Эти слова не имеют в виду, что надо брать виру *всегда* и тем самым не применять «казней». Они подразумевают: виру надо брать, *когда* «рать многа», то есть в случае войны или военной угрозы, из чего следует, что в иных случаях князь сам может решать, когда брать штраф, а когда «казнить». Иными словами, в критических условиях «дефицита бюджета» рекомендуемой практикой является сбор штрафов, но это совсем не возбраняет князю прибегать, сообразуясь с высшими соображениями (как христианскому правителю, поставленному от Бога), и к иным наказаниям, в том числе смертной казни — вследствие и ради «страха Божия», о котором автор напомнил читателю в первых словах рассказа. Приоритетными являются

именно эти высшие соображения и собственное усмотрение князя; соображения о «рати» носят, собственно говоря, не обязательный, а рекомендательный характер.

О том, что противоречие двух эпизодов мнимое, говорит и еще одна деталь. В первом эпизоде вместе с «казнями» епископы предлагают «испыт». Очевидно, имеется в виду некое предварительное расследование. Но оно никак не могло противоречить вирам во время «рати», которые потом предложили собирать те же епископы и старцы. Такого рода дело было вполне естественным для любой системы права, в том числе для обычного права дохристианской эпохи (и такие судебнo-процессуальные практики известны по памятникам права — например, «свод» Русской Правды, коренящийся в обычном праве). В основе требования проводить предварительное расследование лежит простая мысль: вне зависимости от того, какое предусмотрено наказание для преступника, надо прежде удостовериться, что он и в самом деле является преступником. Хотя, конечно, можно думать, что у епископов был и дополнительный мотив: исходя опять же из христианских ценностей, они в данном случае обращали внимание на ценность человеческой жизни. В любом случае, интерпретация известия «по прямому смыслу» подразумевает, что второй совет отвергает и «испыт», — и это выглядит неоправданно.

Если трактовать эпизоды не как колебания князя, а как два решения, второе из которых уточняло и дополняло первое, то гораздо логичнее выглядит то заключение всего рассказа, которое представляет фраза Н1Лм: «и живяше Володимиръ по устроению божию и дѣдню и отнюю». Утверждение, что «устроение», по которому жил Владимир, было не только «дедне и отне» (как в ПВЛ), но еще и «божие», прямо возвращает нас к началу всего рассказа, где сказано, что Владимир жил «в страхе божьей». Такая «кольцевая» композиция не может быть случайна, за ней стоит главный смысл рассказа — показать, что Владимир, благодаря крещению и наставлениям представителей Церкви, стал понимать и осуществлять правосудие не только по «старине», но и по божественным установлениям. «Божье», естественно, стоит на первом месте, и именно с религиозной точки зрения предлагается первая рекомендация епископов князю. Второй совет корректирует эту рекомендацию, но ни в коем случае не отменяет, и в итоге «устроение» Владимира идеально сочетает правовые принципы — традиционные, завещанные предками, и новые, принесенные христианством.

Текстология вполне оправдывает эти рассуждения. Согласно шахматовской схеме летописания, которая видит в Н1Лм отражение «На-

чального свода» 1090-х гг., текст именно этой летописи должен рассматриваться как более древний и близкий первоначальному по сравнению со списками ПВЛ. Значит, слово «божию» в этой фразе было первично, а составитель ПВЛ его удалил, очевидно, уже не понимая замысла оригинального рассказа и воспринимая его по «прямому смыслу», подобно современным исследователям, как сообщение о «неудачной реформе» князя Владимира.

Таким образом, в целом литературно-идейная конструкция, которую я вижу в известии о «казнях» и «вирах» Владимира, призвана была обосновать княжеский суд как публичное право с христианской точки зрения. Рассказ надо понимать, прежде всего, символически, то есть как своего рода притчу. Только такое понимание адекватно сохранившемуся тексту и не наталкивается на проблемы и противоречия.

Вместе с тем, на мой взгляд, было бы неправильно остановиться на этом и просто отставить в сторону этот текст как «выдумку» некоего книжника, не имевшую никакого отношения к реальности. «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». И в этой притче должен был быть намек, актуальный в определенной среде в определенный момент. Как любой «миф» (в бартовском смысле слова), она была «погружена» в определенный исторический контекст и адресована ему. Поняв этот контекст, мы сможем и точнее датировать текст, и лучше понять смысл его создания.

Однако вопрос об историческом контексте предполагает сравнение фактических данных о правовой практике на Руси, содержащихся в этом тексте, с данными других источников. Датировать появление тех или иных юридических форм, их эволюцию и исчезновение на основании одного летописного известия невозможно, нужно исследование целого комплекса разного рода источников⁴¹. В одной статье такая работа не может быть предпринята, и я, оставляя этот принципиальный вопрос пока открытым, ограничусь только несколькими замечаниями по этому поводу.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что автор нашего рассказа пишет только о княжеских «казнях» (смертной казни и, возможно,

⁴¹ Опыт такого рода представлен в интересной статье П.В. Лукина, посвященной вопросу о применении смертной казни в Древней Руси. Автор (не рассматривая подробно наше известие) приходит к выводу о «расплывчатости в применении смертной казни» в Древней Руси: *Лукин П.В. Существовала ли в домонгольской Руси смертная казнь? Ученые мнения и представления современников // Религии мира: История и современность: 2006–2010. М.—СПб., 2012. С. 210.* Как мне кажется, пока надо скорее говорить о «расплывчатости» наших представлений о средневековой правовой культуре (в смысле сочетания норм, практики и «ученого» дискурса о них). И это значит, что такие исследования должны быть продолжены.

телесных наказаний) и вирах (штрафах). Между тем мы знаем, что в эпоху Владимира убийство регулировалось также с помощью мести и частных вознаграждений-композиций (возможно, также поединков). О мести говорят и русско-византийские договоры, и «Древнейшая Правда». Пространная редакция Русской Правды прямо говорит о композициях («головничество»), и по общим соображениям и косвенным данным надо думать, что этот институт, восходя к глубокой древности, существовал и в XI в. Автор текста не мог не знать о мести и головничестве, однако он пишет только о вирах как штрафах в казну. Очевидно, он делал это сознательно. Умолчание об одном и акцент на другом — это приемы его нарративной стратегии. Стратегия направлена на легитимизацию княжеского правосудия, значит, автор пишет только о том, что относится к князю и вписывается в систему публичного права.

В этой перспективе представляется также неслучайным, что в центре всего рассказа стоят именно епископы. Для изложения «христианско-государственного» подхода к правосудию и судопроизводству автор мог бы выбрать и других героев-проповедников, в том числе одинок — например митрополита. Однако в рассказе фигурируют не просто представители церкви, но именно архиереи и именно во множественном числе. Объяснить этот факт можно тем, что архиереи («епископы») составляли ту категорию, для которой старая «языческая» правовая система подходила менее всего — как чужеземцы и монахи они не имели защиты в обществе, где царило право частных «разборок» (будь то месть, поединок или компенсация). Возможно, именно этим объясняется и, казалось бы, немотивированное указание на «разбои» в начале рассказа. Оно могло указывать на недовольство населения христианизацией всей страны по княжескому указу. Естественно, далеко не все охотно принимали новую веру, и в этих условиях большая часть населения должна была особенно враждебно относиться к ее проповедникам и начальникам новой церковной организации. Не эти ли люди и имеются в виду под «разбойниками», с которых начинается свой рассказ летописец?

Как бы там ни было с «разбойниками», такие люди, как епископы, могли рассчитывать только на княжескую защиту, вне зависимости от того, какое наказание предусматривалось за покушение на их жизнь — телесные наказания, смертная казнь или штраф князю. Тогда понятно, почему именно в их уста автор вкладывает поучение о богоустановленности власти, и с их «подачи» князь признаёт публично-правовой принцип в наказаниях как «устроение божие и дедне и отъне».

Помимо духовенства были и другие «стратегически важные» для князя категории, которых нужно было оградить от посягательств специальной защитой. Это — люди на княжеской службе, свободные, но не укорененные в местной среде, то есть не имеющие в ней статуса и связей. И эти чуждые местному населению люди должны были, между тем, вступать в тесный контакт с ним: одни как носители слова Божьего, другие как носители княжеского меча. Как и духовенство, княжеские слуги, прежде всего, военные (отроки или гриди) в эпоху Владимира, то есть к рубежу X—XI вв., были новым социальным элементом, который только искал своей «ниши» в общественной структуре⁴². Необходимость их содержать и их защищать создавала новую ситуацию как в финансовом смысле, так и в правовом. Потребность осмыслить и оправдать эту ситуацию должна была вызвать к жизни такой текст, как наше летописное известие.

Автор явно писал тогда, когда идея публичного права и особого, освященного Божьей волей, княжеского правосудия еще не укоренилась в сознании. Эту идею надо было специально обозначить и легитимизировать авторитетом Владимира, а с другой стороны, привязать к «старине», то есть преподнести дело так, будто одно другому не противоречит. Игнорируя иные способы наказания убийц помимо «казней» и «вир», автор тем самым в подтексте, подспудно, возражает тем, кто считал эти способы правильными и легитимными. Значит, автор писал в тот момент, когда этот спор был актуален и когда были сильны или даже преобладали традиции частного договорного правосудия («обычного права» языческого общества). Среди этих традиций наиболее яркой и вызывающе антихристианской и антигосударственной была месть.

Мечь допускается в «Древнейшей Правде», которую, как уже говорилось, следует возводить к эпохе правления Ярослава «Мудрого», то есть 1020—1040-м гг. В «Правде Ярославичей», составление которой можно отнести к 1072 г., о мести не говорится, а предлагается шкала штрафов (вир) за убийство княжеских людей. Составитель позднейшей «Пространной Правды» даже приписывал Ярославичам отмену кровной мести. Насколько справедливо его суждение, можно спорить, но факт состоит в том, что «Правда Ярославичей» о мести не вспоминает — она ее игнорирует. Такое умолчание сближает этот документ с нашим летописным известием и заставляет еще раз подчеркнуть, что всё, о чем вообще упоминает его автор, несовместимо с местью — и смертная казнь, и «испыт», и виры как штраф в казну, и христианские ценности, и роль князя, и интересы казны. Если об-

⁴² См. подробнее: *Стефанович П.С.* Бояре, отроки, дружины... С. 263—358.

разы притчи переводить, так сказать, в сферу практических выводов, то из летописного рассказа вытекает ясно и однозначно — месть неприемлема. Естественно, этот вывод стоит в тесной и непосредственной связи с общей идеей текста о княжеском христианском правосудии. Эти рассуждения позволяют предположить, что наиболее остро и актуально текст звучал бы в ту эпоху, когда месть была еще признанным институтом права, но когда уже кристаллизовалось сознание, что она противоречит истинному правосудию, основанному на христианских ценностях и публичном праве. Если молчание «Правды Ярославичей» о мести и ее шкалу вир расценивать как практическое применение этого сознания, то составление летописного известия логично относить ко времени, предшествующему «Правде Ярославичей», примерно ко второй трети XI в.

Я бы согласился с В.М. Живовым в том, что летописный рассказ о «казнях» и «вирах» князя Владимира представляет пример средневекового «мифологического повествования» — притчи, которая образно-символически излагает некие базовые, «экзистенциальные» проблемы практической жизнедеятельности и объясняет некие исторические процессы или изменения. Такое иносказание построено не как отражение действительности, а как «остранение» от нее и возвращение к ней с готовыми схемами и оценками. В этом рассказе, с одной стороны, сложная политико-юридическая проблема (переосмысление власти правителя как публично-правовой) излагается на языке не систематического права, а прецедентного, с другой — оправдывается то, что в обществе с трудом прививалось и воспринималось.

В данном случае автор оправдывал особую роль нового христианского правителя, каким стал Владимир после Крещения Руси, в отправлении суда. Вопрос о том, как карать убийц, стал поводом для утверждения принципа публичного права, воплощенного в княжеском правосудии. В «отвержении» князем вир надо видеть символический акт — отвергался принцип частного права, из которого, собственно, виры и выросли. Но автор-«мифотворец» признал, что на практике новые принципы должны были быть скорректированы; простой их формулировки было недостаточно, надо было объяснить реальность, которая была гораздо сложнее. Автор должен был исторически объяснить и вписать определенные перемены в сознании и в практике (если не состоявшиеся окончательно, то, во всяком случае, назревшие) в дискурс, строго ориентированный на традицию. Он не хотел противопоставлять новое и старое, а хотел их сочетать, но при этом твердо установить одну систему координат — христианские ценности и княжеская власть как их гарант и

транслятор. Это довольно сложная конструкция, сравнимая по методам ее построения и смысловой насыщенности с такими текстами, как, например, рассказы об образовании Древнерусского государства, которые я недавно предложил осмыслить в ряду аналогичных произведений средневекового жанра *origo gentis*⁴³. Эти тексты отражают в конечном счете очень важное с исторической точки зрения явление — попытки самоидентификации общества, переживающего переход от архаического уклада к новому — государственно-христианскому.

⁴³ См.: Стефанович П.С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russionum*? // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 513–582.

REFERENCES

1. *Барт Р.* Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М., 2010.
2. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005 (по 6-му изд. 1909 г.).
3. *Владимирский-Буданов М.Ф.* [Рецензия на: Goetz L.K.] Das Russische Recht. Русская Правда // Киевские университетские известия. Год 51. № 3. Март. Киев, 1911. С. 1–24 (то же отдельным оттиском).
4. *Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игоревы... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25 (2001). No. 2. P. 147–181.
5. *Дьяконов М.А.* [Рецензия на:] Prof. Goetz L.K. Das russische Recht (Русская Правда). 1-er Band. Stuttgart, 1910 // ИОРЯС. Т. XVI (1911). Кн. 1. С. 232–252 (отдельный оттиск: С. 1–21).
6. *Живов В.М.* История русского права как лингвосемиотическая проблема // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. С. 652–738.
7. *Загоскин Н.П.* Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892.
8. *Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999.
9. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I. М., 1989 (1-е изд.: 1816 г.).
10. *Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М., 1997 («ЖЗЛ». Вып. 738).
11. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. I. Париж, 1959 (репринт: М., 1991).
12. *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. 3-е изд. М., 1902 (репринт: М., 1994).
13. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. I // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. / Под ред. В. Л. Янина. Т. I. М., 1987 (1-е изд.: 1904 г.).
14. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Кнут Лавард, принц Датский // Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. М., 2012. С. 55–80.
15. *Лукин П.В.* Существовала ли в домонгольской Руси смертная казнь? Ученые мнения и представления современников // Религии мира: История и современность: 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 187–223.

16. Милов Л.В. Исследования по истории памятников средневекового права: Сборник статей. М., 2009.
17. Мрочек-Дроздовский П.Н. Исследования о Русской Правде. Вып. II. М., 1885; Приложение ко второму выпуску. М., 1886.
18. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
19. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, под ред. В.А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. Подгот. М.Б. Свердлова. СПб., 1996 (1-е изд.: т. 1–2. М.; Л., 1950).
20. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л., 1926; Т. 2. СПб., 1908.
21. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подгот. текста, ст. и прим. М. Б. Свердлова. М., 1993 (1-е изд.: 1909 г.).
22. Пресняков А.Е. [Рецензия на:] Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). I–II т. Stuttgart, 1910–1911 // ЖМНП. Ч. XLII (1912), ноябрь. СПб., 1912. С. 153–167.
23. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.
24. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.
25. Свердлов М.Б. Правда Русская. История текста. В. Новгород, 2015.
26. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. Т. 1. СПб., 1997. С. 26–61.
27. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1 // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. М., 1988 (1-е изд.: 1851 г.).
28. Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012.
29. Стефанович П.С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?* // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 513–582.
30. Стефанович П.С. «Наши князи добри суть»: о сакрализации и десакрализации княжеской власти на Руси в X–XII вв. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2014 г. Материалы конференции. М., 2014. С. 251–256.
31. Филиппов А.Н. Русская Правда в исследованиях немецкого ученого: *Das Russische Recht (Русская Правда) von Dr. Leopold Karl Goetz, Professor an*

- der Universität Bonn // Юридический вестник. 1914. Кн. VI (II). С. 3–55 (то же отдельным оттиском).
32. Флоровский А.В. Новый взгляд на происхождение Русской Правды // Известия Одесского библиографического общества при имп. Новороссийском университете. Т. I. Вып. 4. Одесса, 1912. С. 97–122 (то же отдельным оттиском).
33. Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200 / Пер. Д.М. Буланина, Н.Л. Лужецкой. СПб., 2009 (1-е изд. на англ. яз.: 1996 г.).
34. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
35. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996.
36. Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сборник/Collectanea Borisoglebica / Ред. К. Цукерман. Вып. 1. Paris, 2009. С. 183–306.
37. Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 128–277.
38. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. I. Кн. 1. СПб., 2002.
39. Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
40. Щепкин Е.Н. Варяжская вира. Одесса, 1915.
41. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965.
42. Goetz L.K. Das russische Recht (Русская Правда). Bd. 1. Stuttgart, 1910.
43. Hanak W.K. The nature and the image of princely power in Kievan Rus', 980–1054: A study of sources. Leiden, 2014.
44. Kaiser D.H. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, 1980.

Ключевые слова:

история Древней Руси, суд, право, летописи, налоги.

Petr S. Stefanovich

THE CHRONICLE ACCOUNT OF THE YEAR 6504 ANNO MUNDI (996 AD) ABOUT THE PENALTIES AND FINES: AN ATTEMPT OF INTERPRETATION

The article gives a new interpretation for the account of the “Primary Chronicle” of the Year 6504 Anno Mundi (996 AD). The account tells that Prince Vladimir Svyatoslavich introduced the death penalty for murderers but later replaced the death penalty with fines. Petr Stefanovich suggests that the account is an allegory or parable (myth) which aimed at justifying the prince’s legislative authority as based upon Christian values and public law. He dates the text to the 30–60s of the 11th century.

 Стефанович Петр Сергеевич

доктор исторических наук, профессор Научно-исследовательского
университета Высшей школы экономики, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

А.А. Горский

НОРМЫ РУССКОЙ ПРАВДЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА: ЯНЬ ВЫШАТИЧ НА БЕЛООЗЕРЕ

Начальном летописании под 6579 (1071) г. помещен цикл рассказов о народных волнениях в разных частях Руси, инициированных волхвами — служителями языческих культов. Среди них выделяется своей подробностью повествование о восстании в Верхнем Поволжье, подавленном боярином Янем Вышатичем. Янь, по прямому свидетельству «Повести временных лет» под 6614 (1106) г., был информатором летописца: «От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь»¹. Рассказ, изобилующий деталями, несомненно записан с его слов, поэтому точность передачи событий сомнений не вызывает². Что касается их датировки, то под 1071 г. в летописи собраны рассказы о происходившем в разное время. Восстание в районе Ярославля-Белоозера имело место, скорее всего, в конце 1073-го — начале 1074 г., когда Святослав Ярославич,

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 281.

² Литературу о Яне Вышатиче и его отношении к летописанию см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 484–485.

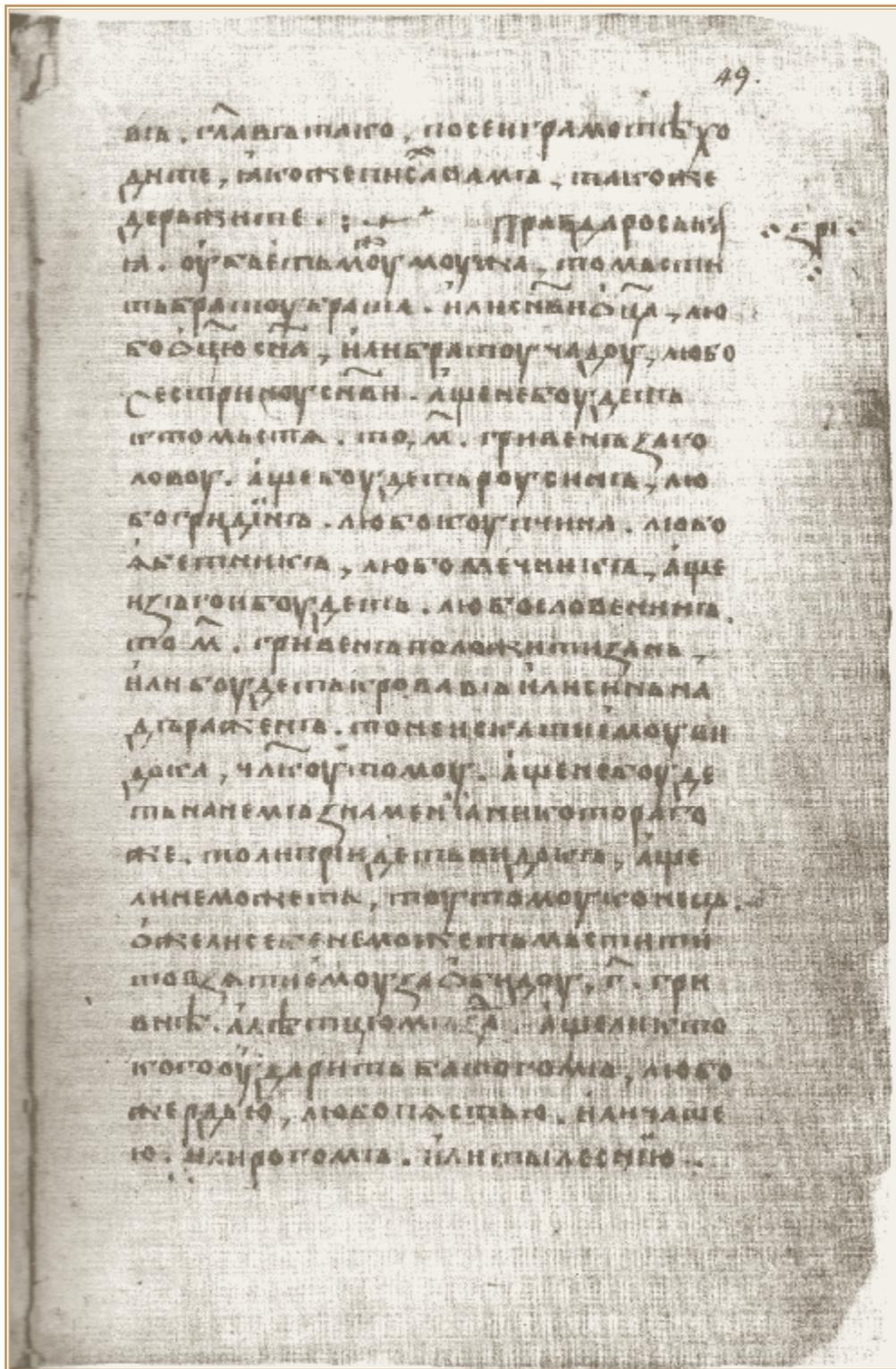
от имени которого действовал Янь, был киевским князем³. Приведем рассказ полностью⁴.

Бывше бо единою скудити (И, Р, Н — скудости) в Ростовьстѣи области, встаста два волѣхва от Ярославля, глаголюща, яко «въ свѣвъ, кто обилѣе держитъ». И поидоста по Волзѣ; кдѣ придут в погостѣ, ту же нарицаху лучышиѣ жены, глаголюща, яко «си жито держитъ, а си медѣ, а си рыбы, а си скору си». И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вѣиимаста любо жито, любо рыбу (в И и Н добавлено — или въверицю), и оубивашета многы жены, [и] имѣнье ихъ отимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро, и бѣ оу нее люди инѣ 300. В се же время приключися прити от Святослава данѣ емлюцю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему бѣлозерци, яко два кудесника избила оуже многы жены по Волзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Ян же, испытавѣ, чѣя еста смерда, и оувѣдѣвѣ, яко своего князя, пославѣ к нимѣ, иже около ею суть, рече имѣ: «Выдаите волхва та сѣмо, яко смерда еста моя и моего князя». Они же сего не послушаша. Янь же поиде сам безѣ оружья, и рѣша ему отроци его: «Не ходи безѣ оружья, осоромятъ тя». Он же повелѣ възяти оружья отрокомѣ, и бѣста 12 отрока с нимѣ, и поиде к ним по лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу. Яневи же идуцю с топорцемъ, выступиша от них 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: «Вида, идеши на смертѣ, не ходи». Оному же повелѣвшю обити (И, Р, Н — бити) я, к прочимѣ же поиде. Они же сунушася на Яня, единѣ грѣшися Яня топоромъ. Янь же, оборотя топорѣ, оудари и тыльемъ, повѣле отрокомъ сѣчи я. Они же бѣжаша в лѣсѣ, оубиша же ту попина Янева. Янь же шедѣ в град к бѣлозерцемъ, рече имѣ: «Аще не имате волхву сею, не иду от васѣ и за лѣто». Бѣлозерци же шедше яша я, и приведоша е к Яневи. И рече има: «Что ради погубиста толико человекѣ?» Онѣма же рекшема, яко «ти держатъ обилѣе, да аще истребивѣ сихѣ, будетъ гобино; аще ли хоцещи, то пере[д] тобою вынемѣве жито ли, рыбу ли ино что». Янь же рече: «По истинѣ лжа то; створилѣ Богѣ человека от землѣ, сставленѣ костьми и жылами от крове, нѣсть в немѣ ничто же, и не вѣсть ничто же, но токѣмо единѣ Богѣ вѣсть». Она же рекоста: «Вѣ въвѣ, како естѣ человекѣ створенѣ». Он же рече: «Како?»

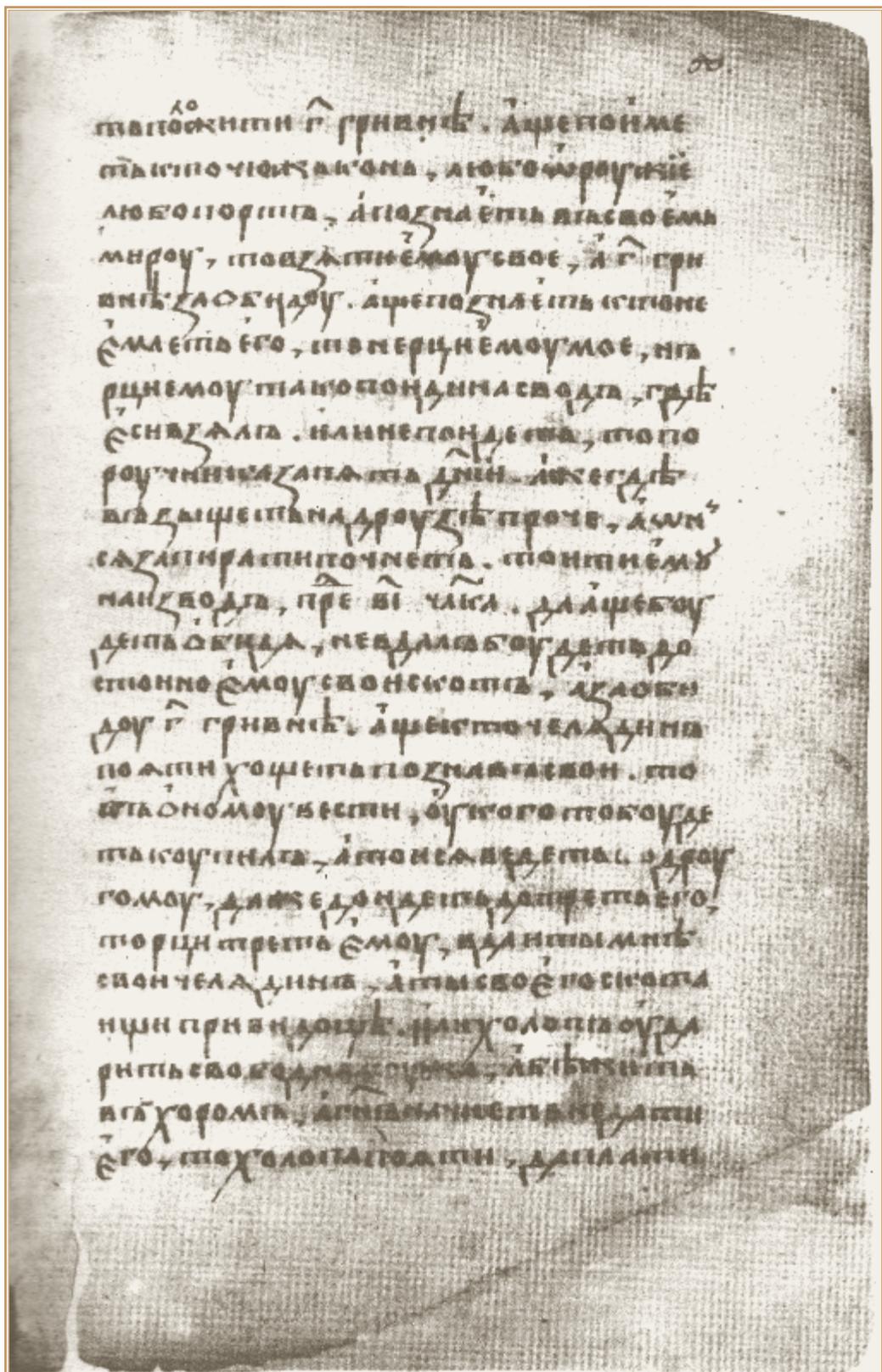
³ См. подробный анализ этого вопроса: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 62—65.

⁴ Текст приводится по Лаврентьевской летописи (ПСРА. Т. 1. Стб. 175—178); в скобках даются имеющие содержательное значение варианты чтений из Ипатьевской (ПСРА. Т. 2. М., 2001. Стб. 164—168; в тексте обозначается как И), Радзивилловской (ПСРА. Т. 38. Л., 1989. С. 74—75; обозначается как Р) и Новгородской первой младшего извода (Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 192—195; обозначается как Н) летописей.

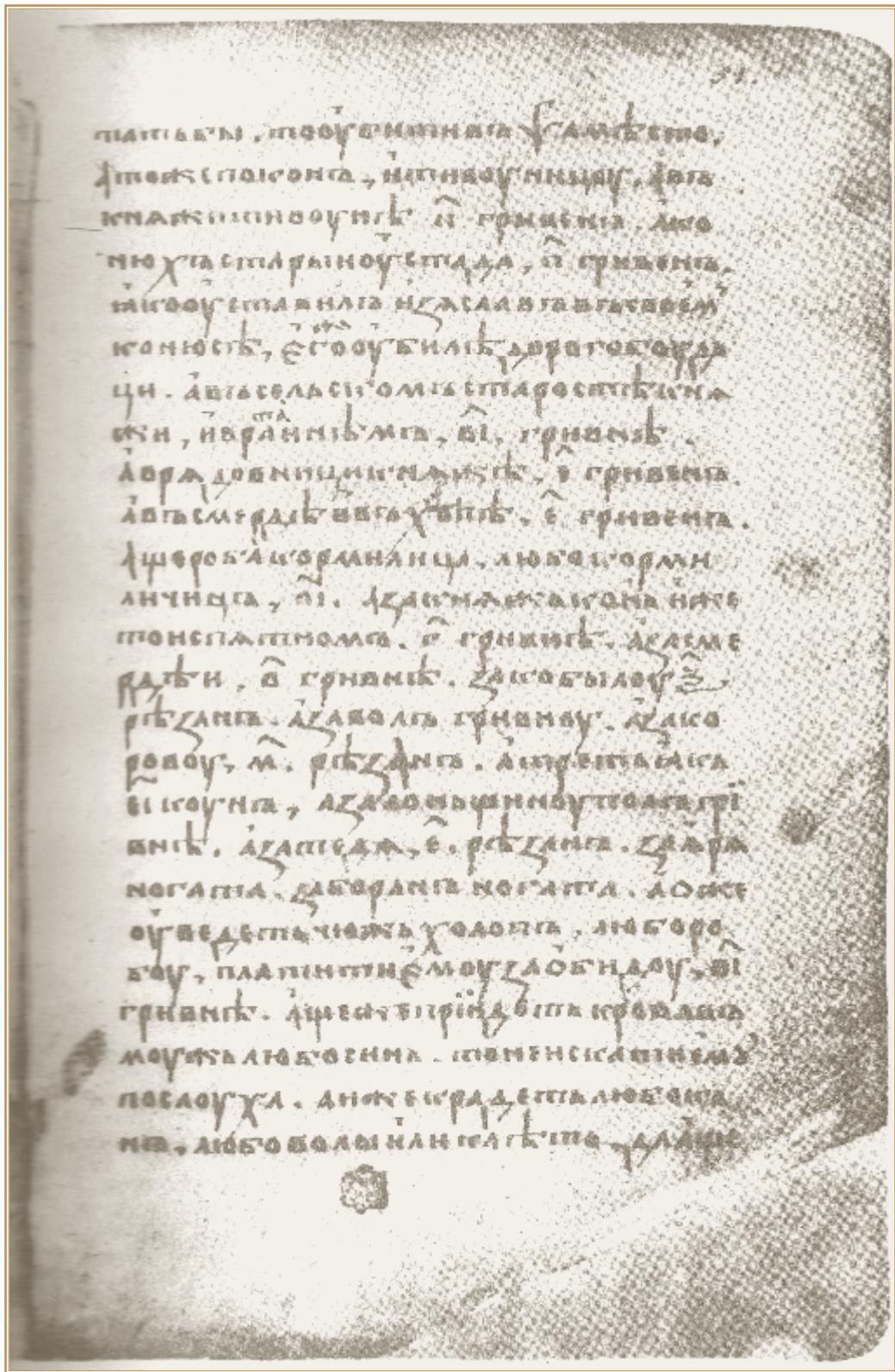
Она же рекоста: «Богъ мывъся въ мовници, и вспотивъся, от ся (И, Р — отерся, Н — отреса) ветъхомъ, и верже с небесе на землю. И распръся со- тона с Богомъ, кому в немъ створити человека, и створи дьяволъ челове- ка, а Богъ душу в не вложи. Тъм же аще оумреть человекъ, в землю идетъ тѣло, а душа к Богу». Рече има Янь: «Поистинъ, прельстилъ вас есть бѣсъ. Кому богу въруета?» Она же рекоста: «Антихристу». Он же рече има: «То кдѣ есть?» Она же рекоста: «Съдять в безднѣ». Рече има Янь: «Какыи то Богъ, съдя в безднѣ, то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси съдя на престолѣ, славим от ангелъ, иже предстоятъ ему со страхом, не могуще на нь зрети. Сих бо ангелъ сверженъ бысть, его же вы глаголета антихрест, за величанье его низъверженъ бысть с небесе и есть в безднѣ, якоже то вы глаголета, жда, егда придетъ Богъ с небесе, сего имъ антихриста свяжетъ оузами и посадить и емъ его с слугами своими и иже к нему върують. Вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо». Онѣма же рекшема: «Нама бози повѣдають, не можеши нам створити ничто же». Он же рече има: «Лжють вам бози». [Она же рекоста]: «Нама стати (И, Р — пред- стати) пред Святославомъ, а ты не можьши створити ничто же». Янь же повель бити я и потергати брадъ ею. Сима же тепенома и брадъ ею потерганъ проскѣпомъ. Рече има Янь: «Что вам бози молвять?» Онѣма же рекшема: «Стати нам пред Святославомъ». И повель Янь вложити рубль въ оуста има и привязати я къ оупругу, и пусти пред собою [въ] лодѣть, и самъ по них иде. Сташа на оустѣи Шексны, и рече има Янь: «Что вам бози молвять?» Она же рѣста: «Сице нама бози молвять: не быти нам живы от тебе». И рече има Янь: «то ти вам право повѣдали». Она же ре- коста: «Но аще на пустиши, много ти добра будетъ, аще ли наю погубиши, многу печаль приимеши и зло». Он же рече има: «Аще ваю пуцю, то зло ми будет от Бога (И, Р, Н добавлено — аще ли васъ погоублю, то мзда ми будетъ). И рече Янь повозником: «Ци кому вас кто родинъ убьенъ от сею?» Они же рѣша: «Мнѣ мати, другому сестра, иному роженъе (И — родичь)». Он же рече имъ: «Мьстите своихъ». Они же поимше оубиша я и повѣсиша е на дубѣ; отмъстѣе приимше от Бога по правдѣ. Яневи же идуцю домови, в другую ноцъ медвѣдъ възлѣзъ, оугрызъ ею и снѣсть. И тако погыбнуста наущенъемъ бѣсовьским, инѣмъ въдуще, а своее пагубы не въдуче. Аще ли быста въдала, то не быста пришла на мѣсто се, идеже ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: «не оумрети нам», оному мыс- ляцю оубити я? Но се есть бѣсовьское наоученъе: бѣси бо не въдятъ мыс- ли человеческое, но влагають помыслъ въ человека, таины не свѣдуще; Богъ единъ въсть помышленья человечьская, бѣси же не свѣдають ничто же, суть бо немощни и худи взоромъ.

Фотокопия текста Краткой редакции Русской Правды по Академическому списку Новгородской первой летописи младшего извода (рукопись середины XV в.). Текст приводится по изданию: Правда Русская. Т. 3. Тексты. М., 1963. С. 13–20.

ставѣ^{ло}жнѣи г рривнѣ. аще пойма
 тако по чюмъ закона, аго бо оуручнѣ
 любопоршѣ, аго ма етъ ятасво ема
 мироу, поудати емоу свое, а г ррив
 нѣ за оураду. аще по тѣ етъ ктѣи не
 ема етъ его, инверцн емоу мое, нѣ
 рцн емоу тако по нѣна свода, г рѣ
 есна за лѣ. и аще по нѣ етъ, то по
 боу чннѣ за лѣ та днѣ. аще егда
 вѣдѣ етъ на друзѣ прочѣ, а ин
 сага и ратннѣ по чн етъ. то нѣ емоу
 на нѣ свода, прѣ вѣ чѣа. а аще боу
 де пѣ оу етъ, не да лѣ боу де пѣ до
 стноннѣ емоу сво нѣ етъ, а го етъ
 доу г рривнѣ. аще ето чѣла днѣ
 по ати хощѣта глѣ оу нѣ етъ. то
 етъ о нѣ емоу вѣ етъ, оу чѣго то боу е
 та коу чнѣ етъ. а то етъ вѣ етъ, а го
 го моу, а ин етъ о нѣ етъ аще етъ ето
 по рцн прѣ етъ емоу, а а нѣ етъ
 етъ чѣла днѣ, а ин етъ етъ етъ
 нѣи прѣ нѣ етъ. ину оу етъ оу да
 рнѣ етъ етъ етъ етъ, а ин етъ етъ
 вѣ хѣ етъ, а ин етъ етъ етъ етъ
 етъ, тоу оу етъ етъ етъ, а ин етъ

ПАТІБЪМЪ, ПОСЛУЖИТИИ СЪМЪ БУДЕ,
 ДИКОЕ СПОСОБНО, НИПНОВОУНИЦЮ, ДІА
 КНАЖИ ПНОУНИКЪ І ГРИЦКА ДІО
 НЮХІА СТАРАНОУСТАДА, І ГРИЦКА,
 ІНОУСТАВНАТА И ДІАЛАВЪ ГІСЪСОВІ
 КОНОУСТЬ, ЕГОУ БІЛІКЪ ДРУГОГОУ ДІ
 ЦИ. А ВЪ СЕЛСІ ОМІА СТАРОСІТІИ КІ
 СКИ, И РАНИЦІ МІА, І ГРИЦКА
 ДІА ДІОНИЦІИ МІА КІ, І ГРИЦКА
 ДІА СІ ГІДІА ВЪ ГІУ БІЛІКЪ, І ГРИЦКА
 ДІА РОБІА И ОРМАНЦА, ЛЮБА И ОРМ
 АНЦА, ІІ. ДІА И ДІА КІА И ІНО
 ПОНСІА ПІМОМЪ, І ГРИЦКА. ДІА СІ
 ДІА БІ, І ГРИЦКА. ДІА СІ БІА ОУ
 РІДАНІА. ДІА СІ БІА ГІНОУ. ДІА СІ
 РОБОУ, М. РІДАНІА. ДІА СІ БІА СІА
 БІ КОУНІА, ДІА СІ БІА ИНОУТОМЪ ГІ
 БІКЪ. ДІА СІ БІА, І. РІДАНІА. ДІА СІ
 ПОГАТА, ДІА СІ БІА ПОГАТА. ДІА СІ
 ОУ ВЕДІТЬ ПІА ЧІА ХІОМІА, ЛЮБ О
 БОУ, ПІА ПІНІТІИ МОУ ДІА БІА ОУ, ІІ
 ГРИЦКА. ДІА СІ БІА ПІА БІА КІА ДІА
 МОУ КІА ЛЮБ О СІА. ІНО ПІНІСІА ПІНІА
 ПО СІ ОУ ХІА. ДІА СІ БІА ДІА СІА ЛЮБ О СІА
 ІА. ЛЮБ О БО ДІА И ІА ГІА ПІА ДІА СІ

Данный фрагмент привлекал внимание исследователей в первую очередь как свидетельство о народном восстании, а также о языческих верованиях⁵. В то же время отмечалось и отображение в нем норм права, известных по Русской Правде. В словах волхвов «нама стати пред Святославомъ, а ты не можьшь створити ничто же» констатировали отсылку к ст. 33 Краткой редакции Русской Правды, согласно которой «или смердъ оумочать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны»⁶, а расправу родственников убитых женщин над волхвами рассматривали как акт кровной мести, предусмотренной ст. 1 Краткой и Пространной редакций⁷.

Между тем представляется, что «правовой контекст» событий на Белоозере не исчерпывается указанными двумя параллелями.

Поначалу белозерцы не участвуют в действиях против повстанцев: Янь вступает с ними в столкновение только со своими «отроками» (отрядом, сопровождавшим его как сборщика дани). Изменилась позиция жителей Белоозера лишь после угрозы Яня не уйти от них в течение целого года: «Аще не имате волхву сею, не иду от васъ и за лѣто». Тогда белозерцы захватили волхвов, причем без всякого участия Яня и его людей. Чего именно так испугались горожане?

Исключено, что предполагалось продолжение сбора дани⁸ (того, за чем приходил Янь на Белоозеро): дань была фиксированным налогом⁹, и собирать ее в произвольных размерах киевский боярин не мог — получив предназначенную за год сумму, следующую он мог собрать, и в тех же размерах, только год спустя. С этой стороны пребывание Яня на Белоозере грозить

⁵ См., напр.: *Воронин Н.Н.* Восстание смердов в XI в. // Исторический журнал. 1940. № 2; *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси в XI–XIII вв. М., 1955. С. 114–124; *Мавродин В.В.* Народные движения в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 39–45; *Щанов Я.Н.* Характер крестьянских движений на Руси XI в. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 144–146; *Кривошеев Ю.В.* Языческая обрядность и социальная борьба в Верхнем Поволжье в 1071 г. // Историческая география. Л., 1985; *Фроянов И.Я.* Древняя Русь: опыт исследования социальной и политической борьбы. СПб., 1995. С. 139–162.

⁶ Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 72, 80.

⁷ *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966. С. 96–99; *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 184; *Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999. С. 106, 109, 201; *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси в VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 520–521.

⁸ Такая версия выдвигалась: *Мавродин В.В.* Народные движения в Древней Руси XI–XIII вв. С. 42.

⁹ Данные о ее регламентации см.: ПСРА. Т. 1. Стб. 130 (под 1014 г.); Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 141–143 (уставная грамота князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии, 1136 г.).

его жителям не могло. Содержание отряда в течение года, несомненно, было бы накладно, но не разорительно: ведь отряд был невелик — 13 человек (Янь и 12 отроков, четырнадцатый — священник — погиб). Между тем само намерение пробыть на Белоозере в течение целого года, явно воспринятое горожанами всерьез, выглядит на первый взгляд странно. Янь — человек, находящийся на службе у князя, и за это время он может понадобиться Святославу для иных поручений. Угроза Яня имела смысл, только если предполагалось не праздное его времяпровождение на Белоозере, а пребывание там, сопряженное с исполнением неких служебных обязанностей. Чтобы прояснить, какие это могли быть обязанности, нужно взглянуть с правовой точки зрения на всю описанную в летописи коллизию.

В Русской Правде отсутствуют нормы, посвященные «политическим», говоря современным языком, преступлениям — мятежу, измене и т.п.¹⁰ С точки зрения существовавших правовых норм на Верхней Волге и Шексне происходили убийства. За убийство «мужа» — свободного мужчины — полагалось выплатить «виру» в 40 гривен¹¹. Согласно зафиксированной в Пространной редакции Русской Правды норме (ст. 88), «аже кто оубиеть жену, то тѣм же судомъ судити, яко же и мужа; аже будеть виновать (вар: виновата), то пол виры 20 гривенъ»¹². Трактовка данной статьи как устанавливающей за женщин 20-гривенную виру вряд ли верна: формулировка «тем же судом» как раз означает, что за убийство женщины присуждается *такая же* вира, как за мужчину соответствующего статуса, а «половинная» предусматривается, скорее всего, при наличии смягчающих обстоятельств — «вины» убитой (видимо, в случаях убийства «жены» в «узком» смысле — супруги)¹³. Таким образом, за убитых волхвами женщин по закону взимать 40-гривенные виры. Но убийцы не были захвачены, а белозерцы — жители города-центра округа, в которой происходили преступления, не помогали в их поимке. Такая ситуация в Краткой редакции Русской Правды, в той ее части, которая, по прямому указанию в тексте, была принята на съезде трех князей-Ярославичей (то есть не позднее 1072 г.)¹⁴, предусмотрена в отношении убийства управляющего княжеским хозяйством — «огнищанина»: «А иже оубьютъ огнищанина в разбои, или оубица не ишоуть, то вирное платити, в ней же вири (искаженное «верви». — А.Г.)

¹⁰ Понятие «коромолник» войдет в памятники права много позже.

¹¹ Правда Русская. Т. 1. С. 71, 79 (ст. 1 Краткой редакции).

¹² Там же. С. 114, 289.

¹³ См.: Правда Русская. Т. 2: Комментарии. М.; Л., 1947. С. 602–605.

¹⁴ Правда Русская. Т. 1. С. 71, 80. В начале 1073 г. Святослав и Всеволод Ярославичи изгнали старшего брата Изяслава из Киева, а вернулся он на Русь уже после смерти Святослава (1076 г.).

голова начать лежати» (ст. 20)¹⁵. В Пространной редакции эта норма распространяется на случаи убийства всех свободных людей: «Аже кто оубиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривенъ; паки ли людинъ, то 40 гривенъ» (ст. 3)¹⁶. В случае отказа населения помогать в поисках убийцы выплата виры ложилась на «вервь» — территориальное объединение людей, на чьей земле произошло преступление¹⁷. Такая вира, в Пространной редакции определяемая как «дикая», выплачивалась в рассрочку: «Которая ли вервь начнет платити дикую вѣру, колико лѣтъ заплатити ту виру, зане безъ головника (убийцы. — А.Г.) имъ платити» (ст. 4)¹⁸. Пространная редакция Русской Правды в дошедшем до нас виде появилась не ранее 1113 г.¹⁹, но многие нормы, зафиксированные в ней, несомненно применялись и прежде этого времени²⁰. Учитывая, что статья «Правды Ярославичей» об огнищанине фактически свидетельствует о существовании «дикой виры», можно полагать, что применение этой нормы в случаях убийства свободных людей иного статуса имело место и в 1070-е гг. Поэтому угроза Яня остаться в Белоозере на год означала, скорее всего, что он намеревался заняться сбором с белоозерцев «дикой виры»: она выплачивается по закону в рассрочку, и Янь будет ждать, пока наберется вся необходимая сумма.

Каковы могли быть масштабы требуемого платежа и чем он мог обернуться для города?

Поскольку в летописном рассказе говорится об убийстве «многих жен», речь идет явно о десятках случаев. Допустим, что на территории, тянувшей судом и данью к Белоозеру, было убито 20–30 женщин. Тогда сумма вир составляла 800–1200 гривен. Согласно данным археологических исследований Белоозера, в течение XI в. его площадь возросла в пять раз и к концу столетия

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 104.

¹⁷ Под «вервью» в историографии принято понимать сельскую общину, но упоминания этого термина в Русской Правде (а в иных источниках он не встречается) подразумевают вообще общность людей по территориальному признаку, без указаний, что речь идет о сельском или городском населении (Там же. С. 71, 80, 104, 105, 112). Нормы, устанавливающие ответственность верви, должны были действовать и в отношении коллективов горожан, если речь шла о преступлениях в округе, центром которой был тот или иной город.

¹⁸ Там же. С. 104.

¹⁹ В ее тексте упоминается совещание, собранное Владимиром Мономахом в селе Берестове под Киевом «по Святополцѣ» (Там же. С. 110), то есть после смерти киевского князя Святополка Изяславича и вокняжения Владимира Всеволодича в Киеве (апрель 1113 г.).

²⁰ Это видно из ссылок в Пространной редакции на установления Ярослава (ст. 9) и его сыновей (ст. 2, 65): Правда Русская. Т. 1. С. 104, 105, 112.

достигла 7 га²¹. К концу третьей четверти XI в. она, скорее всего, еще не превышала 5–6 га. При сплошной дворовой застройке на такой площади могло бы проживать 550–660 человек²², но поскольку в нее наверняка входили улицы и пространства между дворами, число жителей должно было быть несколько меньшим, около 500 человек. На семью приходилось в среднем 4–5 человек²³, следовательно, в Белоозере могло проживать от 100 до 125 семей. Таким образом, на семью пришлось бы выплаты размером минимум 6 с лишним гривен, а максимум — 12. Учитывая, что 2 гривны составляла (по данным Русской Правды) стоимость коня²⁴, каждая семья должна была лишиться достатка, эквивалентного трем–шести лошадям. Для небогатых хозяйств (которых было, как в любом средневековом социуме, несомненно большинство) сбор неподъемный, и намного большие, чем средние по городу, выплаты неизбежно легли бы на зажиточных белозерцев — городскую верхушку. Фактически Белоозеро ожидало бы экономическое разорение²⁵. Нужно было выбирать: либо присоединиться к восставшим и перебить или изгнать отряд Яня (что повлекло бы за собой кару в виде военного похода со стороны князя Святослава), либо помочь боярину в поимке убийц. Белозерцы предпочли второй путь и организовали захват волхвов²⁶.

Следующая правовая коллизия возникла в ходе допроса преступников. Они утверждали: «Нама стати пред Святославомъ, а ты не можьшь створити ничто же». Это, как справедливо отмечалось в историографии, прямая ссыла на ст. 33 Краткой редакции Русской Правды: «Или смердъ оумочать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны»²⁷. Янь в ответ делает то, в праве на что волхвы ему отказали — подвергает их пытке. Утверждение, что боярин тем са-

²¹ Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 93–94 и рис. 268.

²² См. расчеты В.А. Кучкина: Кучкин В.А. Население Руси в канун Батыева нашествия // Образы аграрной России IX–XVIII вв.: Памяти Н.А. Горской. М., 2013. С. 85–86.

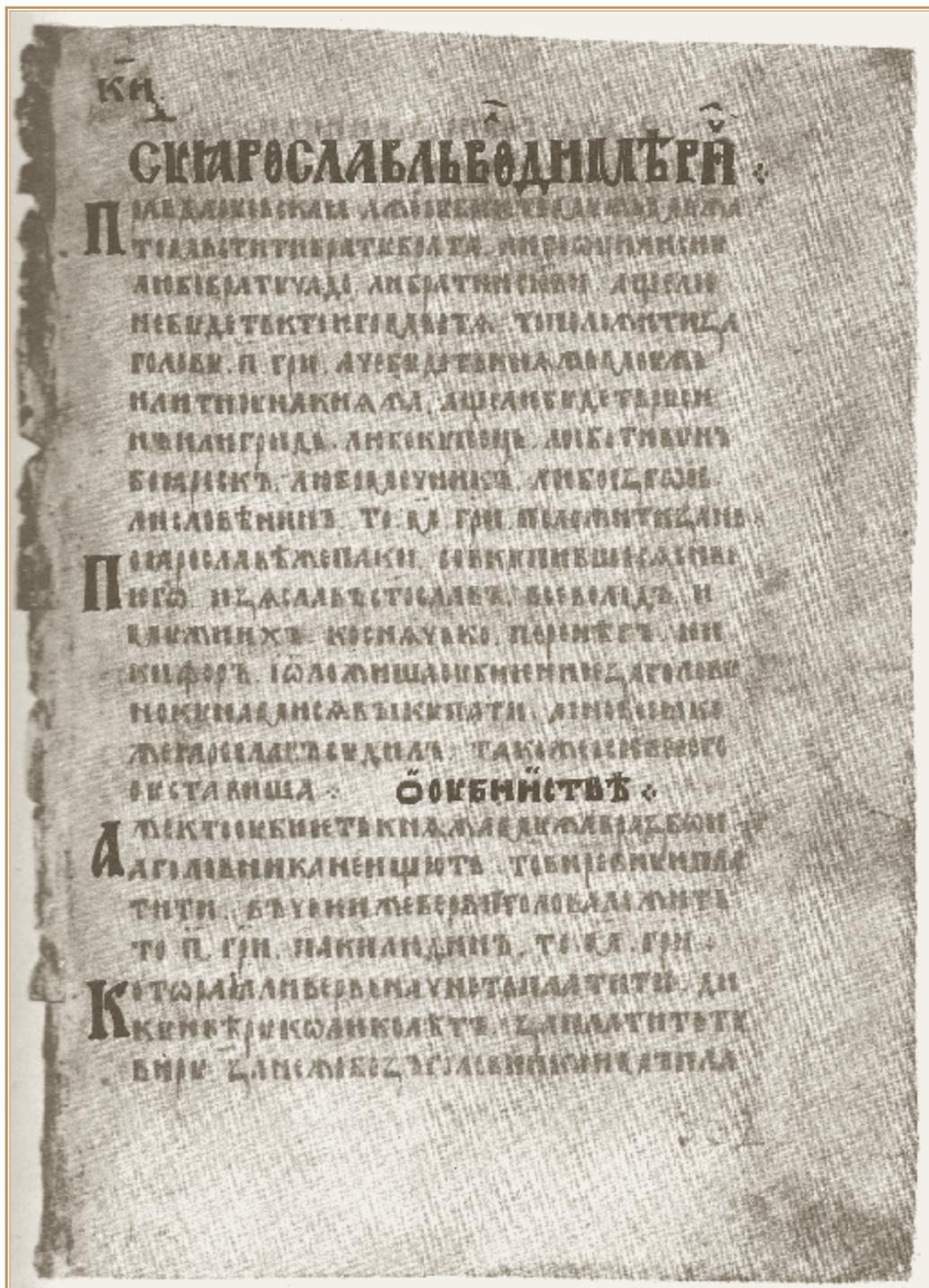
²³ Там же.

²⁴ Правда Русская. Т. 1. С. 72, 80 (ст. 28 Краткой редакции), 108 (ст. 45 Пространной редакции).

²⁵ Для сравнения можно вспомнить требование варягов-наемников к Владимиру Святославичу после захвата Киева выплатить им «окуп» по 2 гривны с человека, расцененное как непомерное и не выполненное князем (ПСРА. Т. 1. Стб. 78–79). В случае с Белоозером сбор с каждого лица мужского пола должен был оказаться существенно больше — от 3 до 5 гривен.

²⁶ Из летописного рассказа можно понять, что захват произошел не путем боевого столкновения, поскольку о волхвах говорится, что они, не зная, что их ждет, пришли в некое место, где были схвачены: «Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, идеже ятома има быти». Скорее всего, у горожан были связи среди повстанцев, присоединившихся к волхвам, и их удалось заманить в ловушку.

²⁷ Правда Русская. Т. 1. С. 72, 80. Статья относится к «Правде Ярославичей», то есть в 1073–1074 гг. она несомненно уже действовала.

Фотокопия текста Пространной редакции Русской Правды по Троицкому списку (второй половины XIV в.).
 Текст приводится по изданию: Правда Русская. Т. 3. Тексты. М., 1963. С. 43-67.

ТИТИ БУДЕТЬ АНГЛОБНИКЪ И ХЪ ВЪ
 ІВН ТОДАНЪ КНИКА ПРІКАДЪ КАНТЬ.
 ТОГО ЖЕ ДѢЛА НА ДА ПЛАГАТИ ГОЛОВНИ
 КИ. АНЪ ОДИНЪ КЕ ВЪ ТИ. НО СПЛАТИ АЛЪ
 ВООБУИ ДА ГИ. АНЪ ГОЛОВНИУ БЪ ВЪ САДЪ
 АНЪ ГОЛОВНИКИ АБЪ ДА ГИ. И АНЪ ДА ПЛА
 ТИТИ НЕ ДЪЖИТИ СЪМУКАТИ. НО ОЖЕ
 БУДЕТИ СЕБЕЛЪ. ИЛИ ВЪ СВАДѢ. НАНЪ ПИ
 РЪШВАЕНЫ. ТИ ТАКО И ДА ПЛАТИТИ. ПИ
 ВЪ СВАИТИТИ. І МЕСА ПРІКАДЪ ВЪ КАЮТЬ
 ВИРОИ. О ЖЕ СТАНЕТИ ВЪ СЪ БИНА РАЗЪ БОИ
 КДЕТЬ АНЪ ТАЛЪ НА РАЗЪ БОИ. БЕЗЪ ТЪ СЪ КИ
Б И СВАДЪ ТИ ДА И ДЪ БОИ И КА И ДИ НЕ
 ПЛАТАТИ. НО ВЪ ДА ДАТИ ВЪ СЕГЕ. СЪ ЖЕ
 НО И ДЕТІ ДИ НА ПЕТЪ КЪ ВНА РАЗЪ ГРА
 БАРНИИ. А ПЕТЪ НЕ КЛАЖИТИ БДИКИ
 НЕ ДЪЖИТИ ТАКО И НЕ ПОДЪ ГРАТИТИ СЕБЕ ДА
 ПЛАТИТИ.

А СЪ ПИ КО И НЕ ПИ И НЕ СЪ ДА И ПИ И СЛА БЪ
 БИ И КИ КЕ ВЪ ДАТИ СЪ ВЪ ДАТИ И ДА И НЕ
 ДѢЛЪ. АНЪ ОДИНЪ АНЪ ПЛАТИТИ АНЪ СЪ В.
 НО ГРАТИТИ АНЪ СЪ ДИ КИ НА ЖЕ ГРАТИТИ. АНЪ ПЛА
 ТИТИ И ТАКО ЖЕ АНЪ СЪ ПЛАТИТИ И ДА И НА
 ДИ ДА АНЪ СЪ КЕ ВЪ СЪ И НЕ ДѢЛЪ. АНЪ ПИ
 НА СЪ ПЕТЪ КЕ ВЪ АНЪ СЪ ХИ СЪ О ВЕ СЪ КЕ ВЪ

А ССАНЪ Д. ГОЛВАЖЕНА ТИТВИРНИКЕВОТРА
 КИДЕ АКИНИ Д. КИНСАДЪ НАРТАСЪ ТИ ПОВЕ
 СЕ ВИРНИКИ И ГИИ. А. КИНЪ ПЕРЕСЛА
 ДНАЯ. А ДЕТЕЛНИКИ. ВІ. ВЪКШИИ АСЪ
 СЛДНАМ ГРИВНА.

А ШЕБЕДЕТЪ ВИРА. ВО П. ГИИ. ТОВИРНИКИ. СІ.
 ГИИ. И І. КИНЪ. И ВІ. ВЪКШИ. А ПЕРЕДИ
 СЪ СЛДНАЯ. ГИИ. А ЗАГОЛОВИ. Г. ГИИ.
 ОКНА ШИДЛИ ШЪ

А ШЕБЪКНА ШИОТРИЦИ. І. АН ВКОНИСЪ. І. АН
 В ПОВАРЪ ТО ДЛ. ГИИ. А ЗАТИВУМЪ ЗАШ
 ГИИ ШИТИИ І. ЗАКОНШИИ. ТО И ГИИ.
 А В СЕЛСКОМЪ ДЕТИВУМЪ КНАМЪ. І. АН В
 ТАНИТЪ ДЛ. ТО ВІ. ГИИ. А ЗАРАДАНУА Е.
 ГИИ. ТАКИМЪ ИЗ ЛЕБОМЪ РЕКЪ. ОРЕДЛЕ
 СТВЕНИЦЪ. И ОРЕДЛЕ СТВЕНИЦЪ

А ЗАРЕДЛЕ СТВЕНИКАМЪ ЗАРЕДЛЕ СТВЕНИЦУ
 ТО. ВІ. ГИИ. А ЗА СЛДЕРДИИ ХИЛЪ ПЪ. Г. ГИИ.
 А ЗА РОБИ. 2. ГИИ. А ЗА КОУДИЦА ВІ. ТАКИ
 МЪ ЗА КОУДИЦИ. ХИТАИ КЕДИ ХИЛЪ
 ПЪ ХИТАСИ РЕБА. ОПОКАРНЪ БИ ВІРЪ.

А ШЕБЕДЕТА НА КОГО ПОКЛЕНАЯ ШЕНРА. ТІ
 ШЕБЕДЕТА ПО СЛУХОКЪ Д. ТОТИВЪ ШЕДИ
 ТЪ ВИРИ. ПАКИ АН ВЕРАМЪ. И АН КТО ИНА
 ТОГДА А ПЕКОСТЕХЪ И ПОКЛОУТЪ ВІЦИ. НЕ

534

ПАЛТИТЪВЕЯИ АМЕНДЕМЕНИ ВЪДЮТЪМН
 ДНАНТЪМН АМЕСВЕРЖЕТЪБИРОИ

А ИТЭСКОМЪСТАВНИКЪ ТИГРИ КИНА. САЛЕТНА
 МОТЪККИ АКТИНКАСАЛА АТИАКАДТИ
 ДРККИГНИНИ АЮНИДИНОДУМАГО Ф
 НЕКАВШИЛНЦЪЖХАНМАЛЪДЪТА АИТО
 ЦАНАЛУНИТЪГЛАВОЖКАПАТИ. ТИТИЦА
 ПЛАДЕДЕЯТЪСО. ТАКОЖЕНЬБОБЪХЪТАМА
 ХЪТАТЕТЪ НЕПОКАПЪТЪ ОМЪНЕКАДЕТЪ
 АИЦА. ТИТЪДАДАТИНАКАДЪМЕЛЪСО. И
 ДНЕВОАН ДОПЛАКЪ ГРИ ДЛАТА АМЕЛИ
 АИТЪТОМАВЕДИ. САНТИДЕДЪБЕРИ АМЕЛЪ
 НЕ ТОЛОТЪБЪДАИТИНЦЕСЪ КИНА

А МЕКТОЩАДИНТААРУСАДЪ НЕВЪНИЗЪВЪГО
 ИЛИСКОМАТИИ. ТОКЪ ГРИ ПИДАЖИДО
 КИДИ. АМЕЛАНЪВЪНИЗЪВАДЕУБЪ. АМСОКТИМЕТА
 ТИ ГРИ КИНА. АМСОТКОГОЩАДИНТАВЕА
 ТОГИДЕ АЖКУАШЕИ АИБЕЖОГОКЪ. АМКО
 ТВИЛЪСНИИ ТЪВЕ ГРИ МЕТЪПААЛНПО
 ТИВУТОАЩАДИНТААРУСАДЪ. ТОКИНИИ
 ИДАКЪТОАЩАДИНТААРУСАДЪ. АУСАИТИМЕТА
 СЪККИ. АИПАДЕТЪИКА. АИНОКСХМЕТА. АИ
 АИНОГА. АИНОКИ. АИНИТИМЕТА. ТО
 ПОЛИКЪНИИ. КЪ ГРИ. АТОВАИДЪАВЪКЪ. ГРИ.
 АМЕНИТИТИМЕТА. КИНАКЪ. Г. ГРИ. ПРО

ПРОДАЛИ. А ЖЕ КТО В С А Д Е Т Ъ НА У Ю КО

А ЖЕ КТО В С А Д Е Т Ъ НА У Ю М Е К О Н Ъ НЕ П Р А
 Ш А В Ъ Т О Г Р И . А ЖЕ КТО К О Н Ъ ПО Г К И
 Т Ъ . И Л И О Р Ж И И Л И П О Р Т Ъ . А З А П О В Ъ
 С Т Ъ НА Т О Р Г И . А П О С Л Е П О З Н А К Т Ъ В Ъ
 С В О И М Ъ Г О Р О Д Е . С В О И М Ъ К Л А Н Ц Е М Ъ З А
 Т И . А З Д О Б И Д У П Л А Т И Т И Р Е Д Е Г . Г Р И .
 А ЖЕ КТО П О З Н А К Т Ъ С В О И У Т Ъ К Д Е Т Ъ П О
 Г К Е М Ъ . И Л И И К Р А Д Е Н О М К Н Е Г О У Т О . И
 И Л И К О Н Ъ . И Л И П О Р Т Ъ . И Л И К О Т И Н А . Т О
 М Е Р Ц И И С Е Л О И . М О П О Д И Н А С В О Д Ъ К Д Ъ
 К Е С Т Ъ В Ъ Д А Л Ъ . С В Е Д И Т Ъ К А К Т Ъ В К Д Е Т Ъ В И
 Н О В А Т Ъ . НА Т О Г О Т А Т Е К А С И Н Д Е Т Ъ . Т И Г Д А
 О П Р Е С Т И В О З Д А Т Ъ . А У Т И П И М Е Л О К О И
 Д Е Т Ъ И П К Д Е . Т О Ж Е К Д И НА У Н Е Т Ъ П Л А
 Т И Т И . А Ш Е К Д Е Т Ъ К И Н Е В Ъ И Т А Т Ъ . В Ъ
 Д А Т И К К А З И М А Ш Т О К Т Ъ . НА К И Л И К Е И
 Д Е Т Ъ И Л Е Т И И Ш Т А Т Ъ . Т О Г Р И . П А А
 Т И Т И К Д И Е . О С В О Д Е

А ЖЕ КТО В С О Д И Н И К Д Е П Р О Д А Т И Т И
 И Т Ъ И П Д К О Н Ц А Т И Г О С В О Д А Б У Д Е Т Ъ
 Л И С В О Д Е П И З С А Л А К Д Ъ . Т И Н Т И К Д И
 Д О Т И Т Ъ И П О М О Д А . А У Т О В К Д Е Т Ъ Л И Ц Е
 Т О Т И Д И П Л А У Т И Т И Т Ъ К Д И К Е Н А
 К Д Е С А Л И Ц Е . А Л И Ц Е О И Н Т И Д К О Н Ц А .

СВЯТА АСТАНА ПДАТИ ПРАКА АКА БСН
 ДРГВНАКОНУНАТО ТЕТЛАВЕННА
 ТИТИННАДАТИ **О ТАТѢ**

ПАКНАИ БИДЕТЕ УТОТА БЕМОННА АВЪ
 РТИ НАНКОМНАЦИ ГРЪ ТАИКОТИНИ
 ТАВБЕВДАТАСЪ БЕДАНА ЦА ПДАВА НАН
 БЛЫТНИКА Я ДИНАУНОТЕНЕ ДНАТИНКО
 ГОКОННАТ ТИТИННА ДЪ ТЪДЪ ВЕНДО
 КОДЪ НАИТЕ АНОБЦЕ СВОА АЦЕ ДАТИ
 АУТИННА ДЪ ОУТБЕЛО АТРОКЪ ВЪ ДИЛѢ
 ТИ ДОНИ ДИМАЛѢТИ СИНХЪ КЪНЪ ДАНИ
 НИЗНАТЪ ШКОГО КУПНОТЪ ПОДНАТЪ
 АННА ДА ДЪ ШКОГОТИ КУПНАЪ ТМАТЪ КУ
 ИМЪ ДА ДИТЕ ШКОЛНА АТИ СИНУТО КИ
 ГОКОННАТЪ ПОРНЕЛО АКА ДИНА ДА ДИ
А ЖЕ ПОЗНАЕТЪ КТО УЕЛА ДЪ

АЩЕ ПОДНАТЪ КТО УЕЛА ДИТЕ СЕ ОНИ ШКА
 ДИВЪ АНОНА ТЕН ГОСНИ ДА КЪТИНИ
 КУПАКЪ ДО Г. ГОВДА ИНАТИ ОУЕЛА
 ДИМА УЕЛА ДИНА ДА ДИТО А ОНИ ДИ
 ТИ АНЦЕ АТЪ ДА ТЪ ДКОНУНАТО ВДА
 АТИНЪ ТИ ШКОГОТЪ НЕ А ДЪ УНДЪ КТО
 СЕ ОУЛА КИ ПНАТЪ ПОПРЕ ДЪ ИКОННА Д
 КОНЦА АКА ДЪ ВДА ТЪ КИ ШУМИНЪ ТЪ
 ТРОПА ТИ АНО ТА ТЪ УЛА ДИНА А СЕ О

5/10

И ПОШЕЛЪ ТЪ НИШЕТО РЪТО ДИ ЖЕ ПЛАТН
 ТИ. А КИ ДА НИ ПРДА МЪ. ВІ. ГРН. ВУЕЛА ДИ
 НЪ ИЛИ ОИ КИ ДШЕ: О СВО ДЪ ЖЕ

А И СВІГО ГОРІДА. ВУИ ЖИ МЪ ЗЕИЛИ СВѢДА
 НЪ ТИ ТА. НО ТАКО ЖЕ ВЪ ВЕСТИ И ЕДИ ПО
 ЕЛХИ. А И БЛА ВІТНИКА. ПЕРЕДЪ КИ ДЪ
 ЖЕ КИ ПИШЕ. ТО И ТА ЦИ МАНЦЕ ВЪ АТИ.
 А ПРОЖА КЕ ВЪ И ЖЕ А БТИ. УТО СНИ КЛА ПО
 ГИ БЛО. ДО И ДА ШЕ ВІХЪ КИ НЪ ЖЕ А БТИ.

ОТ АТ.

А ЖЕ СКИ НЪ ТЯ КОГО СКИ КЛА БТИ. ИЛИ ОИ КОТО
 ДЪ БТА ТЕ ВІ. ТО И СКИ НЪ ТЪ ВО ПЕЛА ДЪ ТО. А
 ЖЕ ИЛИ ДА ДЕР МА ТЪ СЪ БТА. ТО ВЕСТИ И А КИ Д
 МДЕ О РЪ. О ЖЕ ИЛИ СКИ НЪ ТИ. ДО И ЖЕ КОИ
 ТЪ ИЛИ ДИ ВЪ А З А И А ВІ ДЪ А И. ТО ПЛАТИ
 ТИ ШЕТО СЪ. ВІ. ГРН. А ЖЕ КРА ДЕТЪ КТО СКО
 ТЪ ВЪ ХА БЪ ИЛИ КЛА БЪ. ТО ЖЕ ВІ ДЕТЪ
 ОДИНЪ. ТО ПЛАТИТИ И КЛА ВІ. ГРН. И А
 КИ НЪ. ВІ ДЕТЪ ИЛИ ХЪ ВІ ДА И О ГИ. ВСЕ СЪ А
 ПЪ. ГРН. ИЛИ А ВІ НЪ ПЛАТИТ. ОТА БЪ ЖЕ

А А КИ ДЕТЪ КТО ТЪ ИЛИ ПІЛИ. ИЛИ ОИ ЦЪ.
 ИЛИ КО ЗЪ. А ИЛИ ВІ НЪ И. ЖЕ КИ НЪ. ВІ ДЕТЪ
 ТЪ ИЛИ ХЪ ВІ ДА И О ГИ. ТО ВЕ СЪ А ЛЪ. ПО ЖЕ КИ НЪ.
 А ЖЕ КРА ДЕТЪ СКИ ДА И. ИЛИ ЖИ ТО ВЪ А ДЪ.
 ТО КО СКИ НЪ ХЪ ВІ ДЕТЪ ИЛИ ДА И. ТО ВЕ СЪ
 А ЛЪ. ГРН. ИЛИ А КИ НЪ. ДО И НЕГО ЖЕ

НИИ... СТОСЛИБУДЪЛАННО АНЦІ ПОВІД
 ТЬ АЗ-ЛЕТЪ РЪКЪЛІТЪ ПАНСАМІАНАНЪ.
 ПАННАКЪ МІАНАНЪ СЛІТА АБІДІТЪ ВІЛЪ
 КНАМІАНАНЪ ТЕМЪ СІТІТІ ДАНЪ Г ГИ А
 ДАННЪ ХІТІ С ГІТІ АСОКРОЦІСКОТІ.
А МІЗАКІВІАМЪ СІТІТІ АЗ-ЛВЛЪ ГИ АЗ-
 КОРВІА Д КИНЪ АЗ-АТІТІТІ КІ Д КИНЪ
 ЗАЛВНАШІНІ ПІА ГИ ДАТІА І КИНЪ.
 АЗ-АВІНІНЪ І КИНЪ АЗ-АПІСАНІАТА
 ЗАВІЦІ І КИНЪ ЗАБІАНАНЪ АТА Д
 ЗАМІРІВІА АМІНІВІА ДАНОНАНЪ ГИ
 КИНЪ ЗАМІРІВА С МІ АЗ-АКІВІАНАНЪ
 ЛОКЪ С МІ ТІТІ ПІВІЦІНІА ДІДІА СІ
 ПЛАТАТІ КНА ДІ ПІДАМІ.

А МІБІТІ ХЛОПІТАТІ МІ ДІ КНАМІ.
 МІБІТІ ХЛОПІТАТІ МІ КНАМІАНАНЪ
 БОБІАНАНЪ МІ КСУСІМІУ ІХ МІ КНА
 ДІ ПІДАМІ МІ КАЗІНІТІ ДА МІ КІТІ МІ
 СІБІ ДІНІ ТОДА МІ ПЛАТІТІ ВІСІТІ ПІ
 ДА ОБІДІ ОЖЕ КТО КИНЪ ВІЗІЩЕТІ.

А ЖЕ КТО ВІЗІЩЕТІ КИНЪ НА ДІ ДІ АОНЪ
 САНАУНІТІ ДА ПІАТІ ТО МІ АНАНЪ
 ВІКІВІТІ ПІСАВІ ТІТІ ПІВІДІТІ АНАНЪ
 ТІ АОНЪ ВІЗІЩЕТІ ВІ КИНЪ ДА МІ
 МІ ПІДАМІ МІ КИНЪ ЗАЛВНАНЪ ДІТІ.

12. 13. 14.

КШПЛАТИТИ АМЕРГНЪНГЪСЪСЪ
 НАСВНОРДАН АПНГЕНЕТЬ БЕЗМЕО
 ТТОГОЖАДМЕСПЛАТИТИ. **О**ЗАКУПЪЖ
АМЕНДАХЛЕБЪВЪВЕДИТЬ ТОДАКНУТЪ
 ГОМШПАТИТИ НИЖЕШТЕКНТЬМАПОЛ
 НКЪДВОРЪНЕСЪМЕНЕТА. ИНОЗАТВОРИТЬ
 КДЕМЕДЛЕНЪБСАТЬ. ИЛИНОРДЪМКО
 МАДЪМ. АТОГОНОРМЕНЕТА. ТОТОМАДИ
 ПЛАТИТИ АМЕРГНЪПЕРНОКНТАЗАККУ
 ПА АОВЕНТЪКЕПННЪ. ИЛИНОТАЛНЦИ. ТЪ
 ТОНААКЪБЕВОРОТНТИ. АЗЛОБНДИПЛАТИ
 ТИМЕДЪ. КЕНЪ. ПЯКНИПНННАЛЪ
 ПАНЕСАДЪКНЪ. ТИОПАТЬНАДЪВРОТИ
 ТИКНЪ. УТОКДЕТАПРИМАЛЪ. АЗЛО
 БНДИПЛАТИТИМЕДЪ. ГРИ. ПРДАЛЪ.
 ПРДАСТЪЛИГНЪЗАКУПАОБЕЛЪ. ТОНА
 АНТИСКОКОДАВОБСЪХЪКННАХЪ АНИ
 ЗАОБНДИПЛАТИТИ. БИ. ГРИ. ПРДАЛЪ.
 АМЕРГНЪБЕИТЬЗАКУПАПРДАЛО. ТОВЕ
 ДБННЪИСТА. БИЖТЪНЕСАДЪСАДЪ
 ИАНЪ. АБЕЗВИНЫ. ТОМКОЖЕВЪСВЕС
 ДНЕСАДЪПЛАТЕЛЪ. ТАКОЖЕНЪЗАКУПЪ
АМЕХОЛОПЪОБЕЛНЪН. АЗЕБЕТАКОМЪУН
 НАЮБЕ. ТОПАТИТИЗАНЪ. В. ГРИ. **О**ЗАКК
АМЕЗАКУПЪВЕВЕТИТЬ. УТОТОГНЪМНАЛЪ

НРО ЖЕКАДТИНАЛЪЗКТЬ. ТО ПРЕДИ ДА
 ПАЛТИТЬ ГНАГО КАНЬНАЛУТОБЕДЕ
 ТЫНОВЪДАЛЕНАДЛЕХОЛОПЪОБЕЛНЫИ
 И ПЯКПЛИГНЪНХСТЪТИНАУНСТЪ ПЛА
 ЧИЕНЪДАНЪ. А ПРДАСТЪИ ОДАСТЪЖЕ
 ПРЕДИ. ПАНДАКОНО. ПАНДАБОЛЪ. И
 АНДАТОБАРЪ. УТОБЕДЕТЪУН ПЕРВОДА
 ЛЕ. А ПРКУТЪИ ДИ САЛАКАШЪЗАТНОВЕЪ.
ДЕСАМЕХОЛОПЪОКДАРНТЬ

А КАДЕХОЛОПЪОКДАРНТЬСВОКОДНАДЕЖИ.
 А КСТАИТЬ ЕМО РАДЪ. А ГНЪИГОНОСА
 ДАСТЪ. ТО ПЛАТИТИ ДАНУНИ. ВЕ. ГРН.
 А ЗАТЪБЛАХУИ ПКУДЕМАЛЕХУТЪОКДАРЕ
 ШКИТЪ. СКАКТОИСТЪИЦА. КТО ПРСТА
 АНЛА. ТУИИ. ААЪТОМАЪКСТАВНАЪ
 ОБАДЪИ. ИСНЪИСТЪИНСЪИПСТАОН
 ШЕНАКТОИИ. АНЪОУТТИИ. ДБАДЪ
 БИИ. АНЪОУТТИИ. ГРН. КИИЪЗА
 ИИЛА. **ОПЪИКАШЕСТЪБЪ.**

А ПЛОУЩЕТЪИМАНАИАНЕСКАДАП
 ТА. ПЛОУЩЕТЪИТЪСВОБЛАГО. НЕ
 ПОНКОНДАИИТТИИНАБЪИКАТЪИВ
 ОВЪИ. А ПРНИКТОИ ПКАДАДЪИВАТИ.

А ПЛАДЪЗАЛУПЕНЕДИИЪ. А ПЛИТИ
 ПЛАДАКОНЪ. ИТЪИКАШЕСТЪИВЪИДИИ

ТЫ ПУЧУТЬ СЛАЖЕНЪ. ТО. I. КИМЪ БИ
 ДЕ ТРАНОАТКЪ ТО. I. КИМЪ НЕКЪДЕТЬ
 АНТАТОПОСАБДЖЕНУТЬ А ЖЕНСКОУ
 ДЕТЫСАБДА АНКОСАИ НАНКОСАРИ АН
 СОУАТЬ СОКОСАБДА НИ БДУТНАСАБ
 ДЪ. ПАНСОБИТЬ ТОТЪСАБЛАТИТИТЪ
 ТЕИ ИПРОДАЖИ. АСАБДАМАТИТИТИ
 САБДА И АСОСАИХИ АМАТИКЕБЪ
 САБДА НАГОСТИННЦЪ МАВЛАИЦЪ АСА
 НЕБДЕТЬ НАННАРИТЪ КДЪЖЕНСЕДЕ
 ТЪ ИССАЛАННАДИИ ТОИПАТИТИНИ
 ПРАДАЖИТЕАТЕИ. **ОСЛАРАДЪ.**

А ЖЕСАБДАТАЛУПУТЬСАБДА БЕЗЪКНА
 МАСАВА. ТО. I. ГИИ ПИДАЖИ. АСАКЛИК
 ГИИ КИМЪ АСОСАИШАИНАСАКУИТЬ
 ТО. I. ГИИ. ПИДАЖЕ АСАКЛИК ГИИ. АМА
 ЖЕДЕТИКЛАДЕТЬ. ТО. I. КИМЪПИДАЖЕ
 АСОСАИШАИНАСАКУИТИ. АСАСОБКИ
 СОСАБДЕ Г ГИИ АСАМАВСОНИКОСАДЪИ
 К ГИИ. АСАУСАИЪ. К. КИМЪ АСАСОИ
 БЪСАИНА. **О ПЕРЕВЪСАХЪ.**

А ЖЕТИПОДОТНИТЬСАБДАСАИНАСАБЪСАИТИ
 Г ГИИ ПИДАЖИ. АСАМАСАБДЕ ГИИ КИ
 МЪ АМАТИКЕБЪСАДЕТЬ ВЪУСАИНАИ
 РЕВЪСАИ МАТРАСАИМАИСОСАДЪ. ТОПО
 АСАМА Г ГИИ. АСАИТИ ГИИ. АСАСОСАБЪ.

КОНЬ АЗ АКИМЪ СЪ КОНЬ СЪ АКИМЪ А
КОНЬ АЗ АКИМЪ А КОНЬ АЗ АКИМЪ А
КОНЬ АЗ АКИМЪ А КОНЬ АЗ АКИМЪ А
БЪ ДИВЪ ХЪ СЪ КОНЬ АЗ АКИМЪ А
ДЕТЬ БЪ ДИВЪ ХЪ СЪ КОНЬ АЗ АКИМЪ А
ЗАБЪ ДЪ НО ВЪ НИКАТЕ **ОГОНЯКЪ**

А МЕДА ДИВЪ ХЪ СЪ КОНЬ АЗ АКИМЪ А
БЕЛЪ ДИВЪ ХЪ СЪ КОНЬ АЗ АКИМЪ А
ТНЪ ШИ АЗ АКИМЪ А КОНЬ АЗ АКИМЪ А
ТАКО МЕА ДИВЪ ХЪ СЪ КОНЬ АЗ АКИМЪ А
АКТО ПЛОЩА ДА КИМЪ АЗ АКИМЪ А
СКОТНИКЪ ПРЪ ДА ДЪ А ГОН АПАКЪ КИ
ГНЪ ИРЪ КЪ ПЛАТИТИ

ТЫ ТА ДЪ ВЪ СЪ КДАТА ПОСАКЪ ХЪ ВЪ СЪ К
ДАН БУДЕТЬ АН ПСАКЪ ХЪ СЪ КДАТА
ЛО ПСАКЪ ХЪ СЪ КДАТА НО СЪ К
ХЪ СЪ КДАТА ПСАКЪ ХЪ СЪ КДАТА
ТАКЕ ПСАКЪ ХЪ СЪ КДАТА НО СЪ К
МЕА ДИВЪ ХЪ СЪ КДАТА ПСАКЪ ХЪ СЪ К
МЕА ДИВЪ ХЪ СЪ КДАТА ПСАКЪ ХЪ СЪ К
НА ПСАКЪ ХЪ СЪ КДАТА ПСАКЪ ХЪ СЪ К
ТИТИ ВЪ СЪ КДАТА ПСАКЪ ХЪ СЪ К
ЛО ПСАКЪ ХЪ СЪ КДАТА ПСАКЪ ХЪ СЪ К
ТИТИ А КИМЪ АЗ АКИМЪ А КИМЪ А
АПО ГОН ДЪ ТАКИМЪ АЗ АКИМЪ А

Handwritten signature or mark

НИ ПОКУ КТО И БУДЕ АНКА ДРЕТЬ А ПЕН
 А ДЕТНА ШЕЛЪДО ПОСЫБИДН ВЪХЪАЮДИ
 И ТУН АНКА И А ПИМА И БЕСЕДТЬ АН
 БЕСНОХА МЕНИ И ПИШНО И АНКА И АНЕС
 ОБИДЪА А ПИНО ТЪЛЕТЪ ТИНО АН
 КУННА АТТИ ТИКА И И ОДИНО АНЪДНО
 И КТО И БУДЕ ТЪАЛЪ О ЖЕНЪ

А ДЕКТО И БЕНИ ТЪ ДЕНИ ТИ ТЪ А ДЕСИ ДО АН
 СЕДИТИ ТАКЪ ЖЕН ДА МЪ А ЖЕ БУДЕ ТЪ АН
 ПОВАТЪ ТИ ПОВИ ТЪ К ТИ АН ХА О ПЪ И
 БУКЪ БУДЕ ТИ БЪ ТЕТЪ И О ЖЕ БУДЕ ТЪ БЪ И
 И АН БЕНИ ТЪ ТИ ДА ХА О ПЪ И БЪ С ПЛА
 ТИТИ И АН ДА СЕВ АНКА ДН БИ ТИ И ПР
 ДА МЪ А ЖЕ БУДЕ ТЪ С ПЕ Р ДЪ

А ЖЕ БУДЕ ТЪ ДИ И ПИ И БУДЕ ТЪА ТИ ДА ИТИ
 У АСТЫ АНЪ А ПОВИ ТЪ А ДЕСИ ТЪА ТОН
 ДА ИТИ У АСТЫ АНЪ

А О ДА ДНИ ТЪ Б О И РЪ ТЪ ТИ И О Д РЪ Ж А Н ТИ
 И БЪ И ПЪ ХЪ А И БЪ БУДЕ ТИ И ТИ ТИ ДА К Н А
 Д А Д Д И Ц А И И Д Е Т Е И О Ж Е И Б У Д Е Т Е
 И НЪ А Д У С И Б У Д А К Т Е А П И Т Е О И Г Л И А И
 А З А Т А Р Т У Д А К Т Е Б И Н Д Е Т У А Л ТЪ И А Т О
 А П И Т Е И Т И П А К И Л А Н Е ТЪ Т Р А Д И К А Р Е
 ТЪ Т О Б У Б А И Д Е Т Е ТЪ А И А П А Д И Р У А И ТЪ

ДЛѢКАТИСОТРАКОЛѢ НАДЪВКОНЮ.
 ДАКНАѠВІАНАНІЛЮ. АБѢТЪУТОКЛО
 ПѢТЬ. АСОЗДНИЦѢ.
А МЕСКЪТЪѠБІНДѢТНОКІЛМА. ТОЗДНИ
 ЧИНАЛЪННАДАТИ. ПОСВОБОДАНАЛЪ
 СЛѢСЬИ. АМЕСИТЪВДІАЛІДѢТІАДАН.
 АНЕСДЛІСАБѢТЪСАКАНСОКІНПЕУАЛОВАТИ
 ААДТНАЛЪВОНДЕТЬСАДІЛІЖЕ. ТОКТО
 НАДЪБАНІЖІНБІДЕТЬ. ТОДІКМЕДАТИ
 НАРШЦѢ. ІСОДЪІТКОЛЪНСДОЛЛОДЪ.
 ДОНЕЛЪЖЕВОЗДІѠГІТЬ. АТОБАРЪДА
 ТИПЕРЕЛЮДАМІ. АУТОСРЪЗІТЬТІВАРО
 ДЪТІАДЪ. АНПРИГОСТИТЕТОТОКІЛ
 СОБѢ. АНСТІНІТОВАРЪВОРЪТІТЪІАЛЪ
 АПРИКІЛЪНІАКІСОБѢ. ЗАНЕСКОРАНАЛЪ
 ІНПЕУАЛІБАЛЪСАНАДІ. ІАЖЕѠУЕЛА
 ДІНІАѠНАНІѠСІТА. ТОТОВСЕПІІА
 ТІАЦЕАДЪ. УТОЛІНБІДЕТЬРОСТЕРАДЪ.
 ТОТОВІІАЛІПЛАТИТІАДѢТЪАДЪТІАД
 АУІМЕНѠУНІАДІПРИКІАЕТЪ. ДѢТІСІ
 ЗДНИЦЕН. ТОТАКОЖЕНІСТІРАДЪ. А
 ДВОРЪБЕЗДѢЛАѠТЕНЬ. БЕЖКЪЛЕНШЕ
 ІАКІСІВІ. ОЖЕНІАЖЕВОРУЕТЪСѢДѢТІ.
А МЕЖЕНАВОРУЕТЪСѢДѢТІНОКІЛМА. А

ДЕТЬДАТИ КТО ПИСАЛ ДАТЬ

А СЕО КРѠЦИ СИ ДБЕННИ

А СЕО КРѠЦИ СИ ДБЕННИ. СЪБНУ. Ф. КИНА. А
 ДЕТТАМНИ. Ф. ВЪКОШ. А СЕОТНИ СЪ
 ДАН. А. КИНА. ДОННЪХЪОВЪХЪ ТАМ
 КЪДАННУДОГУТЬ. П. Д. КИНА. А ДАТЕ
 АННИ. С. ВЪКОШ. ОЗАННИЦЪ

А МЕРАУЪРСТА МНТЬ ПЕРЕКНАЗЕДА
 ОЗАННИЦУ КТО РИНА ДЪТКИНИ ДЪ
 ТВИХЪ ДАНТЪ. ТОТЪ ДВЪДАТИ. ГИ.
 КОКНЪ. ОУРѠЦИ РѠТНИ

А СЕО КРѠЦИ РѠТНИ. СЪСЛОВИ. А. КИНА.
 А СЕОТНО СЪ ДАН. А. КИНА. БЕСТРИ
 КУНА. ТАКО МНЪ РЪЛЕННО СЪ ДАН.
 А СЕО СВОДА. Ф. КИНА. ОХОЛѠПЪСТВЪ.

Х А СЕО ПЪСТВО БЕЛНИТРИ. ОЖЕКТО
 ТАКИНИТЪ ДА ПСА. ГИ. А ПСЕЛХИ П
 СТАБИТЪ АНОГАТЪДАТИ. ПЕРСАДЪДА
 ХИЛѠПЪДА. А СЕО РИХИЛѠПЪСТВИ КЪ
 ДЕТТАМНИ. БЕЗЪДА. ПОНАДЪТАН СЪ
 ДОДЪ. ТЪКАКЪ СЕО ВЕДИТЪ РЪДНЪ НАТЪ.
 А МНСТАТИ. А СЕОТЪНИХИЛѠПЪСТВО
 ТИВУНЪСТВО БЕЗЪДА. ИЛИ ПИ
 БА МЪТЪ КИКУЪКЪ СЕО БЕЗЪДА

СРАДОМЪЛАНТКАКЕСАБЕУДЕТЬРАДНАТЬ
 НАТѠДМЪИТОИТИ. АБЪДАУАНИХАЛОПЪ
 НИПОХАКЪЕ КЪБЕУТАТЬ. НИПОПРИДАТЬ
 КЪБЪ НИОМЕНИДІХѠДАТЬГІДА. ТОВІРѠ
 УАТИНИКЛАДАТЬ. ѠЖѠДАТЬАНТОМЕНИ
 НОВАТЪИСТЪ. АЖИХАЛОПЪБЪЖИТЕ.
 АЗАПОВѢСТЪГНЪ. АЖИЛЫШАБЪКЪТЪ
 НАИЗНАИ НЕБЪДАМОЖИТИХАЛОПЪ.
 АДАСТЕНДЛЕХАКЪКА. ІАНИШКАЖЕТИ
 КЛИПТИ ТИПАТИТИНЕДЕЗАХАЛО
 ПЪ. І. ГРН. АЗЛАКЪКЪ. 3. ГРН. АЖЕКЪШЕ
 РЕИДАТЬУЮЖЪХАЛОПЪ. ІДАСТЪБЪ
 ІГЪГРНІГѠ. ТОИДАТИИДАИПЕРИКАДЪ.
 ГРН. НЕШЪБАНДАТЬАНТОПАТИТИИ
 КЛИ. 4. ГРН. АПАТАМПИКЪКЛАНАИИ
 АЛИ. АБЕУДЕТЬІБА. ТЪ. 6. ГРН. АШЕСТА
 ІАНАПЕРЕНАДЪѠЖѠДАТЬ. АЖЕКЪТІ
 СВОНГѠХАЛОПАСАДЪДЪСѠУНЪТЪА
 БЪУАКАДЛАИВІГОНДЪ. АБЕУДЕТЬАПОСА
 ДНИКАНЕБЪДААТЪИГѠ. ТОПЕКЪДАВШЕ
 ИДЛИПШТИЖИИКАМОТІѠКЪѠНЕГѠ
 ИШЕДШИКЪВЪЗАТИИ. ІДАТИИКАДІВА
 ЗЪБИИИ. І. КИИ. АПЕРЕНАДАНЪТИТИ.
 АУИИПРИТИТИИГОНА. АИКЪБИИДІИПА

343

ГЫБА. А ПЛАТИТЪ ВТОНИКТО ЖЕ. ТЪ
 А ЖЕ ПЕРЕНАЛАНЪ ТИТЬ. А ЖЕ КТО НЕ
 ВЪДАЯ. УИМЪ ХОЛѢПЪ ОИ СРАУЕТЪ И.
 ИЛИ ПОВѢСТЪ ДѢТЬ. А И БО ДЕРЖИТИ
 БИ СЕБЕ. А И ДЕТЬ ОИ ГИ. ТО ИТИ КЛИРО
 ТЪ. И А КИ НЕ ВЪДААТЬ СЕДЬ ОМЕНЕ СТЬ
 ХОЛѢПЪ. А ПЛАТЪ МАВТѢ ДАНЪ ТИТЬ.
 А УЕ МЪ ХОЛѢПЪ КДЪ КИ И ВЪЛО ИТИ
 А ОИ БИ ДЕТЬ НЕ КДЪ ДА И ВДААТЬ. ТО ГИ
 ВЪ КИ ПАТИ. А ИЛИ ШИТИ СЕДЬ О. ВЪ
 ДА ИЛИ БИ ДЕТЬ ДААТЬ А КИ И ВЪЛО И
 ШИТИ СЕ. А ЖЕ ПИ СТИТЬ ХОЛѢПЪ ВТО
 РЪ. А О ДАА ИТИ. ТЪ ВЪ КИ ПАТИ И
 ГИ ГИ. И ИЛИ ШИТИ ГИ. А ЖЕ КТО
 КИ ИТИ УИМЪ ХОЛѢПЪ НЕ ВЪДАИ. ТО
 И ПЕРВО ДИ ГИ ХОЛѢПЪ ПОНАТИ. А О И
 КИ ИТИ И И ДАТИ РЕТЪ ХО ДИ ШЕ. И
 КИ И ВЪДААТИ СЕДЬ КИ ИЛИ. С ИТИ
 ИТИ ВАРЪ А ИЛИ ШАТИ СЕ. А ЖЕ КТО
 БЪ МА ПОНА ДЕТЬ И СЕДЬ ОУТО. ИЛИ
 ТОВААТЬ. ТО ГИ ПЛАТИТИ СЕДЬ О КИ
 УТИ БИ ДЕТЬ ВЪ АЛЪ. А ЖЕ ХОЛѢПЪ КРА
 ДЕТЬ КОГО А И БИ. ТО ГИ ВЪ КИ ПАТИ И
 А И БИ ВЪДАТИ И. И КИ ИЛИ БИ ДЕТЬ КРААТЬ.

А МЕНЕ ДЪТЕ ДЪМЕНА ДЪБЪ НО О МЪБ
ТЪ И И ДЪ КРАЛИ И ХРОНИЛИ ТЪ БЪ
ХЪ БЪ ДАТИ ПАКНА НА ВЪ КИ ПАИ ТЪ БЪ
А МЪ БЪ ТЪ ВЪ БО ДНИ И И ДЪ КРАЛИ И
А ХРОНИЛИ ТОКНА ДЪ ВЪ ПРІ ДА ЖЕ

А

ОБЛАСТЬ ЕСЕНЬСКА СЪ О ПРА З

О

СОЛКЪ ШЕСА БО ХА КИ И И ПРІ ДЪ И ЛЪ
ВЪ ПЛОТЪ И И ТИ И И ТИ СЕ ПІ ДЪ И И
И ПІ ВЪ ДА ША КРА СЦА И И И И И И
ГЛА ВЪ БЛА СЫ НА И А ГИ БУ И ДА И И ДЪ
ХИ ТРО СТЬ ДИ И И СЕ СТЬ И И ДА И И СТЬ И
И И И И И И И И И И И И И И И И И
ЛЪ И И И И И И И И И И И И И И И И
ПРІ ШЕ И И И ДЪ ПІ СЪ И И И ДЪ СЪ И И И
И И И И И И И И И И И И И И И И
И И И И И И И И И И И И И И И И

Р

А И ТИ И И И И И И И И И И И И И И И
А ДЪ И И И И И И И И И И И И И И И И
И И И И И И И И И И И И И И И И
И И И И И И И И И И И И И И И И
И И И И И И И И И И И И И И И И
И И И И И И И И И И И И И И И И
И И И И И И И И И И И И И И И И
И И И И И И И И И И И И И И И И
И И И И И И И И И И И И И И И И
И И И И И И И И И И И И И И И И

644

мым демонстративно нарушил закон²⁸, вряд ли справедливо. Янь Вышатич явно пришел на Белоозеро со значительными полномочиями: скорее всего, он должен был установить новые порядки в связи с переходом этой территории под власть Святослава Ярославича, вызванным перераспределением волостей после изгнания им в союзе со Всеволодом (ранее владевшим Белоозером) из Киева Изяслава (1073 г.)²⁹. И своими действиями Янь демонстрировал, что «княжье слово» у него есть, Святослав делегировал ему свои полномочия заранее, отправляя его с миссией. В любом случае несомненно, что «Правда Ярославичей» в момент событий действовала³⁰, и волхвы-смерды, люди, явно не принадлежащие к образованной элите, ее нормы знали.

Завершающим актом стала выдача волхвов на расправу родственникам убитых ими женщин. Прибегнуть к такому способу Яня вынуждает опять-таки закон. Смертная казнь Русской Правдой не предусмотрена. Янь понимает, что волхвы — опасные мятежники; заплатить виру они не в состоянии. Но если он прикажет своим отрокам умертвить волхвов, то нарушит закон и возьмет на себя грех убийства. Выходом оказывается процедура кровной мести.

Согласно ст. 2 Пространной редакции Русской Правды, кровная месть была отменена Ярославичами, то есть не позже 1072 г.: «По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодь и мужи ихъ: Коснячъко, Перенѣтъ, Никифоръ и отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати»³¹. Если считать это сообщение достоверным³², то, учитывая, что описываемые события происходили в 1074 г.³³, придется признать факт нарушения Янем закона. Но такое нарушение было относительно небольшим в сравнении с казнью волхвов своими силами: на Яня не ложился грех убийства, а применение уже не действующей нормы можно было при необходимости объяснить невозможностью удержать родственников от расправы.

Данных о том, как осуществлялась на практике кровная месть, немного. Недавно был выдвинут тезис, что месть реализовывалась через судебный поединок — «поле». «Если обвиненный лишен защиты, — пишет автор этой

²⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С. 98.

²⁹ См.: Кучкин В.А. Формирование... С. 65.

³⁰ Предположение, что запрет «мучить» смерда без князя слова стал ответом на события на Белоозере (Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 193–194), не может быть принято в силу того, что эти события происходили не в 1071-м, а в конце 1073-го — начале 1074 г., а Правда Ярославичей не могла возникнуть позже 1072 г.

³¹ Правда Русская. Т. 1. С. 104.

³² См. аргументы против этого: Цукерман К. О Правде русской // Ruthenica. Т. 12. Київ, 2004. С. 128–134.

³³ Их развязка имела место, по-видимому, весной 1074 г., поскольку была возможна транспортировка схваченных волхвов в лодье.

версии, — то нет надобности устанавливать категории дееспособных мстителей...: старуха-бабушка с мотыгой, памятная нам по “Семи самураям” Куросавы, вполне годилась на эту роль. Однако право на месть не давало права зарезать связанного или отравить обидчика втихую; оно осуществлялось в форме поединка, который являлся следствием отказа от денежной виры в пользу осуществления Божьего суда³⁴. Но такая трактовка противоречит данным источников о процедуре «поля». Подробные сведения об этом, содержащиеся в законодательных памятниках XV в., говорят, что поединок мог решать спор по делам о «душегубстве» (убийстве), поджоге, разбое, «татъбе» (воровстве), «бое» (избиении), «заемных делах» (о долге) и принадлежности земельных угодий. Но если преступник был известен, поединок не мог быть назначен: в этом случае выносил и осуществлял приговор облеченный судебными функциями представитель власти³⁵. То есть к процедуре «поля» прибегали в случае отсутствия доказательств обвинения. Смысл поединка в том, что Божий суд должен отдать победу правому. Поединок в ситуации, когда убийца изобличен, был бы абсурдом: что в этом случае доказала бы победа преступника? Что он, убив близкого родственника истца, поступил правильно?

Что касается способа осуществления мести, то отравление, разумеется, исключено, хотя бы потому, что это деяние тайное, а месть — открытое, разрешенное законом. Но вот насчет возможности «зарезать связанного» недоумение излишне, ибо есть известия, прямо говорящие именно о таком действии. В договоре Игоря с Византией 944 г. статья о наказании за убийство формулируется следующим образом: «Аще оубьеть хрестьянинъ русина или русинъ хрестьянина, да держемъ будет створивыи оубииство от ближних оубьенаго, да оубьють и»³⁶. Это месть со стороны «ближних», то есть родственников убитого³⁷, и она производится в виде умерщвления схваченного преступника. Другим примером является рассматриваемый эпизод в устье Шексны, когда связанных волхвов убивают родственники погубленных ими женщин. При этом «старуха-бабушка» на роль исполнителя мести, согласно закону, не годилась. Перечень мстителей, вытекающий из летописной статьи 6579 г., в точности совпадает с тем, что читается в ст. 1 Краткой и Пространной редакций

³⁴ Там же. С. 134.

³⁵ Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 332, 334, 335, 341, 342 (Псковская судная грамота); Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952. С. 19–20, 24, 26 (Судебник Ивана III 1497 г.).

³⁶ I trattati dell'antica Russia con l'imperio Romano d'Oriente/Договоры Древней Руси с Восточной Римской империей. Roma–Mosca, 2011. P. 79.

³⁷ Ср.: Милов Л.В. Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009. С. 129–130.

Русской Правды³⁸. Мстили за матерей, сестер и дочерей³⁹, то есть мстителеми выступили сыновья, братья и отцы убитых женщин. Текст не упоминает месть за жен, хотя, когда повествуется о самих убийствах, сказано, что «привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя», то есть мужья-вдовцы среди близких погибших несомненно были. Но ст. 1 не предусматривала в качестве мстителей родственников по браку. Мстить мог брат за брата, сын за отца, отец за сына и племянники за дядьев: «Оубьеть моужь моужа, то мьстити братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоучадоу, любо сестриноу сынови»⁴⁰. И в летописном рассказе видим ту же картину, только место членов семьи мужского пола занимают соответствующие им женщины: братья мстят за сестер, сыновья за матерей, отцы за дочерей.

Таким образом, деятельность Яня Вышатича на Белоозере проходила в полном соответствии с существующими нормами права⁴¹. Положения Русской Правды хорошо были известны не только самому Яню, осуществлявшему помимо сбора дани судебные функции, но и горожанам-белозерцам, и смердам-волхвам, и тем, кто от них пострадал. В 1070-е гг. действовала «Правда Ярославичей», а также нормы, связанные с взиманием «дикой виры» — выплаты в складчину членами территориальной общности штрафа в случае неоказания помощи в поиске убийцы, причем в том виде, как они зафиксированы в Пространной редакции Русской Правды. Был применен и принцип кровной мести, но остается неясным, означает ли это, что она еще разрешалась, или имело место допущение уже отмененной статьи закона в чрезвычайных обстоятельствах.

³⁸ На это обращали внимание М.Н. Тихомиров (*Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде*. М.; Л., 1941. С. 52–53) и С.Л. Никольский (*Никольский С.Л. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г.: Восточная и Северная Европа в Средневековье*. М., 2001).

³⁹ «Роженъ» значит ребенок (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)). Т. 10. М., 2013. С. 422), в данном случае, поскольку убитыми были женщины — дочь. Чтение Ипатьевской летописи «родичъ» явно вторично.

⁴⁰ Правда Русская. Т. 1. С. 70, 79 (Краткая редакция); ср.: Там же. С. 104 (Пространная редакция).

⁴¹ Мнение, что Янь действовал вопреки киевским законодателям, демонстрировал «оппозицию» им (*Романов Б.А. Указ. соч. С. 99*), в свете сказанного выше выглядит безосновательным.

REFERENCES

1. *Воронин Н.Н.* Восстание смердов в XI в. // Исторический журнал. 1940. № 2.
2. *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
3. *Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999.
4. *Кривошеев Ю.В.* Языческая обрядность и социальная борьба в Верхнем Поволжье в 1071 г. // Историческая география. Л., 1985.
5. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
6. *Кучкин В.А.* Население Руси в канун Батыева нашествия // Образы аграрной России IX–XVIII вв.: Памяти Н.А. Горской. М., 2013.
7. *Милов Л.В.* Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009.
8. *Никольский С.Л.* О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г.: Восточная и Северная Европа в Средневековье. М., 2001.
9. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1966.
10. Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984.
11. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси в VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.
12. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 10. М., 2013.
13. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987.
14. *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941.
15. *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси в XI–XIII вв. М., 1955.
16. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь: опыт исследования социальной и политической борьбы. СПб., 1995.
17. *Цукерман К.* О Правде русской // Ruthenica. Т. 12. Київ, 2004.

18. Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
19. Шапов Я.Н. Характер крестьянских движений на Руси XI в. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.

Ключевые слова:

Русская Правда, Янь Вышатич, волхвы, виры, кровная месть.

Anton A. Gorsky

THE LEGAL REGULATIONS OF RUSSKAYA PRAVDA (RUSSIAN LAW) AND JUDICIAL PRACTICES: YAN VYSHATICH NEAR BELOOZERO

The article is dedicated to the event described in the Chronicles, focused on the uprising in the 1070s near Beloozero. The uprising led by Mags was suppressed by the nobleman Yan Vyshatich. The author analyses that event in the context of legal regulations imposed by the Short Edition (Kratkaya) and the Extensive Edition (Prostrannaya) of Russkaya Pravda. The author's conclusion is that representatives of different social strata, including those from the bottom classes were perfectly aware of the legal codes.

 Горский Антон Анатольевич

доктор исторических наук, профессор Исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института
российской истории РАН

К.В. Вершинин

МЕРИЛО ПРАВЕДНОЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА НА РУСИ

Мерилом Праведным называют древнерусский сборник, сохранившийся — не считая отрывков — в четырех полных списках XIV–XVI вв. Его принято считать «юридическим», что верно лишь отчасти. На четыре пятых (в старшем списке — РГБ, Тр. 15¹ — это 281 лист² ин-кварто, писанный уставом) Мерило состоит из памятников светского законодательства и канонического права, образующих особый раздел сборника, сопровождаемый оглавлением. Оставшуюся пятую часть (71 лист) занимают учительные статьи, не менее важные для составителя: они сосредоточены в начале Мерила. В свете последних работ не дошедший до нас архетип сборника уверенно датируется концом XIII (по мнению автора этих строк)³ или, самое

¹ Далее — Тр. Ниже Мерило цитируется по фототипическому изданию этого списка (Мерило Праведное по рукописи XIV века / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961), однако с указанием листов оригинала.

² Учитывая утраты, а также ошибки в нумерации листов.

³ Вершинин К.В. К вопросу о происхождении Мерила Праведного // Средневековая Русь. Проблемы политической истории и источниковедения. Вып. 11. М., 2014. С. 150–264. Как я стараюсь доказать, к ближайшему литературному окружению Мерила относятся послание Иакова черноризца Дмитрию Борисовичу ростовскому и Правило черноризцем — памятники, созданные не позднее 1290-х гг. Подробнее см.: Вершинин К.В. «Правило черноризцем»: к изучению связи Мерила Праведного с Кормчей Русской редакции // ДРВМ. 2015. № 2 (60). С. 36–48; *Он же*. О возможном месте составления Мерила Праведного // ДРВМ. 2015. № 3 (61). С. 22–23.

Мерило Праведное в составе Кормчей Чудовской редакции.
Разворот рукописи XV в.

позднее, началом XIV в. (точка зрения М.В. Корогодиной)⁴. Во всяком случае не подлежит сомнению, что Мерило явилось результатом «глубокой затаенной работы по восстановлению церковно-юридических памятников»⁵, которая велась в Северо-Восточной Руси с конца XIII в.

Во второй раздел Мерила Праведного, помимо прочего, вошли почти все памятники светского права, известные на Руси ко времени составления сборника: византийские Эклога и Прохирон, императорские новеллы, Закон судный людем, Русская Правда. Сюда же можно отнести и так называемый Моисеев Закон, византийский оригинал которого считается одним из дополнений к Эклоге. Таким образом, Мерило включает в себя крупнейшую дошедшую до нас коллекцию светских юридических памятников, собранную непосредственно на Руси. Уже поэтому ясно, что изучение этого сборника имеет существенное значение не только для истории книжности. Мерило Праведное — это один из основных, наряду с Кормчими книгами, источников для такой исследовательской проблемы, как рецепция византийского права в восточнославянском мире

⁴ Корогодина М.В. О происхождении Мерила Праведного // Современные проблемы археографии. Сб. ст. по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г. СПб., 2011. С. 129–130; Она же. Кормчие книги XIV — первой половины XVII в. как исторический источник. Дисс. ... д.и.н. СПб., 2015. С. 92.

⁵ Тихомиров М.Н. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII веков. С. 180.

(а для исследования рецепции светского права — еще более важный, чем Кормчие).

В настоящей работе я попытаюсь, опираясь на современные знания о византийском праве и данные собственных исследований, определить цель создания нашего сборника и прояснить на его примере функцию писаного права на Руси в древнейший период⁶.

1

Напомню читателю, что со времен Н.В. Калачова⁷ подавляющее большинство исследователей не сомневалось в практическом значении Мерила: последнее будто бы применялось в «княжеских», то есть светских судах. В таком направлении рассуждали М.Н. Сперанский⁸, М.Н. Тихомиров⁹. Эта точка зрения и сегодня часто воспроизводится, особенно в юридической литературе. Более взвешенная оценка К.Ф. Калайдовича и П.М. Строева, некогда впервые сообщивших о Мериле в печати и не решившихся заключить, производился ли по тому сборнику «суд гражданский» или только духовный¹⁰, осталась без внимания.

Историографический унисон нарушила обширная и нестандартная работа В.М. Живова¹¹, усомнившегося в юридической сущности, в частности, и нашего памятника. Живов высказал суждение, что на славянской почве функция занимающих большую часть Мерила переводов византийских юридических памятников фактически лежала за пределами права¹². Пафос

⁶ Выражаю благодарность участникам обсуждения моего доклада, состоявшегося в центре по истории Древней Руси ИРИ РАН в ноябре 2015 г. и послужившего отправным пунктом написания этой статьи.

⁷ *Калачов Н.В.* Архив историко-юридических сведений, относящихся до истории России. М., 1850. Кн. 1. Отд. III. С. 39.

⁸ *Сперанский М.Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты. М., 1904. С. 317.

⁹ Закон судный людем краткой редакции / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 15–16.

¹⁰ [*Калайдович К.Ф., Строев П.М.*] Предисловие к изданию 1819 года // *Законы великого князя Ивана Васильевича и Судебник царя Иоанна Васильевича с дополнительными указами.* М., 1878. С. VI.

¹¹ *Живов В.М.* История русского права как лингвосемиотическая проблема // *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры.* М., 2002. С. 187–305. Статья написана в 1982 г. К переизданию 2002 г. Живов приложил *postscriptum*, содержащий, в частности, методологическую самокритику.

¹² Объяснял это Живов по-разному: придерживаясь вначале представления о диглоссии в Древней Руси, он вскоре отверг его сам и искал ответ в «характере русской рецепции христианской культуры». Обсуждать здесь теорию диглоссии, которая, думается,

работы состоит в том, что местная и византийская правовые системы — по мысли ученого — были противопоставлены друг другу. На практике действовал языческий по происхождению правовой обычай, известный по Русской Правде, в то время как переводное право было «вознесено до уровня религиозной истины», и «его практическое применение оказывалось вполне второстепенным предметом»¹³. В последнее время позицию Живова поддержал В.В. Долгов. По его словам, такой сборник, как Мерило Праведное, «выполнял функцию символа законности и служил материалом для назидательного чтения»¹⁴. Кажется, аналогично мыслит функцию сборника и М.В. Корогодина: «Мерило Праведное... носило информативный характер и предназначалось для знакомства князя с византийским и древнерусским законодательством»¹⁵.

Таким образом, в литературе можно наблюдать полярные точки зрения на рецепцию византийского права на Руси, а следовательно, и на значение Мерила. Особняком стоят поздние работы Я.Н. Щапова, который признавал, что «следы византийского влияния в светском праве» Руси XI–XV вв. не обнаружены, но вопрос о практическом применении переводных законов оставил открытым¹⁶. Концепцию Живова Щапов упрекнул — и надо сказать, справедливо, — в упрощении культурной ситуации на Руси, утверждая, что у восточных славян одновременно существовало несколько систем права¹⁷, а «вместо оппозиции: языческое (славянское) — христианское (византийское), мы имеем треугольник: византийское (христианское) — древнерусское (христианское) — древнерусское (языческое), каждое из

неадекватна реальной культурной ситуации на Руси, излишне; ее критику см., напр.: *Шапир М.И.* Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники: По поводу книги Б.А. Успенского «История русского литературного языка (XI–XVII вв.)» // *Russian Linguistics*. 1989. Vol. 13. № 3. P. 271–309; *Он же.* [Рец. на кн.:] *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994 // *Philologica*. 1997. Т. 4. № 8/10. С. 359–380. В качестве примера можно отметить, что Вопросы Кирика, недавно найденные Л.В. Мошковой канонические ответы митрополита Георгия и ответы митрополита Иоанна II принадлежат к одному жанру, однако эти памятники написаны (последние два — переведены) разным языком: первые два — живым древнерусским, третий — церковнославянским.

¹³ *Живов В.М.* История русского права... С. 231.

¹⁴ *Долгов В.В.* Функции юридических текстов в Древней Руси (на примере «Мерила Праведного» // *Вопросы истории*. 2013. № 10. С. 97.

¹⁵ *Корогодина М.В.* Кормчие книги... С. 79.

¹⁶ *Щапов Я.Н.* Римское право на Руси до XVI в. (Новые аспекты проблемы) // *Феодализм в России: Сб. ст. и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л.В. Черепнина*. М., 1987. С. 218.

¹⁷ *Он же.* О системах права на Руси в XI–XIII вв. // *История СССР*. 1987. № 5. С. 175–181.

которых обладало характерными чертами»¹⁸. Той же мысли о сосуществовании на Руси различных систем права придерживаются Е.В. Белякова¹⁹ и С. Франклин²⁰.

Думается, что мысль Щапова требует определенной корректировки. Для книжников Древней Руси, конечно, не существовало «систем права»: они попросту не мыслили в подобных категориях (вообще любое средневековое право с трудом поддается приложению понятия «система»). Что касается языческого права, то оно вообще не имело собственной письменной традиции до христианизации Руси. Появившиеся впоследствии записи дохристианских по происхождению норм осуществлялись уже не язычниками и не считались чужеродными для христианской книжности.

В Мериле Праведном и в Кормчих вместе уживаются и византийские, и «языческие» (Русская Правда), и славянские христианские памятники. Поэтому, если иметь в виду *письменные памятники* и представления современников о них, то нужно вести речь о *едином комплексе* юридических текстов, пусть и различного — в наших глазах — происхождения. Для изучения функции этих текстов на Руси Мерило, как уже было сказано, представляет особый интерес в силу своей адресации светской власти. Итак, остается непроясненным вопрос: что владело мыслями составителя — практическая необходимость или назидательная цель? Рассмотрим обе эти гипотезы подробнее.

2

Допустим, что Мерило Праведное являлось сборником, предназначенным только для назидательного чтения. В таком случае придется игнорировать разделение сборника на две части. Так и поступает В.В. Долгов²¹, но едва ли это оправдано.

¹⁸ *Он же*. Некоторые новые исследования рецепции византийского права на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 12–14 апреля 1993 г. Тезисы докладов. М., 1993. С. 86–87.

¹⁹ Белякова Е.В. «По какому праву?» (О некоторых особенностях правовых систем Московской Руси) // Россия/Русистика/Россиеведение. Кн. 1. Язык/История/Культура. М., 2010. С. 305.

²⁰ Franklin S. A Polyphony of Rules and Categories: the Case of Early Rus // *Legalism: Rules and Categories*. Oxford, 2015. P. 177–204.

²¹ Долгов В.В. Функции юридических текстов... С. 95.

Мерило Праведное. *Рукопись РГБ, Тр. 15 (XIV в.) Лист 2*

Наблюдения над рукописной традицией Мерила Праведного также не дают оснований полагать, что содержащиеся в нем юридические тексты воспринимались как памятники учительной литературы.

Несмотря на скудость традиции Мерила как целого (четыре полных списка), тексты из первой части сборника переписывались существенно чаще других. Так, уже М.Н. Погодин опубликовал предисловие к Мерилу по неназванному сборнику, который нам удалось разыскать — это РНБ, Погод. 1294, XVII в.²² Н.В. Калачов указал на другой сборник XVII в. — РГБ, МДА 175, XVII в., включающий выписки из учительной части Мерила (л. 164–174)²³. А.Н. Попов обнаружил ряд статей из того же раздела сбор-

²² В этой рукописи предисловие помещено отдельно и приписано Стефану Пермскому. В публикации Погодина эта атрибуция не подвергается сомнению. См.: Москвитянин. 1847. Ч. I. С. 121–128.

²³ Калачов Н.В. Архив историко-юридических сведений... С. 38–39. Н.В. Калачов упомянул еще об одном сборнике из собрания М.П. Погодина, где выписки из Мерила составляют «главы 92–103 всей рукописи» (Калачов Н.В. Архив историко-юридических сведений... С. 38). Он надежно отождествляется с рукописью XVII в. РГБ, Бел. 55 и, таким образом, после 1839 г. перешел от М.П. Погодина к И.Д. Беляеву. Не имея возможности перечислять чтения этой рукописи, отмечу, что они ближе всего к Кормчей Ивана Волка Курицына РГБ, МДА 187.

ника в третьей редакции Русского хронографа²⁴. Первую часть Мерила использовал в конце XV в. Иван Волк Курицын при составлении особой редакции Кормчей²⁵.

Автору этих строк удалось обнаружить целый ряд не учтенных в литературе выписок из Мерила²⁶. Наиболее многочисленны встречающиеся в сборниках XV—XVII вв. списки компиляции «От Шестоденъца избрано о животех», иногда в сопровождении других статей²⁷. Все они имеют ту же лауну, что имеется в полных списках Мерила (*Тр*, л. 31 об.), и ничего не дают для текстологии последнего, но демонстрируют значительный интерес к нравственному разделу сборника — упомянутая статья является собранием притч о человеческих нравах. Достаточно устойчивый комплекс выписок содержится в трех рукописях: БАН, Арх. Д5, кон. XV в., л.; РГБ, Муз. 10261, нач. XVI в., л.²⁸; РГБ, МДА IV.1, XVI в., л. 144–161 об. Здесь читается целый ряд учительных статей, а также предисловие (последнего нет в Музейном списке). К общему с этими рукописями протографу восходит и список РГАДА, Син. тип. 387, кон. XV в., л. 95–102, содержащий

²⁴ Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. II. С. 153–154; 180–182.

²⁵ Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. Исследование. Тексты. М., 2002. С. 58–62.

²⁶ Излагаемые ниже сведения, конечно, не претендуют на совершенную полноту, но опираются на сплошной просмотр многих десятков рукописей из хранилищ Москвы и — по мере возможности автора — Санкт-Петербурга. Сборники XV в. охвачены более чем на 90% (основываюсь на Предварительном списке славяно-русских рукописных книг XV в.), для XVI в. полученные данные также обладают высокой репрезентативностью.

²⁷ О.В. Белова указывает четыре рукописи: РГБ, Больш. 16, рубеж XVI–XVII в.; РНБ, Мих. 401-Q, XVII в.; РНБ, Погод. 1613, XVII в.; РНБ, Соф. 1518, XVI в. (Белова О.В. Славянский бестиарий. М., 2001. С. 303–306). Мне известно еще пять: ГИМ, Епарх. 356, кон. XV — нач. XVI в.; РГБ, Егор. 843, XVI в.; РГБ, Волок. 491, XVI в.; РГБ, Гранк. 144, XVI в.; РНБ, Кир.-Бел. 11/1088, л. 495 об.—498, кон. XV в. В рукописях Больш. 16 и Егор. 843 помещены также «Слово, како подобает тязатися с насилники пред Богом...», «От жития святаго Епифания...» и «О поставлении властелем...»; в Епарх. 356 и Волок. 491 — также «Слово о судиях и о властелех, емлющих мзду...». Последние четыре списка восходят к единому протографу и отличаются заменой некоторых слов на грецизмы, благодаря чему появление этого протографа можно связывать с литературным процессом конца XV в. Подробнее см.: Вершинин К.В., Матасова Т.А. К вопросу о переводных текстах греко-латинской традиции в Московской Руси: памятники Древней и новой книжности в сборниках Егор. № 843 и Больш. № 16 из коллекции НИОР РГБ // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 118–123.

²⁸ Замечу, что переписчику этого сборника принадлежит еще по меньшей мере одна рукопись — толковый Апокалипсис с дополнительными статьями РГБ, Больш. 111.

только предисловие к Мерилу²⁹. В ряде рукописей встречаются и разрозненные выписки из Мерила: так, например, в сборнике ГИМ, Епарх. 373, кон. XV — нач. XVI в. находим статью о 12 ветрах (л. 213, ср. *Тр*, л. 348 об.), в ГИМ, Епарх. 377, кон. XV — нач. XVI в. — две из псалтырных компиляций, два слова Епифания Кипрского, «Слово святого Евагрия» (здесь анонимно), «Образ винам» (л. 368–384).

Второй раздел Мерила Праведного, в отличие от первого, занимает в русской книжности изолированное положение и взаимодействует только с другими каноническими и юридическими текстами. Так, хорошо известно, что в состав Чудовской редакции Кормчей книги вошел материал обеих частей сборника³⁰. Мерило, по всей вероятности, было доступно и составителю протографа известного Пушкинского сборника XIV в. Редкая выписка из «законодательной» части Мерила находится в сборнике РНБ, Погод. 1287, XVI в.³¹ В этой рукописи, представляющей собой россыпь самых разнообразных статей, фрагменты из Эклоги, а точнее — некоторые ее статьи, касающиеся браков и наследства, помещены в окружении канонических правил³².

Приведенные данные о бытовании Мерила Праведного в русской письменности свидетельствуют, что сборник был неплохо известен книжникам (пусть и хуже Кормчей), но интерес к его юридической составляющей был низок, в то время как к учительной части обращались неоднократно и использовали ее в новых компиляциях — а это является важнейшим показателем востребованности текста в средневековой книжности. Таким образом, правовые памятники осознавались современниками как особый жанр, их рукописная традиция оставалась почти не проницаемой для иных текстов.

Кроме того, сомнения в юридическом значении Мерила должны неизбежно ставить под вопрос юридическое значение Кормчей (и вообще церковных канонов). К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

²⁹ Фотоснимками этой рукописи я обязан Л.В. Мошковой. Не имея здесь возможности подробно описывать состав упомянутых рукописей, отмечу главные отличительные особенности этих выписок: дополнительный заголовок «Книги судския о Бозе починаем», отсутствие имени князя в предисловии. В трех рукописях (кроме МДА) фрагменты Мерила соседствуют с хронографической компиляцией под названием «Книга Паренис» (или «Парениос»), не известной по другим спискам.

³⁰ *Корогодина М.В.* Кормчие книги... С. 156–158.

³¹ *Бычков А.Ф.* Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 514–515.

³² То, что они заимствованы из Мерила (а не из Кормчей Чудовской редакции), видно из того, что выше отсюда же выписано несколько других статей (фрагменты Пчелы, «Анастасия Синайского о поставлении властетем»). См.: *Бычков А.Ф.* Описание... С. 511.

3

Могло ли Мерило Праведное использоваться в процессе судопроизводства? Ответ на этот вопрос связан с известными затруднениями, а именно с крайней узостью источниковой базы. Несомненно, в рассматриваемую эпоху и в церковных, и в светских судах иногда фигурировала письменная документация. Однако церковь добилась на этом поприще большего, как и в распространении делопроизводства вообще³³. Так, например, XI в. датируется берестяная грамота с упоминанием штрафа в пользу епископа. С деятельностью церкви, как можно думать, связана запись второй половины XIII в. о «точном серебре», подразумевающая практику выдачи судебных и бессудных грамот³⁴. Наиболее раннее свидетельство употребления письменности в светском суде — приговор смоленского князя Федора Ростиславича по судному делу (1284 г.), типичность которого для своего времени небесспорна³⁵, к тому же ссылки на письменное право в нем отсутствуют. Как правило, судебный процесс проходил устно³⁶.

Задаваясь вопросом, действовали ли в Древней Руси те или иные византийские правовые нормы (или конкретные памятники), исследователи стараются найти ответ в нарративных источниках. Однако скудных известий летописей и некоторых других свидетельств недостаточно для сколько-

³³ Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., 2010. С. 306–307.

³⁴ Эта запись известна по Пушкинскому сборнику, с. 97–98: «А что по судн[о]й грамоте по утяганой, а то точное серебро без 10 золотник... Также и по бесъсудной грам[оте] точное серебро безъ 10 золотникъ, а взяти с веса. А грамота судная и бесудная по том[у] же серебру по точному безъ 10 золотникъ». Аналогичную запись Л.В. Милов обнаружил в Кормчей XVI в. РГБ, собр. Егорова, № 254, где «точное серебро» заменено на «рубль»: «Аще кто кого утяжетъ, то имати по ссудной грамоти сребро с веса без 10 золотникъ рубль...» Обе рукописи восходят к протографу конца XIII в. (Милов Л.В. Исследования по истории памятников средневекового права. С. 6–21). Бесспорно суждение Л.В. Милова, что речь здесь идет не о пробе серебра, а о размере взимания. Но чтобы это доказать, нет необходимости прибегать к чтениям поздней Егоровской рукописи (Л.В. Милов считает их более исправными). На наш взгляд, слова «точное серебро» обозначают весовой эталон, с помощью которого определяли размер пошлины. Если такое истолкование верно, то данная запись связана с деятельностью одной из епископских кафедр, в ведении которых в XIII в. находилась служба мер и весов (Щапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси. X–XIII вв. М., 1989. С. 90–95).

³⁵ Этот древнейший из сохранившихся официальных судебных документов Древней Руси касается иностранных купцов и содержит датировку по западному обычаю, от Рождества Христова (Франклин С. Письменность, общество и культура... С. 296–297).

³⁶ Есть серьезные основания полагать, что и сам закон промульжировался в устной форме. Ср.: Цукерман К. О правде русской // Ruthenica. 2014. Vol. 12. P. 153–156.

нибудь определенных выводов, и едва ли можно возразить В.М. Живову, когда он утверждает, что известные нам в XI—XV вв. «случаи применения византийских норм остаются ничего не доказывающими исключениями»³⁷. Экстраполировать же в прошлое данные более позднего времени, когда статус деловой письменности существенно возрос, нельзя.

Не будет лишним — чтобы не цитировать наиболее популярные тексты — привести один малоизвестный отрывок:

[Н]ехто мольвяшетъ злыя речи на Романа, князя великаго. Князь же, уведавъ, повели его поставити пред собою. Боляре же веляхуть его повесить. Князь же рече: «телу его не твори (!) зла, но языкъ его глагола на мя злая». И повеле ему язык отрезати³⁸.

Перед нами редкое, датируемое концом XII или XIII в.³⁹, свидетельство того, как мог проходить княжеский суд, а также применения в таком суде телесного наказания (а потенциально — даже смертной казни). Ссылки на писанные нормы отсутствуют. Соблазнительно видеть в описанном случае влияние византийского права, но согласно известной на Руси Эклоге, отсечение языка предписывается за иное преступление — нарушение клятвы⁴⁰. Между тем отрезание языка применялось в Византии также в качестве внесудебной расправы. Как разновидность талиона она встречается во многих памятниках законодательства, начиная с законов Хаммурапи. Иными словами, доказать, что князь Роман узнал об этой разновидности наказания из писаного кодекса права, нет никакой возможности.

Могут, в качестве возражения, указать на Русскую Правду, само наличие которой в Мериле и Кормчей как будто свидетельствует об активном практическом использовании упомянутых сборников. В действительности даже интенсивное переписывание юридических текстов в Средневековье

³⁷ Живов В.М. История русского права... С. 221.

³⁸ Покровский Ф.И. Слова из святых книг собрана. СПб., 1907. С. 15. Приведенный отрывок сохранился в составе флорилегия, помещенного среди дополнений к Псалтыри XVI в. БАН, 21.1.19.

³⁹ Который из князей по имени Роман упомянут в тексте, неизвестно, а потому точно датировать источник невозможно. Как заметил Ф.И. Покровский, слово «великаго» исправлено из «велическаго», а это последнее может быть искажением из *галическаго (*галичьскаго). В таком случае здесь имеется в виду Роман Мстиславич или, что менее вероятно, Роман Данилович (Покровский Ф.И. Слова... С. 15).

⁴⁰ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская книга Эпарха. Рязань, 2006. С. 81.

может быть не связано с прагматическими целями⁴¹. Нельзя не принять во внимание и тот факт, что большинство списков Русской Правды падает на XVI—XVII вв., когда ее нормы ушли в прошлое. Близкую аналогию находим в латинской письменности эпохи Каролингов, когда рукописная традиция варварских прав становится невероятно богатой, что, однако, не связано с реальным судопроизводством (несмотря на встречающиеся в этих судебных записях заверения об обратном) и отражает стремление кодификаторов «подражать... правовому наследию римской и иудео-христианской цивилизации, наследниками которой они являлись»⁴². В отличие от народов Средиземноморья, франки не обладали достаточной римской «закваской», чтобы декларации стали реальностью. Местная устная культура сопротивлялась внедрению письменности в судебный процесс⁴³. Следует заключить, вслед за В.М. Живовым, что поиски следов использования письменного права на практике безрезультатны и могут принести лишь единичные — и то сомнительные — факты.

Вопрос о практическом применении переводного законодательства в Древней Руси приобрел особую остроту лишь вследствие склонности исследователей XIX—XX вв. к модернизации истории. Конечно, нельзя наверняка отрицать возможности случаев, когда какой-либо князь прибегал к нормам Эклоги или Прохирона. Но очевидно, что придется смириться с полным отсутствием данных на этот счет.

4

Глубокое убеждение автора этих строк состоит в том, что ракурс изучения проблемы должен быть изменен — и прежде всего потому, что практическая применимость того или иного юридического текста для людей эпохи Мерила Праведного не была вопросом первостепенной важности. Причи-

⁴¹ Нелишне в этой связи отметить, что взятая в целом рукописная традиция Русской Правды лишь на первый взгляд свидетельствует о регулярном интересе к этому памятнику древнерусских «юристов». Подавляющее большинство ее списков дошло до нас в составе Кормчих и Мерила, а значит, у нас нет серьезных оснований считать, что к Русской Правде обращались чаще, чем к другим текстам, входящим в состав этих сборников.

⁴² *Wormald P.* The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Vol. I. Legislation and its Limits. Oxford, 1999. P. 38. См. также: *Idem.* The leges barbarorum: law and ethnicity in the post-Roman West // H.-W. Goetz, J. Jarnut, E. Pohl (eds.). Regna and Gentes. Leiden, 2003. P. 21–53.

⁴³ *Цукерман К.* О правде русской... P. 153.

на этого такова: доля классического римского права в рецепции византийского наследия на Руси была исчезающе малой. Славянская — и не только славянская! — культура того времени, конечно, *не препятствовала* практическому использованию таких текстов, но и *не стимулировала* его. Основное место занимали христианизированные светские судебники и каноническое право. Здесь придется совершить небольшой экскурс в историю византийского права и выяснить, как воспринимали эти памятники сами византийцы.

К сожалению, исследователи порою игнорируют динамику развития права в империи ромеев. Так, В.М. Живов утверждает, что «у восточных славян были в распоряжении те же составляющие, из которых образовалось западное легалистское сознание: построенное на рациональных принципах римское право (пусть и в поздних византийских переработках — это в столь общей перспективе маловажная частность) и достаточно разработанное право обычное»⁴⁴.

В действительности между тем пониманием права, которое зародилось в христианской Церкви — а в дальнейшем проникало в гражданское законодательство Византии, — и «легалистским сознанием» лежит пропасть. Следует признать, что римского права в строгом смысле Русь не знала. Юстинианово законодательство было известно русским книжникам в незначительных отрывках, посвященных Церкви и вошедших в состав Номоканона. О грандиозных «Василиках» — попытке реставрации и ревизии наследия Юстиниана — на Руси не имели никакого представления⁴⁵, если не считать глухих ссылок на «60 царских книг», изредка встречающихся в толкованиях на каноны в Кормчих Сербской и Русской редакций. Тем более не известно в древнерусской письменности что-либо подобное трактатам по правоведению. В процессе рукописного бытования юридические тексты на Руси «не подвергались комментированию, не обростали глоссами»⁴⁶. Не существовало и специального юридического обучения⁴⁷.

Чем же в таком случае располагали наши книжники? Основную часть переводных памятников права составляют каноны, из светских судебныхни-

⁴⁴ Живов В.М. История русского права... С. 295.

⁴⁵ Kaiser D.H. The Growth of Law in Medieval Russia. Princeton, 1980. P. 173–174; Франклин С. Письменность, общество и культура... С. 243.

⁴⁶ Белякова Е.В. Пути распространения римского права в средневековой Руси // Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права. Материалы IV международной конференции. Москва — Иваново — Суздаль, 25–30 июня 2006 г. Иваново, 2006. С. 175.

⁴⁷ Белякова Е.В., Шапов Я.Н. Законодательство императора Юстиниана в русской и славянской традиции. Особенности русской рецепции римского права // Этнокультур-

ков в русской книжности известны Эклога иконоборцев (датируемая 726 или 741 г.; старший список славянского перевода — в Мериле Праведном) и тесно связанные с ней памятники⁴⁸ — Земледельческий закон (в составе компиляции «Книги законные») и Закон Моисеев (в том числе в Мериле). Законодательство периода «очищения законов» — «анакатарсиса» — представлено наиболее кратким памятником — Прохирином конца IX в., который, «несмотря на все пренебрежение к Эклоге... обеими руками черпает из нее»⁴⁹. В целом, русские книжники были знакомы с теми из византийских законов, которые так или иначе испытали влияние «исаврийского возрождения» (термин М. Хамфриза⁵⁰). В этом отношении Русь не одинока: например, армянская письменность также не знает ни «Василик», ни сколько-нибудь значительных фрагментов Юстинианова законодательства, однако ей известны Эклога, Военный и Моисеев законы и некоторые другие краткие памятники в переводах Нерсеса Ламбронаци (XII в.)⁵¹. В судебнике, составленном в 1184 г. вардапетом Мхитаром Гошем⁵², до сих пор не обнаружено следов влияния светского права Византии, в то время как заимствования из Писания и канонического права в нем крайне велики.

ное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 1. С. 387, 401; *Белякова Е.В.* Влияние византийского законодательства о еретиках на русскую средневековую правовую традицию // *Древнее право / Ius antiquum*. 2013. № 1 (26). С. 112. Надо сказать, что и в самой Византии юридическая образованность была, видимо, явлением редким (*Konidaris I.* The Ubiquity of Canon Law // *Law and Society in Byzantium, 9th–12th Centuries*. A. Laiou, D. Simon (eds.). Washington, 1994. P. 145–146).

⁴⁸ Возможно, в первоначальном списке Кормчей Ефремовской редакции находился и Морской закон. По наиболее аргументированной гипотезе, Земледельческий, Морской и Моисеев законы (а частично — и неизвестный славянам Военный закон) были созданы в эпоху Эклоги; в рукописях они регулярно составляют ее «конвой». В любом случае, все упомянутые памятники представляют собой, в противоположность Юстинианову законодательству, краткие «суммы», а кроме того, активно христианизируют право.

⁴⁹ *Острогорский Г.* История Византийского государства. М., 2011. С. 311.

⁵⁰ *Humphreys M.T.G.* Law, Power, and Imperial Ideology in the Iconoclast Era: с. 680–850. Oxford, 2015. P. 231.

⁵¹ *Бартикян Р.М.* О византийском клиторологии в Судебнике Мхитара Гоша и его армянском переводчике // *Историко-филологический журнал*. Ереван, 1989. Т. 3. С. 203; *Chitwood Z.R.* Byzantine Legal Culture under the Macedonian Dynasty, 867–1056. A diss. ... of doctor of philosophy. Princeton, 2012. P. 198; *Kaufhold H.* Sources of Canon Law in the Eastern Churches // *The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500*. W. Hartmann, K. Pennington (eds.). Washington, 2012. P. 325.

⁵² Русский перевод см.: *Армянский судебник Мхитара Гоша / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна*. Ереван, 1954. Судебник известен в трех редакциях, из которых 3-я восходит к 1-й; какая из оставшихся двух первична, неясно (*Бартикян Р.М.* О византийском клиторологии... С. 197–198). Русский перевод выполнен со 2-й редакции, отличительная черта которой — распределение церковных и светских статей по двум самостоятельным разделам.

VII–VIII вв. в истории Византии порой характеризуются односторонне, как время упадка права. Действительно, юридическая наука переживала тяжелые времена, многие школы перестали существовать, а законотворчество иконоборческого периода несопоставимо по объему с *Согрис'ом Юстиниана*⁵³. Между тем исаврийские законодатели совершили переворот в области права, отталкиваясь в значительной мере от церковных канонов и впервые применив язык Священного Писания в светских судебныхниках⁵⁴. Если ранее оставалось в силе античное представление, классически выраженное Ульпианом, что требование закона — «честно жить, не вредить другому, воздавать каждому свое» (Институции, I.1.1.3), то в VIII в. закон, по словам современного исследователя, стал пониматься как «посланное с небес орудие исправления, призванное укрепить христианскую нравственность, защищая слабых, удерживая склонных к пороку и наказывая злых... закон стал заветом византийцев с Богом»⁵⁵. Иными словами, впервые в истории Византии было заявлено о божественном происхождении гражданского права. В центре правовой реформы стояла Эклога, пролог которой наполнен ветхозаветной топижкой и представляет императора в качестве «нового Моисея» и «второго Соломона на престоле суда»⁵⁶.

Известно, что из византийской культуры Русь, как и славянство в целом, заимствовала прежде всего аскетическую традицию. Однако излишне предполагать вслед за В.М. Живовым, что, осваивая эту часть наследия Византии, русские книжники самостоятельно сдвинули акценты в сторону большего ригоризма и нетерпения к античному наследию. Как подчеркивает Д.М. Буланин, уже в византийской аскетике сложилось направление,

⁵³ *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 134–135.

⁵⁴ В значительной мере юридическая программа иконоборцев была подготовлена каноническим корпусом, принятым Трульским — или Пято-Шестым вселенским — собором 691–692 гг. Этот собор, на котором ключевая роль была отведена императору Юстиниану II, стал важнейшим этапом развития законотворчества на христианском Востоке. По своему значению он выходит за рамки собственно канонического права и свидетельствует о растущей христианизации римского наследия (подробнее см.: *Humphreys M.T.G.* Law, Power, and Imperial Ideology... P. 37–80). Составитель Мерила Праведного активно пользовался этим источником, о чем речь впереди.

⁵⁵ *Humphreys M.T.G.* Law, Power, and Imperial Ideology... P. 253. См. также: *Lokin J.* The Significance of Law and Legislation in the Law Books of the Ninth to Eleventh Centuries // *Law and Society in Byzantium, 9th–12th Centuries.* A. Laiou, D. Simon (eds.). Washington, 1994. P. 89–90; *Simon D.* Legislation as Both a World Order and a Legal Order // *Ibid.* P. 12–15; *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2015. С. 203–205.

⁵⁶ *Gero S.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III, with Particular Attention to the Oriental Sources (*Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium.* Vol. 346). Louvain, 1973. P. 57.

приравнивавшее «еллинскую мудрость» к «прелести»⁵⁷. Такого же рода явлением — хотя, быть может, и не столь заметным современному наблюдателю, — следует считать пересмотр римского права в духе Писания и «большого человеколюбия»⁵⁸, который, по иронии судьбы, достиг наиболее полного выражения в законодательстве иконоборцев⁵⁹. В дальнейшем, хотя «в теории законодательная программа исаврийцев была осуждена», на деле она была во многом «продолжена и заимствована» новыми императорами после восстановления почитания икон⁶⁰. Таким образом, новокрещеным славянам византийское светское право стало известно по его основательно христианизированным образцам. Важно, между прочим, что эта литература сама по себе содержала мощный заряд универсализма. Эклога и сопутствующие ей памятники не знают названия «ромеев» — все подданные императора именуются «христианами».

Если даже в самой Византии светское право в значительной мере испытывает влияние Церкви, то тем более славянские книжники должны были воспринимать переводные юридические кодексы по аналогии с церковными канонами. В конечном итоге византийский Номоканон становится «двигателем» рецепции переводного права⁶¹. О каноническом праве Византии нам известно достаточно много, чтобы утверждать: его цель — в поиске

⁵⁷ Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVII вв. München, 1991 (Slavistische Beiträge. Bd 278). С. 25–27.

⁵⁸ Термин τὸ φιλόανθρωπον (то же, что φιλόανθρωπία) употреблен, между прочим, в подзаголовке Эклоги. Правда, в славянском переводе он отсутствует — вероятно, из-за пропуска в рукописи, послужившей оригиналом для переводчика. Такой пропуск встречается в одном из сохранившихся греческих списков (Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. L. Burgmann (hrsg.). (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte. Bd. 10). Frankfurt a. M., 1983. P. 160).

⁵⁹ Не обсуждаю здесь вопроса об эллинистических корнях символического языка канонов и подвергнувшегося их влиянию светского права (а также о влиянии античной идеи справедливости на политическую мысль Византии). См. об этом, напр.: Wagschal D. Law and Legality in the Greek East. The Byzantine Canonical Tradition, 381–883. Oxford, 2015. P. 122–125; 191 и др. Как напоминает Д. Вагшал, применение риторики в светском законодательстве (ради того, чтобы закон «не только угрожал, но и убеждал») обосновал еще Платон (Законы, 721a–722c). Но этот факт едва ли учитывался в VIII в., когда гражданские установления подвергались, как уже сказано, воздействию церковных канонов, а не платонической традиции в чистом виде.

⁶⁰ Humphreys M. T. G. Law, Power, and Imperial Ideology... P. 271. Светская юридическая образованность так и не восстановилась в полной мере. Весь последующий период «составляли, обрабатывали и воспроизводили имперские законы» главным образом канонисты (McGuckin J. A. The Ascent of Christian Law. Patristic and Byzantine Formulations of a New Civilization. New York, 2012. P. 270).

⁶¹ Feldbrugge F. Law in Medieval Russia (Law in Eastern Europe. Vol. 59). Leiden: Boston, 2009. P. 87.

не «формально корректных правовых решений», а «подлинно справедливых... ответов на каждый вопрос»⁶². «Христиане, — пишет православный богослов Дж. Макгакин, — мыслят закон как способ установления высоких норм поведения», как ориентир, содержащий градацию человеческих поступков по уровню нравственности⁶³.

В отличие от современных юридических текстов, доступные на Руси памятники византийского права не мыслились как замкнутая система. Они были включены в контекст христианского Писания, фактически представляя собой его *экзегезу и конкретизацию*. Отчасти такое воззрение на закон восходит еще к Античности — достаточно вспомнить, что платоновский диалог «Государство» посвящен идее справедливости⁶⁴. Помимо Кормчей и Мерила, этот принцип прослеживается и в Пандектах Никона Черногорца, хорошо известных русским книжникам XII–XIII вв. Никон задумывал Пандекты не как юридический трактат, а как книгу толкований на евангельские заповеди, в которой и каноны, и «градские» законы следуют за фрагментами отеческих творений⁶⁵.

Здесь уместно вспомнить хрестоматийные, основанные на хронике Георгия Амартола, слова летописца, что «комуждо языку овемъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычай, зане законъ безаконьникомъ отечьствие мнится»⁶⁶. Комментируя этот пассаж, С. Франклин справедливо замечает, что выражение «исписанъ законъ» не может подразумевать «имперское законодательство»⁶⁷. В то же время исследователь видит здесь указание не только на Священное Писание, но и на Номоканон. Это предположение представляется мне совершенно излишним. С. Франклин не приводит дальнейшего текста: «мы же, християне, елико земля, иже веруютъ во Святую Троицю и въ едино крещенье, въ едину веру, законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся (Гал. 3:27)»⁶⁸.

⁶² Wagschal D. Law and Legality... P. 279.

⁶³ McGuckin J.A. The Ascent of Christian Law... P. 275.

⁶⁴ Он даже носит соответствующий подзаголовок: «или о справедливости». Именно это понятие лежит в центре платоновской дианойи (а вовсе не проблема идеального государства, как часто ошибочно полагают).

⁶⁵ Troianos S. Byzantine Canon Law to 1100 // The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500. W. Hartmann, K. Pennington (eds.). Washington, 2012. P. 141–143. То, что Никон утверждает «приоритет божественных заповедей», очевидно и для правоведов, вообще склонных приписывать древним современные юридические представления (Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права. Очерки IX — середины XVII в. М., 2006. С. 81).

⁶⁶ ПСРА. М., 1997. Т. I. С. 14.

⁶⁷ Франклин С. Письменность, общество и культура... С. 245.

⁶⁸ ПСРА. Т. I. С. 16.

Из контекста совершенно ясно, что под «законом» имеется в виду христианская вера, письменным выражением которой являются священные книги (недаром они именуются Писанием)⁶⁹. Если вернуться к предложенной В.М. Живовым концепции «правового дуализма», то выяснится, что для летописца такой проблемы не существует. Остается различие между христианскими и языческими народами, но принятие Русью «христианского закона» принципиально неотменяемо. В этом смысле возможные рецидивы язычества оказываются в буквальном смысле вне закона.

Разумеется, В.М. Живов прав в том, что практическое использование переводного права «оказывалось вполне второстепенным предметом»⁷⁰. Когда в 1468 г. псковские священники составили грамоту «из Намакануна», которая должна была обосновать их судебные полномочия, то этот документ отправился на хранение «в ларь»⁷¹. Однако это происходило вовсе не потому, что писанные нормы не были действующими. Когда все частные законоположения органически включены в большой культурный нарратив, ясно, что они не могут и не должны выполняться автоматически. Как свидетельствует известный византийский сборник «Пира», судья XI в. Евстафий Ромей в своих решениях «ссылался *также* и на законы»⁷². Многозначительное «также» подчеркивает, что применение конкретных законоположений оставалось на усмотрении чиновника. Такой взгляд на писаное право восходит еще к Аристотелю, который рассматривал закон лишь как *одно из возможных доказательств* в суде наряду со свидетельскими показаниями, договорами, клятвами, показаниями под пыткой (Риторика, 1375a-b)⁷³.

Итак, отсутствие на Руси памятников классического римского права еще не говорит об отсутствии византийского влияния, которое следует ус-

⁶⁹ В исламе, как известно, присутствует аналогичное противопоставление «людей Писания» (авраамических религий) и язычников.

⁷⁰ Живов В.М. История русского права... С. 231.

⁷¹ ПСРА. М., 2000. Т. V. Вып. 2. С. 165. Подробнее об обстоятельствах составления грамоты см.: Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 847–849.

⁷² Цит. по: Wagschal D. Law and Legality... P. 7. К сожалению, ценная работа Д. Симона о «Пире» (Simon D. Rechtsfindung am byzantinischen Reichsgericht. Frankfurt a. M., 1973) известна мне только в изложении Д. Вагшала.

⁷³ Если использовать язык науки, то в рамках описанного представления судебное дело можно уподобить теореме, которую «доказывает» судья. Ясно, что в процессе обращение к уже имеющимся теоремам не может быть регламентировано заранее. В некоторых случаях достаточно и аксиом (роль которых может выполнять Писание, идея справедливости и т.п.).

матривать в усвоении русскими книжниками христианского понимания закона.

5

Из сказанного ясно, что вопрос о конкретном влиянии Мерила Праведного на судебную практику является не только неразрешимым в силу ничтожности источниковой базы, но и довольно праздным, учитывая особенности юридических представлений эпохи. Это не мешает оценивать сборник как памятник права. Однако рассматривать мы его должны в качестве потенциально наличного в древнерусской книжности свода правил, который мог применяться от случая к случаю. В этом отношении Мерило представляет собой светский аналог Кормчей книги. Позволю себе выразить несогласие с М.В. Корогодиной, которая считает, что попытки встроить «управление церковью и государством... в правовое поле», воплощенные в создании различных редакций Кормчих книг, оказались «малоуспешными»⁷⁴. Ведь, как продолжает она же, Кормчая «служила недостижимым идеалом» (курсив мой. — К.В.) для государства и церкви — точно так же, как почти недостижимым (по крайней мере для большинства людей), но вечным идеалом любого христианина служат евангельские заповеди.

Поэтому нельзя не согласиться с важным выводом Д. Вагшала, что современные юридические понятия трудно приложимы к нашему предмету⁷⁵. В конечном итоге даже сам термин «право» следует здесь использовать с большой осторожностью — лишь как модель с ограниченной познавательной ценностью. В действительности вместо *канонического права* в сознании византийского (или древнерусского) «интеллектуала» существовали только конкретные *каноны*, каждый из которых имеет в качестве источника Священное Писание.

Корпус византийских канонических текстов имеет твердое «ядро» и неопределенные, «плавающие» границы, оставляющие за книжниками значительную свободу обращения с текстами⁷⁶. Отсюда и разнообразие канонических сборников, и отсутствие «рациональной» систематизации канонов, известной по западному Декрету Грациана. Отсюда и большое число

⁷⁴ Корогодина М.В. Кормчие книги... С. 474.

⁷⁵ Wagschal D. Law and Legality... P. 132–133.

⁷⁶ Ibid. P. 83–87.

редакций Кормчих книг, возникших непосредственно на Руси⁷⁷. В русле этой традиции находится и Мерило Праведное.

6

Учитывая все изложенное, можно показать, что в Мерило является типичным — византийским, а что особенным — древнерусским.

Выше мы выяснили те общие характеристики юридического мышления эпохи, которые неизбежно оказывали влияние на создателя Мерила. Можно выделить ряд более частных проявлений влияния византийских образцов. Так, по-видимому, чтение прологов, читающихся в Кормчих, Эклоге или Пандектах Никона Черногорца, привело нашего книжника к мысли предпослать введение и собственному творению (вообще упомянутые прологи были, кажется, *единственными* «теоретико-юридическими» текстами, доступными в Древней Руси). Как расширенное введение можно рассматривать и всю первую, учительную часть Мерила. В этой связи нельзя не заметить, что в своей характеристике последнего не так уж далек от истины был Г.А. Розенкампф. Этот прославленный знаток канонической литературы относил предисловие сборника «к древним... вступлениям собраний правил и Номоканону Фотия»⁷⁸. Надо сказать, что и юридическая часть Мерила по своему содержанию настолько походит на Кормчую, что, например, Д. Кэйзер без колебаний причислил сборник к памятникам «церковного права»⁷⁹.

Вся первая часть Мерила не содержит ничего собственно юридического (в современном понимании этого слова). Это относится и к предисловию, которое, как подчеркнула М.В. Корогодина, «поражает ученостью и обилием цитат»⁸⁰. Своей изысканной риторичностью оно вполне соответствует переводным образцам⁸¹.

⁷⁷ Из этого, в частности, следует, что данная парадигма правового мышления не предполагает наличия «официального» свода правил. Поиски «официальной» Кормчей даже в XVI в. не привели к положительным результатам (Корогодина М.В. Была ли в XVI веке официальная митрополичья Кормчая? // Русское средневековье: Сб. ст. в честь проф. Ю.Г. Алексева. Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 832–843). Вероятно, утверждение представления об официальных кодексах права возникает в России лишь после появления в XVII в. печатных Кормчей и Уложения.

⁷⁸ Розенкампф Г.А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. СПб., 1839. С. 195.

⁷⁹ Kaiser D.H. The Growth of Law... P. 23, 61.

⁸⁰ Корогодина М.В. О происхождении... С. 129.

⁸¹ Wagschal D. Law and Legality... P. 122–125.

Пример Кормчей побудил книжника составить оглавление ко второй части Мерила. Эта часть повторяет и структуру византийских канонических сборников, где градус систематизации падает по мере движения от начала к концу⁸². Действительно, если логичности построения и точности заголовков первых глав второй части Мерила могут позавидовать и соответствующие главы Номоканона XIV титулов, то последняя глава заключает в себе разную «смесь» (*miscellanea*), а ее заглавие («О власехъ») условно и передает содержание лишь первых статей этой главы. Тексты канонов и законов, сакрализованные уже на греческой почве, лишь незначительно сокращаются ради экономии места и — за двумя исключениями — не подвергаются редакции⁸³. Сама мысль поместить в сборнике, адресованном князю, подборку священных правил, продиктована не только желанием продемонстрировать границу между мирским и церковным, но и представлением о главенствующей роли канонов, о невозможности исключить их из собрания юридических текстов.

Наконец, общий исторический контекст до некоторой степени роднит русский сборник с византийской Эклогой или, например, с упоминавшимся уже судебником Мхитаря Гоша. Царствование Льва III было омрачено войной с арабами и началось с неудачной для противника, но крайне опасной для империи осады Константинополя 717 г. Ко временам Мхитаря Гоша (XII в.) Армения была почти целиком захвачена сельджуками. Таким образом, во всех трех случаях противостояние с завоевателями послужило важным стимулом для создания христианизированных сводов права.

7

Тем не менее в Мериле мы встречаем изрядную долю своеобразия. При этом как в византийских юридических кодексах главными и подчас единственными источниками, по которым можно изучать замыслы их создателей, служат прологи, так и в нашем сборнике основными текстами, отражающими авторские идеи, являются предисловие, а также другие статьи, принадлежащие перу непосредственного составителя Мерила⁸⁴, — «Наказание князем» и «От Еуангелия толкование Златоуста» (*Тр*, л. 2–8 об., 62 об.—63 об., 64 об.—67).

⁸² Ibid. P. 271–274.

⁸³ Вершинин К.В. К вопросу о происхождении... С. 245–254.

⁸⁴ Обоснование см.: Вершинин К.В. К вопросу о происхождении... С. 194–195; 203–205.

Литературные приемы, используемые книжником, уходят корнями в древнейшую историю славянских четвх сборников. Правда, если в наиболее ранних учительных рукописях — например в Изборнике 1076 г. и его болгарских предшественниках — мы встречаем набор «простейших компиляций» (терминология У. Федера)⁸⁵, то есть текстов, объединяющих изначально автономные элементы (стихов Библии или гномов, на которые часто делаются аскетические произведения), то составитель Мерила оперирует (лучше всего это видно по предисловию) текстами, не обладающими гномической структурой, выбирая из них фрагменты по своему усмотрению. Среди его источников — Кормчая, славянские переводы «Лествицы» Иоанна Лествичника, Бесед на Евангелие Григория Двоеслова, Огласительных бесед Кирилла Иерусалимского, трактата «О проказении» Мефодия Патарского и другие святоотеческие произведения⁸⁶.

Интересно, что, по наблюдениям Федера, «простейшая компиляция» перестает существовать в XII—XIII в. — последним ее представителем исследователь считает «Моление» Даниила Заточника, уже пародирующее сам этот литературный прием⁸⁷. Очевидно, помимо «простейшей», существует и более сложная разновидность компиляции, встречающаяся в Мериле Праведном и родственных ему памятниках, датирующихся концом XIII в. Во всяком случае, нет никаких сомнений в том, что приемы создателя Мерила выдают архаическую славянскую литературную школу. Произведения более позднего времени, составленные по такому принципу, мне неизвестны⁸⁸.

По авторским фрагментам, ограничивающимся буквально несколькими словами⁸⁹, можно извлечь сведения о том, как смотрит книжник

⁸⁵ Федер У.Р. Хиляда години като един ден. Животът на текстовете в православното славянство. София, 2005. С. 110. Об этом см. также: Там же. С. 185–199.

⁸⁶ Schneider R. (eingeleitet und hrsg.). Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband Merilo Pravednoe. Freiburg i. Br., 1986. S. 1–18; Вершинин К.В. К вопросу о происхождении... С. 168–213; Он же. Цитаты из бесед Григория Великого на Евангелие в Мериле Праведном и его литературном окружении // Slavia. 2015. Рос. 84. Seš. 4 (в печати).

⁸⁷ Федер У.Р. Хиляда години... С. 110–111.

⁸⁸ Вероятно, компиляция полностью вытесняется в область выписок «для себя», обычных для монашеских сборников и не воспринимавшихся в качестве особых произведений. Так, одну из подобных компиляций (неопределенной датировки), состоящую из фрагментов «Лествицы», описывает М. Егорова по рукописи XVI в. (Егорова М.С. Русские аскетические сборники XIV–XVI вв. как тип сборника // ТОДРА. СПб., 2004. Т. 56. С. 204).

⁸⁹ В принадлежности автору нескольких фрагментов, источники которых не удалось опознать ни Р. Шнайдеру (Schneider R. Die moralisch-belehrenden Artikel...), ни автору этих строк (Вершинин К.В. К вопросу о происхождении...), остаются большие сомнения.

на свой труд. Он обращается к адресату: «се и еще *трудъ есть предъ мною* (Пс. 72:16) предъ мною к тебе, великому князю, и ко всемъ сыномъ твоимъ, русьскимъ княземъ...» (Тр, л. 5 об.). Следует череда выписок из различных книг с увещаниями не отступать от «евангельскаго учения» (которого духовные чада автора «насытились» еще во младенчестве) и не преткнуться о «камень сблазна» (Рим. 9:32), вслед за чем продолжается оборванная цитата из псалма: «се же реку, да бы есте *вошли въ святыню Господню* (Пс. 72:17)» (Тр, л. 6 об.). Без сомнения, на нашего книжника оказало влияние толкование этого места из Псалтыри, принадлежащее Иоанну Синайскому. В «Лествице» цитата из Пс. 72:16–17 приводится в подтверждение той мысли, что пасомых «на нашемъ раме нужда понести... донележе двери въходныя усакаго поистине преминуть» (РГБ, Тр. 10, л.210)⁹⁰.

Итак, предисловие к Мерилу является, по существу, наставлением духовным детям. Оно разделено (вероятно, самим автором) на семь частей, выделенных в Тр киноварными инициалами. Их содержание можно свести к следующему: (1) Бог, его всевластие и непостижимость; (2–3) грех, падшее состояние человека; (4) уподобление князя Христу; (5–6) обязанности князя; (7) заключение с увещанием соблюдать Господни заповеди.

По своим главным акцентам предисловие существенно отличается от византийских прототипов. Полезно сопоставить его с введением к упоминавшемуся выше судебнику Мхитара Гоша. Конечно, эти тексты весьма различны: произведение армянского книжника более рационально по композиции и стилю, автор пространно пишет от первого лица, излагая причины составления сборника, в то время как создатель Мерила оперирует почти исключительно фрагментами готовых текстов. Но в одном предисловия к судебникам схожи: оба указывают на умножение греха как на важнейшую причину преподания людям писаных законов. Например:

«...Искони Богъ созда человеку тело, а не язю; душу, а не грехъ. Озлоби же ся, съвратившися съ ес[тъс]тва...» (Тр, л. 4)

«...Въста от неприязнина ума неправда, въста на девъство блудъ, скверна на чистоту, лютость на кротость, ненависть на любовь...»

(Тр, л. 5)

⁹⁰ Далее в Мериле выписаны соседние слова из «Лествицы».

«...зло погасило знание, которым мы обладали от природы; грех обратил совершенное творение в несовершенное; ненависть же предотвратила любовь и сострадание...»⁹¹

Ни один из прологов к доступным на Руси или в Армении памятникам переводного права (главный из них — пролог к Эклоге, весьма насыщенный библейскими цитатами) данной темы не касается, поэтому ее появлению в рассматриваемых памятниках мы обязаны исключительно богословским познаниям авторов. Особенность Мерила в том, что здесь, в отличие от судебного Гоша, весьма пространно излагается богословие в собственном смысле (предисловие начинается повествованием о Боже-стве, включая догматы о Троице и Боговоплощении). По-видимому, цель автора не только в изложении основ христианской веры, но и в том, чтобы напомнить адресату — князю — об ограниченности его власти перед лицом Предвечного Владыки. Кроме того, предисловие к Мерилу завершается перечислением казней, которые претерпела Русь при монгольском нашествии, и грозит в будущем новыми карами за неисполнение «Спасителя нашего заповедий». Благодаря этому мотиву, который получил в литературе не вполне удачное название «теории казней Божиих», Мерило хорошо вписывается в общий контекст умонастроений русских книжников конца XIII в.

Из пролога к Эклоге составитель мог почерпнуть представление о пастырской миссии светского властителя. Здесь же можно видеть один из источников заглавия сборника — в Эклоге упоминаются вручаемые судьям «праведная мерила» (*Tr*, л. 168), то есть «весы правосудия» (впрочем, это выражение заимствовано, в свою очередь, из Писания — Притч. 16:11 и др.). Кроме того, предисловие к византийскому судебнику могло подвигнуть составителя Мерила поместить в первой части сборника отрывок из беседы Василия Великого на начало книги Притчей (под заглавием «О исправлении суда»). Пространная цитата из этой беседы приводится, как установлено Л. Бургманном, именно в прологе Эклоги⁹². Не исключено, что русский книжник опознал ее и обратился к имевшемуся в его распоряжении полному переводу гомилии великого каппадокийца.

Однако тема пастырства, едва намеченная в Эклоге, в предисловии к Мерилу является едва ли не основной, и здесь составитель пользуется всеми доступными ему источниками. Из них прежде всего следует на-

⁹¹ Армянский судебник Мхитара Гоша / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна. Ереван, 1954. С. 3.

⁹² Ecloga: Das Gesetzbuch... P. 246.

звать текст, заимствованный из Кормчей, а именно Приветственное слово (Λόγος προσφωνητικός⁹³) отцов Трульского собора к императору Юстиниану II Ринотмиту. В частности, две выдержки из него обрамляют имя князя, адресата Мерила Праведного. Соответствующие места отмечены в работе Р. Шнайдера⁹⁴. Не случайно, как заметил Г.А. Николаев, автор Поучения использовал деяния собора, имевшего «большое значение для истории православной Церкви»⁹⁵. В самом деле, документы Трульского собора занимают исключительное место в истории канонического права. Но они стали также вехой в формировании образа правителя Византии.

Слово, адресованное Юстиниану II, представляет собой выдающееся произведение политической мысли, изумляющее богатейшей риторикой. М. Хамфриз делит его на три части: одна посвящена священной истории спасения; другая — императору; наконец, третья, завершающая, — непосредственно собору⁹⁶. Памятник чрезвычайно насыщен библейскими топосами (их беспрецедентное количество отмечает Д. Вагшал⁹⁷), из которых славянский книжник сумел выбрать ключевые. Приведем эти фрагменты по тексту Мерила Праведного.

«...противу [злобы диавола] въставляя великому сему всего мира кораблю хранитель Христось тебе, мудраго нашего кормьчию, благочестиваго князя... заступника воистину въстави, устрояюща словеса на суде (Пс. 111:5), храняща истину въ веки (Пс. 145:6), творяща судъ и правду посреде земля (1 Цар. 2:10), егоже Мудрость⁹⁸ порожиши и съблюдиши, добре добродетelmi въспита и украси... [ты] око вселеней, ума чистотою светъ видя и къ свету правя подвластныя, от вышняго промысла правление человеческого рода приимъ...» (Тр, л. 5–5 об.)⁹⁹

«...уподобишися вискавшему на горахъ заблужышаго овчате (Мф. 18: 12–14; Лк. 15: 3–7) Пастырю Христу...» (Тр, л. 7 об.)

⁹³ В славянском переводе — «пригласное».

⁹⁴ Schneider R. Die moralisch-belehrenden Artikel... S. 4–18.

⁹⁵ Николаев Г.А. «Мерило Праведное» (заметки о составе памятника) // Православный собеседник. 2007. Вып.1 (14). С. 75.

⁹⁶ Humphreys M.T.G. Law, Power, and Imperial Ideology... P. 47–48.

⁹⁷ Wagschal D. Law and Legality... P. 109.

⁹⁸ Мудрость (Премудрость) в новозаветной экзегезе тождественна Христу (1 Кор. 1:24).

⁹⁹ Большинство отмечаемых библейских цитат указано в: Wagschal D. Law and Legality..., хотя, впрочем, не всюду верно.

«...того ради закону Божию поучатися день и ноць (Пс. 1:2) на устроение и възгражение сужимъ под рукою ти людемъ, яже къ Богу теплою любовью ревнителя Финееса преспевъ и грехъ прободъ копиемъ (Чис. 25:8) и противную силу истомивъ, и Христово стадо злобы же и пагубы изяти изволи...» (Тр, л. 7 об.—8).

Как видим, здесь прямо говорится о божественном источнике светской власти, а князь (в Λόγος — император) недвусмысленно уподобляется царю Давиду (цитатой из Пс. 1), Финеесу и даже Христу. Последний мотив не встречается в Древней Руси до Мерила Праведного¹⁰⁰. Более того, сравнение императора с Христом как Добрым Пастырем не встречается и в литературе самой Византии до Λόγος προσφωνητικός. Давид и Финеес не случайно выбраны анонимным греческим автором из всех ветхозаветных персонажей: оба фигурируют в византийской символике как прообразы Христа, а также как предводители народа, «один — царь-священник, другой — жрец-воитель»¹⁰¹.

Цитаты из Λόγος можно соотнести с помещенной в старшем списке Мерила миниатюрой, где изображен праведный судья. Согласно убедительной догадке А.В. Сиренова, это царь Давид, фигура которого скопирована с рельефа Дмитриевского собора во Владимире¹⁰². В церковном праве, а также в судебныхниках икоборцев пастырский образ Давида выступает на первый план, заслоня Моисея-законодателя. Как видим, Мерило следует здесь своим образцам. Не случайно ниже, в первой части Мерила, помещено сразу несколько компиляций из псалмов (Тр, л. 11 об.—15). Составитель воспринимает творца Псалтыри именно как пастыря, что видно из развернутого заголовка к одной из этих компиляций. Здесь обязанность «судить людемъ» сравнивается с евангельским талантом — классической аллегорией пастырского дара: «Разумейте [цари и князи], яко се, талант Божий при-

¹⁰⁰ В. Вальденберг не находил в русской литературе упоминаний об уподоблении правителя Христу ранее XV в. (Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006. С. 83, 163). Что касается Λόγος προσφωνητικός, то следующий по времени после Мерила пример его использования встречается в первом послании митрополита Фотия князю Василию Дмитриевичу от 1410 г. (Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. С. 289–296). Хотя Фотий местами перефразирует текст памятника, можно заметить, что он (или его переводчик, если оригинал был написан по-гречески) использует тот же готовый славянский перевод, что и Мерило Праведное.

¹⁰¹ Humphreys M.T.G. Law, Power, and Imperial Ideology... P. 55.

¹⁰² Сиренов А.В. О возможном источнике миниатюры «Мерила Праведного» // Русские древности: К 75-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 210–212.

яли есте, да не леностнымъ платомъ обивь, небрежениемъ погребете в мысленей земли сердца своего...» (Тр, л. 12 об.)¹⁰³.

Вводные тексты Мерила Праведного используют не только обращение к императору, но и важнейшие каноны Трульского собора, адресовавшиеся не одним клирикам, но и самому Юстиниану II¹⁰⁴. Помещенное после заглавия посвящение великому князю заимствовано из Трул. 1: «Чинъ изыщень всякому начинаемому словеси ищи от Бога начати и въ Бозе кончати...» Эта важная цитата из Григория Богослова — если быть точным, из его 3-й гомилии¹⁰⁵, — задает тон всему сборнику¹⁰⁶. Ниже, в Поучении, приводятся слова из последнего канона собора — Трул. 102, которые рекомендуют адресату излечивать «греховный недугъ», смотря по обстоятельствам: «ли лютейшими, озлобляющими, ли мягчайшими, кротчайшими» (Тр, л. 7—7 об.). Задача правителя — оживить порочных людей «от мертвыхъ дель». В оригинале канон обращается к притче о заблудшей овце, но наш книжник уже позаимствовал этот сюжет из Λόγος — соответствующее место следует непосредственно после цитаты из Трул. 102.

Помимо установлений Трульского собора, составитель Мерила воспользовался первым правилом Седьмого Вселенского — одним из важнейших среди всех церковных канонов.

¹⁰³ Редкий образ «леностного плата», в который можно завернуть талант, заимствован, по всей видимости, из молебного канона Кирилла Туровского: «Яже прияхъ мнасу и тою купля не творяхъ, но мысленую раскопавъ землю и *леностнымъ обивь платомъ*, неверьемъ душа посыпахъ...» (Поньрко Н.В. Покаянные каноны Кирилла Туровского (вопросы атрибуции) // ТОДРА. Т. 55. СПб., 2004. С. 253).

¹⁰⁴ «Каноны Трульского собора, — пишет М. Хамфриз, — представляют собой орудие... предназначенное для исправления христиан как начала возрождения христианской империи» (Humphreys M.T.G. Law, Power, and Imperial Ideology... P. 73).

¹⁰⁵ Humphreys M.T.G. Law, Power, and Imperial Ideology... P. 58. Эта гомилия, между прочим, процитирована выше в Поучении: Вершинин К.В. К вопросу о происхождении... С. 188.

¹⁰⁶ Действительно, Поучение начинается рассуждениями о Боге и Его всемогуществе. В этой связи заслуживает интереса и заключительный текст Мерила — «о 12 ветрах», имеющий, возможно, символический смысл. Роза ветров с двенадцатью лучами имеет античное происхождение, но широко распространилась в средневековой письменности Востока и Запада благодаря сакральному статусу числа 12 в Священном Писании. О двенадцати ветрах пишет Иоанн Дамаскин (Дамаскин И. (св.) Источник знания. СПб., 2006. С. 152); образом вечной славы Господней — наряду с двенадцатью месяцами — они служат в сочинениях Хильдегарды Бингенской (Berndt R. (Hg.) «Im Angesicht Gottes suche der Mensch sich selbst». Hildegard von Bingen. Berlin, 2001. P. 391). В одном славянском тексте — правда, позднего происхождения, — а именно в акафисте «Петру и Павлу и всем апостолам» Исидора Вухира в редакции Франциска Скорины двенадцати ветрам уподобляются апостолы ([Скорина Ф.] Акафист светому верховному апостолу Петру и Павлу и въсем апостолом. [Вильна, ок. 1522]). Кроме того, ветер может обозначать праведный Божий суд.

«Съ богоявленымъ Давыдомъ въспои: *На пути сведении Твоихъ украсихъся, яко въ богатъстве мнозе* (Пс. 118:14); *Заповедалъ еси правду, сведения Твоя* (Пс. 118:138); *Владыко, вразуми мя и живи мя въ веки* (Пс. 118:144). И боговидецъ Моисии рече: *В нихъ несть приложити и от нихъ несть уати* (Втор. 4:2; 12:32). Божественныи Павелъ, вшедъ на третье небо и слышавъ тамо, яже в теле неизвещана суть, и в нихъ хваляся въпиеть: *в няже желаютъ ангели приникнути* (1 Пет. 1:12); *и ангелъ благовести [и] инако, проклятъ да будетъ* (Гал. 1:8).. Симъ сицемъ и послушствующимъ намъ, *радующимъся о нихъ, якоже обрящеть кто користи многи* (Пс. 118:162), сладко божественная правила утверждаютъ цело и недвижимо пребывание ихъ, заповеданая от святыхъ и духовныхъ трубъ прехвалныхъ Апостолъ и всея вселенныя шести сборъ, и поместныхъ святыхъ събравшихъся, святыхъ отецъ нашихъ поданая в нихъ повеления, **и благочестивыхъ нашихъ цесарь и правоверныхъ князии...**» (Тр, л. 8—8 об.).

7 Всел. 1 утверждаетъ нерушимость канонической традиции¹⁰⁷, а в новом контексте — и светского законодательства. На последнее в Мериле распространяются, конечно, и все приведенные здесь библейские аллюзии, ключевой из которыхъ является обращение к 118-му псалму с его знаменитыми размышлениями о соблюдении закона. Этот псаломъ цитируется и дальше в Мериле — уже непосредственно по Псалтыри.

Под «недвижимымъ пребываниемъ» каноновъ в 7 Всел. 1 понимается не буквальное запрещение любого нового законодательства, а увещание следовать духу традиции¹⁰⁸. Составитель Мерила продолжает текст упоминаниемъ памятниковъ светского права¹⁰⁹, тем самымъ дополнительно подчеркнув их неотделимость от церковныхъ правил.

Тема духовного учительства продолжается и далее. Приводится классическое для пастырского богословия место из книги пророка Иезекииля (Тр, л. 7 об.): «и паки: *стража тя дахъ дому Израилеву*» (Иез. 3:17). Из «Слова к пастырю» Иоанна Лествичника заимствована сентенция, подхватывающая заданный уже цитатой из Λόγος προσφωνητικός образъ корабля: «Прияль еси очи прозирати волны сущимъ в корабли, не тебе ти молчание». Не удалось установить источникъ следующего важнаго фрагмента: «бдети ти

¹⁰⁷ Развернутую характеристику канона см.: Wagschal D. Law and Legality... P. 113–115.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ В приведенномъ выше отрывке добавление выделено жирнымъ шрифтомъ.

повелено о порученыхъ ти людехъ: веремени зовущю, и *душою положити* (Ин. 15:13) за нихъ» (Тр, л. 7 об.).

Когда тема закона обсуждается в категориях греха и добродетели, князь, чтобы вершить справедливый суд, должен быть нравственно безупречен и извлечь «бревно» из своего ока (Мф. 7:3; Лк. 6:41). Он должен любить милость больше «книжного стена» (Тр, л. 6 об.), чтобы не «преткнуться» об известный «камень», то есть Христа (Рим. 9:32). Князь призван, уподобившись Христу, терпеть личные обиды, чему посвящена почти вся статья «От Еуангелия толкование Златоуста». Вообще правитель обязан стремиться «погасить суд» и помирить соперников, ведь, согласно седьмой заповеди блаженства (Мф. 5:9), те, кто «инехъ... терпению учаще и смиряють братию свою», нарекаются «сынами Вышняго» (Тр, л. 67). В качестве иллюстрации цитируется (по 15-й главе Пандект Никона Черногорца) «Прение со схоластиком» известного аскета IV в. Марка Подвижника:

«Некто... рече: князи согрешають, обидимыя избавляя и обиденым спас подающе, а не Богу отдающе. — *Князи, по Апостолу, не суть в боязнь добро делающим, но злым* (Рим. 13:3); и хотящим отмщениа, подавая, не согрешають» (Тр, л. 66 об.).

Выбор этой цитаты из обширной главы Пандект, специально посвященной терпению, не может быть случайным. Согласно фабуле «Прения», святой Марк беседует с представителем светской культуры — схоластиком (адвокатом, законоведом), едва начинающим постигать христианское благочестие. В оригинале (ГИМ, Чуд. 16, л. 46 об.) приведенной цитате сопутствует противопоставление¹¹⁰: Марк отвечает схоластику, что согрешают не «князи», а те, кто судится с обидчиками. Таким образом, здесь мы имеем дело с принципом, явным образом отличающимся от юридического и отсылающим к словам Апостола: «исполнение... закона любви есть» (Рим. 13:10).

Предмет другой статьи, «Наказания князем», — ответственность князя за подчиненных ему тиунов. Здесь автора также заботит не формальное следование закону, а предотвращение распространения греха. «Один тать, — пишет он, — на все стороны мерзить; цесарю неправедну, все слуги под нимь безаконьны суть» (Тр, л. 63 об.). Приведенные слова происходят

¹¹⁰ В Мериле это место сокращено, но заменено близкими рассуждениями из другого источника.

из наставлений пастырю, помещенных в широко известном раннехристианском памятнике — «Апостольских постановлениях»¹¹¹.

Примеры можно умножить, но, думается, из сказанного очевидно, что тексты Мерила Праведного существенным образом пропитаны духом евангельской нравственности, чем отличаются от светских юридических кодексов Византии исаврийской и македонской эпох, где «идея законодательства развивалась главным образом в контексте Ветхого Завета»¹¹². Конечно, как мы уже видели выше, в Мериле присутствует ветхозаветная топики, но она последовательно дополняется образами Евангелия.

Подводя итог всему сказанному, можно заключить, что Мерило Праведное — это памятник вполне византийский по содержанию. Главное, что он внес в отечественную книжность — это представление о законе как о наборе антиномий, противоречия между которыми разрешаются в личности судьи. Отсюда — повышенное внимание сборника к нравственному облику «Божьего слуги» — князя, который должен восходить «от степени на степень» (*Тр*, л. 1 об.) по духовной лестнице. Прав, конечно, В.В. Долгов, когда утверждает, что «ориентация судьи на писанный закон» отсутствовала на Руси вплоть до XV–XVI вв.¹¹³ Но совершенно незачем видеть в этом русское истолкование переводных источников: во многом так же обстояло дело в самой Византии, в особенности — в сфере канонического права, с которым Русь была знакома больше всего. Это не повод для однозначного вывода, что юридические тексты воспринимались исключительно как «духовные, символические, идеологические и нравоучительные»¹¹⁴. От исследователей обычно ускользает тот факт, что в каноническом праве, верном античной по происхождению традиции, закон формулировался в литературной форме, являясь «одним из аспектов

¹¹¹ Непосредственный источник этой выписки — один из фрагментов «Апостольских постановлений», помещенных в Симеоновом Изборнике. Цитирую список 1073 г. (по изданию: Изборник великого князя Святослава Ярославича. СПб., 1880): «Маль квась вьсе тесто вькваси, и единь тать на всу страну мръзость наводи... и цару послушаюшту слова неправьдна, вся сущая подь ниимь (!) — слугы безаконьны» (л. 184в).

¹¹² *Dagron G. Lawful Society and Legitimate Power: "Εννομος πολιτεία, 'έννομος ἀρχή // Law and Society in Byzantium, 9th-12th Centuries. A. Laiou, D. Simon (eds.). Washington, 1994. P. 35–36.*

¹¹³ Долгов В.В. Функции юридических текстов... С. 96.

¹¹⁴ Там же.

более пространных нарративов о добре и зле»¹¹⁵, и здесь Мерило следует византийским образцам.

Своеобразие Мерила проявилось в том, какими источниками пользовался его составитель. Он широко использовал памятники канонического права и переводной пастырской и аскетической литературы, благодаря чему христианизация права в сборнике достигла большей степени, чем это когда-либо происходило в Византии. В этом отношении Мерило Праведное можно оценить не только как первую попытку христианизации светского права на Руси, но и как самостоятельное продолжение аналогичной тенденции в византийском праве. Оценка результатов этого предприятия должна стать темой особого исследования¹¹⁶.

¹¹⁵ Wagschal D. Law and Legality... P. 124.

¹¹⁶ Впрочем, нельзя не отметить, что Мерило положило начало богатой рукописной традиции Пространной Правды, которая с этих пор встала в один ряд с византийскими юридическими текстами. Остается пока неясным, создана ли ПрП специально для Мерила — как предполагает К. Цукерман (Цукерман К. О правде русской. С. 138–139), развивая соображения Л.В. Милова, — или все же несколько раньше. Было бы преувеличением считать, что Мерило задумывалось как «форма обнародования» ПрП (Милов Л.В. Исследования... С. 309) — сборник, как уже подчеркивалось, не является официальным кодексом права, да и едва ли древний компилятор мыслил такими категориями. Но фактически Мерило на столетия закрепило статус ПрП как неперменной составляющей русских юридических и канонических сборников.

REFERENCES

1. *Бартикян Р.М.* О византийском клиторологии в Судебнике Мхитара Гоша и его армянском переводчике // Историко-филологический журнал. Ереван, 1989. Т. 3. С. 197–204.
2. *Белова О.В.* Славянский бестиарий. М., 2001.
3. *Белякова Е.В.* Пути распространения римского права в средневековой Руси // Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права. Материалы IV международной конференции. Москва — Иваново — Суздаль, 25–30 июня 2006 г. Иваново, 2006. С. 173–178.
4. *Белякова Е.В., Щапов Я.Н.* Законодательство императора Юстиниана в русской и славянской традиции. Особенности русской рецепции римского права // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 1. С. 386–404.
5. *Белякова Е.В.* «По какому праву?» (О некоторых особенностях правовых систем Московской Руси) // Россия/Русистика/Россиеведение. Кн. 1. Язык/История/Культура. М., 2010. С. 303–311.
6. *Белякова Е.В.* Влияние византийского законодательства о еретиках на русскую средневековую правовую традицию // Древнее право/Ius antiquum. 2013. № 1 (26). С. 108–123.
7. *Буланин Д.М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVII вв. München, 1991 (Slavistische Beiträge. Bd 278).
8. *Бычков А.Ф.* Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1.
9. *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006.
10. *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2015.
11. *Вершинин К.В.* К вопросу о происхождении Мерила Праведного // Средневековая Русь. Проблемы политической истории и источниковедения. Вып. 11. М., 2014. С. 150–264.
12. *Вершинин К.В.* «Правило черноризцем»: к изучению связи Мерила Праведного с Кормчей Русской редакции // ДРВМ. 2015. № 2 (60). С. 36–48.

13. *Вершинин К.В.* О возможном месте составления Мерила Праведного // ДРВМ. 2015. № 3 (61). С. 22–23.
14. *Вершинин К.В.* Цитаты из бесед Григория Великого на Евангелие в Мериле Праведном и его литературном окружении // *Slavia*. 2015. Рос. 84. Seš. 4 (в печати).
15. *Вершинин К.В., Матасова Т.А.* К вопросу о переводных текстах греко-латинской традиции в Московской Руси: памятники древней и новой книжности в сборниках Егор. № 843 и Больш. № 16 из коллекции НИОР РГБ // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г. / Под ред. Д. Ю. Арапова, Н. С. Борисова, Л. Н. Вдовиной и др. М., 2015. С. 118–123.
16. *Дамаскин И. (св.)* Источник знания. СПб., 2006.
17. *Долгов В.В.* Функции юридических текстов в Древней Руси (на примере «Мерила Праведного» // *Вопросы истории*. 2013. №10. С. 91–99.
18. *Егорова М.С.* Русские аскетические сборники XIV–XVI вв. как тип сборника // *ГОДРЛ*. СПб., 2004. Т. 56. С. 181–234.
19. *Живов В.М.* История русского права как лингвoseмиотическая проблема // *Разыскания в области истории и предистории русской культуры*. М., 2002. С. 187–305.
20. [*Калайдович К.Ф., Строев П.М.*] Предисловие к изданию 1819 года // *Законы великого князя Ивана Васильевича и Судебник царя Иоанна Васильевича с дополнительными указами*. М., 1878.
21. *Калачов Н.В.* Архив историко-юридических сведений, относящихся до истории России. М., 1850. Кн. 1.
22. *Корогодина М.В.* О происхождении Мерила Праведного // *Современные проблемы археографии*. Сб. ст. по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25—27 мая 2010 г. СПб., 2011. С. 126–131.
23. *Корогодина М.В.* Была ли в XVI веке официальная митрополичья Кормчая? // *Русское средневековье: Сб. ст. в честь проф. Ю.Г. Алексева*. Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 832–843.
24. *Корогодина М.В.* О составе Мерила Праведного // *Историография и источниковедение отечественной истории. Сборник научных статей*. Вып. 7. Историческое повествование в средневековой России. К 450-летию Степенной книги. Материалы всероссийской научной конференции. М., СПб., 2014. С. 94–110.
25. *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII в. как исторический источник. Дисс. ... д.и.н. СПб., 2015.

26. *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
27. *Милов Л.В.* Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009.
28. *Николаев Г.А.* «Мерило Праведное» (заметки о составе памятника) // Православный собеседник. 2007. Вып.1 (14). С. 74–83.
29. *Острогорский Г.* История Византийского государства. М., 2011.
30. *Покровский Ф.И.* Словеса из святых книг собрана. СПб., 1907.
31. *Понырко Н.В.* Покаянные каноны Кирилла Туровского (вопросы атрибуции) // ТОДРЛ. Т. 55. СПб., 2004. С. 240–263.
32. *Попов А.Н.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. II.
33. *Рогов В.А., Рогов В.В.* Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права. (Очерки IX — середины XVII в.) М., 2006.
34. *Розенкамф Г.А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. СПб., 1839.
35. *Сиренов А.В.* О возможном источнике миниатюры «Мерила Праведного» // Русские древности: К 75-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 207–215.
36. *Сперанский М.Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты. М., 1904.
37. *Тихомиров М.Н.* Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // *Тихомиров М.Н.* Русская культура X–XVIII веков. С. 173–184.
38. *Федер У.Р.* Хиляда години като един ден. Животът на текстовете в православно славянство. София, 2005.
39. *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., 2010.
40. *Цукерман К.* О правде русской // *Ruthenica*. 2014. Vol. 12. P. 108–156.
41. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.
42. *Шапир М.И.* Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники: По поводу книги Б.А. Успенского «История русского литературного языка (XI–XVII вв.)» // *Russian Linguistics*. 1989. Vol. 13. № 3. P. 271–309.
43. *Шапир М.И.* [Рец. на кн.:] *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994 // *Philologica*. 1997. Т. 4. № 8/10. С. 359–380.
44. *Щапов Я.Н.* О системах права на Руси в XI–XIII вв. // *История СССР*. 1987. № 5. С. 175–181.

45. *Щанов Я.Н.* Римское право на Руси до XVI в. (Новые аспекты проблемы) // Феодализм в России: Сб. ст. и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 211–219.
46. *Щанов Я.Н.* Государство и церковь в Древней Руси. X–XIII вв. М., 1989.
47. *Щанов Я.Н.* Эклога законов в русской письменной традиции // Византийский Временник. Т. 54. М., 1993. С. 93–104.
48. *Щанов Я.Н.* Некоторые новые исследования рецепции византийского права на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 12–14 апреля 1993 г. Тезисы докладов. М., 1993. С. 83–87.
49. *Berndt R.* (Hg.). «Im Angesicht Gottes suche der Mensch sich selbst». Hildegard von Bingen. Berlin, 2001.
50. *Chitwood Z.R.* Byzantine Legal Culture under the Macedonian Dynasty, 867–1056. A diss. ...of doctor of philosophy. Princeton, 2012.
51. *Dagron G.* Lawful Society and Legitimate Power: 'Ἐννομος πολιτεία, ἔννομος ἀρχή // Law and Society in Byzantium, 9th–12th Centuries. A. Laiou, D. Simon (eds.). Washington, 1994. P. 27–51.
52. *Feldbrugge F.* Law in Medieval Russia (Law in Eastern Europe. Vol. 59). Leiden: Boston, 2009.
53. *Franklin S.* A Polyphony of Rules and Categories: the Case of Early Rus // Legalism: Rules and Categories. Oxford, 2015. P. 177–204.
54. *Gero S.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III, with Particular Attention to the Oriental Sources (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Vol. 346). Louvain, 1973.
55. *Humphreys M.T.G.* Law, Power, and Imperial Ideology in the Iconoclast Era: c. 680–850. Oxford, 2015.
56. *Kaiser D.H.* The Growth of Law in Medieval Russia. Princeton, 1980.
57. *Kaufhold H.* Sources of Canon Law in the Eastern Churches // The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500. W. Hartmann, K. Pennington (eds.). Washington, 2012. P. 215–342.
58. *Konidaris I.* The Ubiquity of Canon Law // Law and Society in Byzantium, 9th–12th Centuries. A. Laiou, D. Simon (eds.). Washington, 1994. P. 131–150.
59. *Lokin J.* The Significance of Law and Legislation in the Law Books of the Ninth to Eleventh Centuries // Law and Society in Byzantium, 9th–12th Centuries. A. Laiou, D. Simon (eds.). Washington, 1994. P. 71–91.
60. *McGuckin J.A.* The Ascent of Christian Law. Patristic and Byzantine Formulations of a New Civilization. New York, 2012.
61. *Simon D.* Rechtsfindung am byzantinischen Reichsgericht. Frankfurt a. M., 1973.

62. *Simon D.* Legislation as Both a World Order and a Legal Order // Law and Society in Byzantium, 9th-12th Centuries. A. Laiou, D. Simon (eds.). Washington, 1994. P. 1–25.
63. *Schneider R.* (eingeleitet und hrsg.). Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband Merilo Pravednoe. Freiburg i. Br., 1986.
64. *Troianos S.* Byzantine Canon Law to 1100 // The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500. W. Hartmann, K. Pennington (eds.). Washington, 2012. P. 115–169.
65. *Wagschal D.* Law and Legality in the Greek East. The Byzantine Canonical Tradition, 381–883. Oxford, 2015.
66. *Wormald P.* The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Vol. I. Legislation and its Limits. Oxford, 1999.
67. *Wormald P.* The leges barbarorum: law and ethnicity in the post-Roman West // H.-W. Goetz, J. Jarnut, E. Pohl (eds.). Regna and Gentes. Leiden, 2003. P. 21–53.

Ключевые слова:

Мерило Праведное, Кормчая, византийское право, каноническое право, древнерусская книжность.

Konstantin V. Vershinin

MERILO PRAVEDNOYE OF JUST MEASURE AND THE PECULIARITIES OF BYZANTINE LAW PERCEPTION IN RUTHENIA (RUS')

The article is focused on Merilo Pravednoye, an Old Russian legal collection from the end of the 13th or the beginning of the 14th Century. The article seeks to explain the purpose of the collection and in particular, to trace the functions of judicial texts in Old Rus'. The collection of the texts is compared with the Byzantine civil and church law traditions.

Their common traits are outlined as well as citing unique aspects of the Merilo Pravednoye. The author states that the practical meaning of the law texts in the XI–XV cc. Rus' should not be the central focus of researchers, not simply because of the lack of research opportunities, but more importantly because of its insignificance in the investigation of the particular culture. Merilo Pravednoye, as shown in the article, follows the Christian traditions, especially in the church law of the law narrative. The judicial millstone turn to literature forms, which origin from sacred scriptures. The peculiarities of the Russian manuscript are the increased, even in comparison to Byzantine law, Christianization of the texts; independent choice of the sources (various slavic translations); a peculiar narrative technique of micro-compilation, which eliminates the initial purpose of the extract.

 Вершинин Константин Владимирович

аспирант кафедры истории России до начала XIX в. Исторического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

П.В. Лукин

СУД НА КОРАБЛЕ В НОВГОРОДЕ XV В.

В мае—июле 1436 г. между Новгородом и ганзейскими городами шли переговоры. В ходе этих переговоров немцами выдвигались различные претензии по поводу действительных или мнимых притеснений, которые им чинились на Северо-Западе Руси. Особое раздражение вызывала у немцев практика бессудного ареста ганзейских купцов в Новгороде и конфискации у них товара. Ответные претензии выдвигались и новгородцами, обвинявшими, в частности, своих ганзейских партнеров в потворствовании пиратам, орудовавшим на Балтийском море². Последней каплей стал инцидент во Пскове, который получил отражение и в русском источнике, а именно в Псковской III летописи. Весной 1436 г. во Пскове были арестованы немецкие купцы с их товаром: «...тоа весны псковичи приаша гость немецкий, товаръ ихъ, а самых Немець в погребъ всадиша 24 Немчина, зане же они почали на крестном цѣловании псковскихъ ловцевъ изоимаше,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14–01–00126а. В основе статьи находится доклад, обсуждавшийся на заседании Центра по истории Древней Руси Института российской истории РАН 16 февраля 2016 г. Благодарю всех участников обсуждения и других коллег за советы, рекомендации и замечания.

² См. об этом: Goetz L.K. *Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters*. Lübeck, 1922 (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge. Bd. V). S. 123–124.

а иных избиша»³. Ход переговоров подробно зафиксирован в отчете ганзейских посланников, отправленных в Нарву для переговоров с представителями Новгорода городскими советами Дерпта и Ревеля — ливонских городов, которые тогда были ответственны за новгородское направление внешних сношений Ганзы. Отчет сохранился в двух списках: один — в Любекском городском архиве, второй — в Таллинском городском архиве (ранее — архив Ревельского городского совета). Издан в 1876 г. во втором выпуске собрания актов съездов ганзейских городов Hanserecesse по любекскому списку с вариантами по ревельскому⁴. Переговоры в конце концов привели к заключению 16 июля 1436 г. очередного новгородско-ганзейского договора⁵.

Нас же интересует именно отчет ганзейских послов. В этом пространном (в оригинале он насчитывает 17 листов) и весьма интересном документе, написанном на средненижненемецком языке⁶, есть одно загадочное упоминание, на которое, как кажется, не обращали внимания исследователи. Среди жалоб немецких купцов имеется следующая (в издании это п. 27). Поскольку здесь нужна абсолютная точность, необходимо привести оригинал. Ниже в виде таблицы представлены — слева направо — интересующий нас фрагмент в любекском списке, ревельском/таллинском списке и в переводе⁷.

³ ПСРА. М., 2000. Т. V. Вып. 2. С. 132. О том, что конфликты между немцами и псковичами обсуждались в это время в ходе переговоров между ганзейскими городами и Новгородом (что, впрочем, никак не гарантировало следование Пскова новгородской позиции), см.: *von der Osten-Sacken P. Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts // Beiträge zur russischen Geschichte. Theodor Schiemann zum 60. Geburtstag dargebracht / hrsg. von O. Höttsch. Berlin, 1907. S. 28, 75–79; Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916 (Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. XXXVII. Reihe A: Rechts- und Staatswissenschaften. Bd. 6). S. 207. О том, что новгородцы и в XV в. продолжали считать псковичей своими «младшими братьями», и о некоторых политико-правовых следствиях этого см.: *Lukin P.V. Novgorod: Trade, Politics and Mentalities in the Time of Independence // The Routledge Handbook of Maritime Trade around Europe 1300–1600 / ed. by W. Blockmans, M. Krom, J. Wubs-Mrozewicz (в печати).**

⁴ Hanserecesse von 1431–1476 (далее: HR-2) / bearbeitet von G. Frhr. von der Ropp. Leipzig, 1876. Bd. I. № 586. S. 509–520.

⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С.Н. Валк. М.; Л., 1949 (далее: ГВНП). С. 110–112. № 67. О датировке см.: *Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 111 (комментарий Н.А. Казаковой).*

⁶ П. фон дер Остен-Сакен в свое время справедливо отмечал, что это документ «редкой обстоятельности и большого интереса» (*von der Osten-Sacken P. Der Hansehandel mit Pleskau... S. 76–77*).

⁷ Копии документов были изготовлены и любезно предоставлены Е.Р. Сквайрс и И.Ю. Анкудиновым. Благодарю также за содействие С.В. Полехова. Транскрипция и перевод выполнены мной.

Любекский список	Ревельский/таллинский список	Перевод
<p>Noch so hadde wi uele clage, als dat vnse(n) Dutzsche(n) neyn recht weddervore, we(n)te wen 1 Russe 1 Dutzsche(n) beschuldiget vor deme hertoge(n), so en mach zijk de Dutzsche nicht entseghen der tichte mit zine(m) rechte, so dat he dat cr(uce)kuss(ing)e daruore.</p>	<p>Noch so hadde wy uele clage, als dat vnse(n) Dutzsche(n) neyn recht wedderuore, we(n)te wen 1 Russe 1 Dutzschen beschuldiget vor deme hertoge(n), so en mach zick de(n) Dutzsche(n) nicht entseghen der tichte myt zynem rechte, so dat he dat c(r)uce kusse daruore.</p>	<p>Еще у нас было много жалоб на то, что с нами, немцами, здесь не поступают по праву, так как, когда какой-либо русский обвиняет какого-либо немца перед тысяцким, то немец не может снять с себя обвинения в соответствии со своим правом так, чтобы он на этом целовал крест.</p>
<p>Is dat Dutzsche spreckte, dat de Russe dat cr(u)c(e) darvp kusst, des en wil he nicht doen sunder de Dutzsche moet uthgeue(n) dar he vmme schuldiget wert, wyl he nicht, so secht de h(er)toge, dat he myt de(n) Russe(n) i(n) ene(n) praem darvm(m)e ga, dat doch tege(n) de c(ru)-cekussinghe is⁸.</p>	<p>Is dat de Dutzsche spreckt, dat de Russe dat c(r)uce darup kusse, des en wil he nicht doen, sunder de Dutzsche moet utgheue(n) dar he vm(m)e sculdiget wert, wil he nicht, so secht de h(er)toge, dat he myt de(n) Russe(n) in enen praem darum(m)e ga, dat doch tege(n) de c(r)u-(c)ekussinghe is⁹.</p>	<p>Если немец говорит, чтобы русский целовал крест, то он этого делать не хочет, а немец должен выплачивать в соответствии с тем, в чем он обвинен, если же он не хочет, то тысяцкий говорит, чтобы он вместе с русским из-за этого шел на <i>праем</i>, что ведь противоречит крестоцелованию.</p>

Немцы, очевидно, жалуются на то, что тысяцкий (*de hertoch*) не принимает в качестве доказательства невиновности клятвы на кресте с их стороны. Ниже в документе говорится следующее: «Если немец говорит, чтобы русский целовал крест, то он этого делать не хочет, а немец должен выплачивать в соответствии с тем, в чем он обвинен, если же он не хочет, то тысяцкий говорит...» и далее читается следующая фраза на средненижненемецком языке, передающая слова тысяцкого: «...dat he myt de(n) Russe(n) in enen praem darum(m)e ga», а затем приводится оценка немцами этих слов: «Это ведь противоречит крестоцелованию».

Иногда считается, что «крестоцелованиями» в новгородско-ганзейских отношениях назывались подтвержденные клятвой на кресте договоры¹⁰. Из-

⁸ Archiv der Hansestadt Lübeck, Altes Senatsarchiv, Externa, Ruthenica, s. 9, [fol. 3 r. – 3 v.].

⁹ Tallinna Linnaarhiv, fond 230 (Tallinna Magistraat), № 46, s. BE 14-VIII, fol. 7. Ср.: HR-2. Bd. I. № 586. S. 514.

¹⁰ См., напр.: *Angermann N. Deutsche Kaufleute im mittelalterlichen Novgorod und Pleiskau // Deutsche im Nordosten Europas / hrsg. von H. Rothe. Köln, 1991. S. 59–60.*

начально, однако, так именовалась, скорее, сама процедура присяги, сопровождавшая заключение договора. В то же время ссылка на обряд целования креста могла заменять ссылку на сам договор или идти с ней параллельно (так это выглядит в предшествовавшем событиям 1436 г. договоре с Ганзой февраля—марта 1434 г.¹¹: «И немецким купцам нужно давать суд по всем исковым делам по старым грамотам и крестоцелованию»)¹². В результате это привело к синонимичному употреблению понятий «договор» и «крестное целование». Более того, слово *crucekussinge* могло быть употреблено по отношению даже не к самому договору, а к документу, его содержащему¹³. Всё это, естественно, делает невозможным жесткое разделение понятий «договор» и «крестоцелование» применительно к ганзейским документам, относящимся к Новгороду.

Подкрепленные крестоцелованием «старые грамоты», по мнению немцев, в свою очередь, требовали взаимного признания крестоцелования обеих сторон при разрешении спорных вопросов. Об этом может свидетельствовать договор 1372 г., где сказано, в частности, что спорный вопрос о товаре неких Филиппа и Сидора должен быть расследован «по крестоцелованию и по силе креста» (*na der crucekussinge unde na de cruces macht*). Далее там говорится, что в спорных случаях вообще, возникающих в ходе торговли, следует «истцу ведаться с истцом, и мириться им самим между собою по справедливости, по крестному целованию»¹⁴.

Вернемся к интересующему нас документу. В цитированных словах тысяцкого понятно в общем-то всё, кроме самого главного: «...чтобы он вместе с русским из-за этого шел на (*in*¹⁵) *praet*». Что такое этот (или эта) *praet*? Зачем туда надо было идти немцу и русскому? И как это связано с крестоцелованием и судебными исками? К сожалению, в заключенном по итогам переговоров соглашении, по верному замечанию Л.К. Гётца, детали немецких жалоб отражения не получили¹⁶. Там лишь еще раз подтверждается

¹¹ О датировке см.: Янин В.А. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 109—110 (комментарий Н.А. Казаковой и В.А. Янина).

¹² ГВНП. № 64. С. 107 (перевод мой).

¹³ Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 157, 162, 166; Squires C. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln etc., 2009 (Niederdeutsche Studien. Bd. 53). S. 100—101.

¹⁴ ГВНП. № 43. С. 78.

¹⁵ В средненижненемецком предлог «*in*» употреблялся шире, чем в верхненемецком, в том числе при указании на направление движения (Mittelniederdeutsches Handwörterbuch (далее: МНWB) / hrsg. von D. Möhn. Bd. II. T. II. Neumünster, 2004. Sp. 413; Lübben A. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Darmstadt, 1990 [Leipzig, 1888]. S. 156).

¹⁶ Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsverträge... S. 205.

значение «старого крестоцелования» (*olde krucekussinghe*) при разрешении спорных вопросов¹⁷.

Значение средненижненемецкого слова *praem* (или *pram*, *praam*) известно. Согласно новейшему словарю средненижненемецкого языка, это «тип плоскодонного корабля, особенно для транспортировки товаров во внутренних водах и в прибрежной области»¹⁸. В современном немецком языке ему соответствует слово *Prahm* с широким кругом значений: «паром, плот, понтон, шаланда, баржа, лихтер». В другом словаре дается такое определение: «Плоскодонное транспортное средство (без киля), использующееся для перевозки по рекам тяжелых грузов (например, камней) и людей или для других целей»¹⁹. Но зачем немцу с русским в Новгороде в случае конфликта надо было идти на плоскодонный корабль?

В свое время интерпретацию этого фрагмента предложил А.И. Никитский. По его мнению, под словом *praem* скрывается искаженное русское «пря», под которым нужно понимать «поле» — судебный поединок. Далее историк связывал эту ситуацию с положением Псковской судной грамоты «О торговли и о поруке» (ст. 101): «А кто имет на ком торговли искать, или поруку, или именного чего, — ино того судить на того волю, на ком сочат; хочет на поле лезеть, или у креста положит»²⁰. А.И. Никитский предполагает, что в Новгороде могло существовать положение, «которое имело место в Пскове и сообразно с которым в торговых сделках ответчику не позволялось защищаться крестоцелованием, а позволялось только прибегать к полю или класть объект спора у креста и затем ожидать решения дела от принятия присяги истцом»²¹. Трактовка не во всем ясного содержания данной статьи Псковской судной грамоты не является задачей этой работы, но в главном оно новгородской ситуации 1436 г. не соответствует.

Слово «пря», помимо общих значений — «спор, ссора, распря, раздор; состязание, борьба; возражение, прекословие, противление» — имеет также и юридические: «обвинение, иск; тяжба, судебное дело; суд, судебное разбирательство; приговор, осуждение, наказание, кара»²². Формально, по смыслу,

¹⁷ ГВНП. № 67. С. 111–112.

¹⁸ МНWB. Bd. II. T. II. Sp. 1657.

¹⁹ Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen, 1877. Bd. III. S. 370.

²⁰ Памятники русского права (далее: ПРП). М., 1953. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Сост. АА. Зимин. М., 1953. С. 299.

²¹ Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 264–265.

²² Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2012. Т. 9. С. 390–392; Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее: СЛРЯ XI–XVII вв.). М., 1995. Вып. 21. С. 22–23.

некоторые из этих значений, особенно судебные, подходят. Например, если подставить в интересующую нас фразу из документа 1436 г. наиболее подходящий туда по смыслу «суд», получится: «...когда какой-либо русский обвиняет какого-либо немца перед тысяцким, то немец не может снять с себя обвинения в соответствии со своим правом так, чтобы он в этом целовал крест. Если немец говорит, чтобы русский целовал крест, то он этого делать не хочет, а немец должен выплачивать в соответствии с тем, в чем он обвинен, если же он не хочет, то тысяцкий говорит, чтобы он вместе с русским из-за этого шел на суд. Это ведь противоречит крестоцелованию». Формально фраза очень складная и понятная. Суд, однако, между новгородскими и немецкими купцами никак крестоцелованию, то есть скрепленным клятвой на кресте новгородско-ганзейским договорам, не противоречил. Кроме того, уже само рассмотрение тысяцким обвинений собственно и представляло собой суд по торговым делам. На какой еще суд тысяцкий отправлял немца? Гадать и выдвигать различные привлекательные предположения тут можно бесконечно, но есть еще два обстоятельства, которые свидетельствуют не в пользу «при».

Во-первых, судя по материалу словарей, во всех без исключения случаях «пря» в юридических или судебных контекстах присутствует только в переводной с греческого или церковной литературе. В берестяных грамотах «при» нет. Нет ее и в судных грамотах Новгорода и Пскова. Попавшее в словарь упоминание «при» как суда в оригинальном древнерусском тексте также весьма характерно. Это фраза из «Поучения» Владимира Мономаха: «На страшнѣи при бе-суперник обличаюся»²³. Речь идет, естественно, о Страшном суде. Во-вторых, непонятно, как из древнерусской «при» (точнее, «прю»), поскольку речь должна, очевидно, идти о винительном падеже) получился *прает* (с «т» на конце).

То же самое относится и к словосочетанию «прямой бой», которое упоминается в XVII в. и означает «бой лицом к лицу»²⁴. Бой вроде бы более или менее близок по смыслу к поединку, и теоретически «хождение на прям» можно было бы, наверное, понимать как вызов на судебный поединок, а не только как участие в непосредственном боестолкновении. Однако в таком случае приходится предполагать, что «прямой бой» мог превратиться в сокращенное и искаженное **прямѣ* и в такой форме отразиться в ганзейском послании — при том, что ни в одном источнике этот «прям» не зафиксирован. Нет ни «пряма», ни «прямого боя» в словаре русских народных говоров и новгородском областном словаре, а также в берестяных грамотах. Но самое главное это то, что по-

²³ ПСРА. Т. I. Стб. 255.

²⁴ СЛРЯ XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 21. С. 29.

явление именно в данном документе «при» и тем более «пряма» представить себе практически невозможно: это отчет ганзейских послов отправившим их городам. Ожидать появления в таком документе никак не комментируемых и явно непонятных получателям русских понятий вряд ли следует.

Сам поиск аналогий в русских юридических источниках, предложенный А.И. Никитским, представляется, тем не менее, плодотворным. Не претендуя на окончательное решение вопроса, хотелось бы обратить внимание на ст. 19 Новгородской судной грамоты: «А ответшику с послухом на учане крест целовать»²⁵. В ней идет речь о присяге посредством целования креста в ходе судебного разбирательства. Действующими лицами являются ответчик и послух. Кто это такие?

Об ответчике словари древнерусского языка сообщают, что это «тот, кто привлекается судом к ответу», «обвиняемый по суду», то есть ответчик в современном смысле слова²⁶. Однако в нашем случае это не так. А.А. Зимин справедливо отметил, что в пользу такого понимания свидетельствуют ст. 18 и 32 НСГ, но не менее ясно это видно из ст. 15: «А от коего истца ответшик станет на суд (курсив мой. — П.Л.), а истец тот будет креста не целовал на сеи грамоте; ино тому истцю крест целовать одинова, а ответчику в его место отвечать; а не поцелует креста, ино тем его и обинити»²⁷. Из этих статей, а еще из ст. 13 становится вполне очевидным, что на языке составителей НСГ *ответшик* — это представитель тяжущейся стороны, а сами тяжущиеся стороны назывались *истцами*²⁸.

Что касается послуха, то это, несомненно, свидетель. Но свидетель чего? Можно согласиться с высказывавшимся уже мнением о том, что в НСГ имеются в виду, как и в Русской Правде²⁹, скорее, свидетели не факта, а «до-

²⁵ ПРП. Вып. 2. С. 214.

²⁶ СЛРЯ XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 13. С. 197; Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Стб. 781.

²⁷ ПРП. Вып. 2. С. 214.

²⁸ Ср. ст. 6: «А истцю на истца наводки не наводитъ...» и далее (ПРП. Вып. 2. С. 213). См. также: Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 355–356. Подобным же образом обстоит дело и у ганзейских партнеров Новгорода: и истец и ответчик назывались на средне-нижненемецком языке одинаково — *sak(e)wolde* (MHWB. Neumünster, 1959. Bd. III / hrsg. von G. Cordes. 12. Lief. Sp. 12).

²⁹ См.: Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860. С. 240; Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 582–585; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005 [Киев, 1908]. С. 716–718.

брой славы» участника процесса³⁰. В пользу этого говорит, например, то, что в роли послуха не могли выступать псковичи или холопы, или то, что для решения дела само присутствие послуха оказывалось более важным, чем содержание свидетельства (ст. 22 и 35)³¹. В ст. 21 Псковской судной грамоты читаем: «А против послуха [будет] стар или млад, или чем безвечен, или поп, или чернец, — ино против послуха нанять волно наимить, а послуху наимита нет»³². Если послухи — это свидетели в современном смысле слова, то какой смысл ограничивать их круг: ведь ясно, что тяжущиеся стороны, имея в виду это установление, не будут ссылаться на таких свидетелей, которые не смогут одержать победу в судебном поединке против наемника!

Генетически такое послушество восходит, по-видимому, к архаическому правовому институту «соприсяжничества». Такое «соприсяжничество» (*die Eideshilfe, der Helfereid*, согласно терминологии немецкой историко-юридической науки) было характерно для варварского и раннесредневекового европейского права³³. Функция соприсяжников состояла в поручительстве за безупречную репутацию истца и ответчика. Так, в законах кентских королей Хлотаря и Эдрика (вторая половина VII в.) говорится, в частности, о том, что убийца может очистить себя от обвинения, представив «добрых поручителей клятвы» (*mid godum æwdum*)³⁴. В лангобардском Эдикте Ротари (643 г.) в случае тяжбы, в зависимости от ее «стоимости», количество соприсяжников различалось. Если дело «стоило» 20 солидов и больше, требовалось 12 соприсяжников (*aidos* или *sacramentales*³⁵), которые должны были поклясться на Евангелии, причем шестеро назначались обвинителем, седьмым выступал сам обвиняемый,

³⁰ Kaiser D.H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, New Jersey, 1980. P. 128–148, особенно: P. 132.

³¹ ПРП. Вып. 2. С. 214, 217. Правда, в ст. 35 речь идет, скорее, о засвидетельствовании не доброй, а худой славы («А кого опослушествует послух...»). Согласно нормам германского права, недостойными клясться считались несовершеннолетние, несвободные, а позднее — бесчестные люди, т.е. лица, а priori лишённые «доброй славы» (Köbler G. *Eid. Rechtshistorisches // Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Berlin; New York, 1986. Bd. VI. S. 541).

³² Там же. С. 289.

³³ Brunner H. *Deutsche Rechtsgeschichte* (neu bearb. von C. Frhr. von Schwerin). München; Leipzig, 1928. Bd. II. S. 512–528; 568–576; Rüping H., Jerouschek G. *Grundriss der Strafgeschichte* (5., völlig überarb. Aufl.). München, 2007. S. 39.

³⁴ *Die Gesetze der Angelsachsen* / hrsg. von F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. I. Text und Übersetzung. S. 9. См. об этом: Oliver L. *The Beginnings of English Law*. Toronto etc., 2002 (*Toronto medieval texts and translations*). P. 144–146.

³⁵ *Aidos* — слово германского происхождения, *sacramentales* — глосса к нему (Francovich Onesti N. *Vestigia longobarde in Italia* (568–774): lessico e antroponomia. Roma, 1999. P. 53–54).

и им же назначались еще пятеро³⁶. Здесь чрезвычайно интересно то, что — если пользоваться языком древнерусского права — в роли «послуха»-соприсяжника мог выступить сам «истец»-ответчик.

В плане сопоставления с ситуацией, описанной в средненижненемецком документе 1436 г., вызывает интерес, однако, место, где, согласно ст. 19 НСГ, приносится присяга — «учан». Учан — это лодка, речное судно³⁷. Возможно, это слово — тюркского происхождения и восходит к лексеме *uĉan* со значением «вид лодки»³⁸.

Учаны — именно как речные суда — неоднократно упоминаются в древнерусских источниках. Обращает на себя, в частности, упоминание учана в более раннем правовом памятнике — в Готландской редакции договора Смоленска с Ригой и Готским берегом XIII в.: «У кого ся избиеть учанъ, а любо челнь...»³⁹ В предшествующей ей Рижской редакции в этом месте фигурирует «лодья»⁴⁰. Встречаются учаны и в новгородском летописании. Во время пожара 1340 г. новгородцы, спасая свое имущество, несли его не только «на огороды, или въ греблю», но также «в лодьи, или в учаны»⁴¹, надеясь, очевидно, на то, что близость к воде спасет его от гибели. Отметим, что здесь лодьи и учаны — разные типы речных судов. Другое известие Новгородской первой летописи, также о пожаре (под 1342 г.), показывает, что учаны в Новгороде стояли на берегу Волхова. Во время стихийного бедствия новгородцам опять пришлось прятаться, в том числе «по берегу в учанех»⁴². Есть сведения о том, что на учанах передвигались военные отряды. Об этом можно прочесть уже в очень раннем упоминании учанов — в летописных повествованиях о походе Всеволода Большое Гнездо на Волжскую Булгарию в 1183 г., согласно которым, болгары, потерпев поражение, побежали к Волге. Там они «воскакаша во вчаны, и ту абье испровѣргоша учанъ,

³⁶ Le leggi dei Longobardi: Storia, memoria e diritto di un popolo germanico / a cura di C. Az-zara e S. Gasparri. Roma, 2005. P. 102 (ст. 359).

³⁷ Срезневский И.И. Материалы... СПб., 1903. Т. III. Стб. 1332–1333.

³⁸ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. М., 1987. Т. IV. С. 179.

³⁹ Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подг. к печати Т.А. Сумникова, В.В. Лопатин. М., 1963. С. 24.

⁴⁰ Там же. С. 39, 44. О соотношении текстов смоленских договоров см.: Кучкин В.А. О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 2; Петрухин П.В. О датировке списка А договора Смоленска с Ригой и Готским берегом // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013). М., 2013.

⁴¹ ПСРА. Т. III. С. 351. Здесь и далее летописные известия датируются с учетом исследования Н.Г. Бережкова (Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963).

⁴² ПСРА. Т. III. С. 355.

и тако истопоша боле тысячь ихъ»⁴³. Другие данные свидетельствуют о том, что учаны могли использоваться как грузовые суда. Согласно Новгородской таможенной грамоте 1571 г., на учанах перевозили по Волхову древесину различных типов, уголь, мох, за что полагалось платить специальную «поплашную пошлину»⁴⁴.

В Псковской II летописи приводится даже пример использования судов, названных летописцем учанами, в качестве своеобразных брандеров. В 1480 г., во время русско-ливонской войны, осадившие Псков ливонцы «собравше по Завеличю оставшаяся дрeвеса и жердьe и солому, и накладоша 2 учаны, акы тростья стань посталяша, и поляша таковыи хвасть смолою и таковымъ замышлениемъ хотѣша Запсковие зажещи...»⁴⁵. Этот эпизод упоминается и в немецком источнике — в послании ливонского магистра Бернда фон дер Борха великому магистру Трухзесу фон Ветцхаузену от 8 сентября 1480 г.: «...и некоторые лодки были полностью загружены древесиной вместе с дровами, как попало покрытыми жиром с тем намерением, чтобы их зажечь, и таким образом их поджегши, их бы погнали на город и принесли бы в него пожар, о чем той же ночью позаботились некоторые [люди], которым это было поручено»⁴⁶. Учану соответствует здесь появляющееся в написанном на средневерхненемецком языке орденском документе средненижненемецкое слово *lodie* (*loddige*) — заимствование из древнерусского языка (от *лодья*, *лодия*)⁴⁷ со значением «небольшое грузовое судно, которое использовалось, главным образом, для сообщения по Неве, до Новгорода, а также для каботажного плавания до Риги»⁴⁸. В данном случае слово *loddige* (*leddige*) служит, скорее всего, общим наименованием для речного судна, ниже они названы просто кораблями (*schiffe*)⁴⁹. Что касается

⁴³ ПСРА. Т. II. Стб. 626; Т. I. Стб. 390. Любопытно, что это — по-видимому, первое — летописное упоминание учанов связано с тюркским регионом, а слово «учан», как уже говорилось, скорее всего, тюркского происхождения.

⁴⁴ ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 282. С. 326.

⁴⁵ ПСРА. Т. V. Вып. 2. С. 60.

⁴⁶ Geheimes Staatsarchiv preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung, Ordensbriefarchiv (далее: GStA PK, XX. HA OBA), № 16895, fol. 1 (...unnd men satczte etczliche leddigen voll holtczes mit tere specke dorch eyinander gespicket yn sulcher menunge, men dy entfengen unnd so bornende an dy stath treiben unnd fewr doryn brengen wolde, das dan yn der nacht von etczlichen, uff dy men sich vorließ, vorseen wart). Благодарю за предоставление транскрипций этого документа М.Б. Бессуднову и М. Малинг. См. также: Бессуднова М.Б. Русско-ливонские отношения накануне Нового времени: истоки конфликта. Дисс. ... д.и.н. Липецк, 2015. С. 94.

⁴⁷ Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород... С. 138–139.

⁴⁸ MHWB. Neumünster, 2004. Bd. II. T. 1. Sp. 838.

⁴⁹ GStA PK, XX. HA OBA, № 16895, fol. 1.

учана, то, скорее всего, это было «сравнительно большое, вместительное товарное судно типа плоскодонного дощаника»⁵⁰, что, как мы видели, почти точно соответствует характеристике *praet'a*.

Примечательно, однако, что «учан» в статье НСГ, как и *praet* в документе 1439 г., вызвал затруднения у комментаторов или желание как-то избавиться от прямого значения и предложить какую-нибудь конъектуру или более сложную интерпретацию, призванную объяснить, почему в этих местах надо читать не то, что написано⁵¹.

Если И.И. Срезневский просто отделил упоминание учана в НСГ от всех остальных и поставил его под знак вопроса⁵², а автор единственного подробного постатейного комментария к НСГ Ф. Панов признавался, что не может «с точностью определить значение этого слова»⁵³, то другие комментаторы предложили «учан» заменить на что-то более, с их точки зрения, подходящее. Еще А.П. Куницын, автор первого исследования, в котором рассматривалась НСГ, читал не «учан», а «учин» (никак не комментируя эту конъектуру), и понимал указание на присягу «прежде ... допроса»⁵⁴. Вероятно, на мнение А. Куницына ориентировались последующие историки права. По мнению С. Пахмана, чтение «на учине» свидетельствует о том, что присяга свидетелей «должна предшествовать самому допросу»⁵⁵. П.Н. Мрочек-Дроздовский утверждал, что «на учане» «значит сначала» — прежде чем ответчики и послухи «начинают действовать перед судом»⁵⁶. Высказывалось также предложение заменить учан на «учин», но под «учином» понимать не «начало», а «границу, межу»⁵⁷. Однако еще Ф. Панов отметил, что никаких

⁵⁰ Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси / Под ред. Б.Д. Грекова, М.И. Артамонова. М.; Л., 1951. Т. I. С. 290.

⁵¹ Любопытно, например, что в новейшем немецком комментированном издании памятников русского средневекового права эта статья просто опущена (Baranowski G. Russische Rechtsgeschichte: Texte und Erläuterungen. Frankfurt am Main, 2013 (Rechtshistorische Reihe. Bd. 439). S. 212, 223).

⁵² Срезневский И.И. Материалы... Т. III. Стб. 1333.

⁵³ Панов Ф. Исследование о Новгородской судной грамоте 1471 года (Сочинение студента Фёдора Панова, писанное для получения степени кандидата в 1856 году) // Сборник, издаваемый студентами императорского Петербургского университета. СПб., 1857. Вып. 1. С. 280.

⁵⁴ Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 106, см. также: С. 87, 107.

⁵⁵ Пахман С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851. С. 175.

⁵⁶ Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права времени местных законов (Пособие к слушанию лекций и к практическим занятиям). М., 1901. С. 54, сноска 1.

⁵⁷ ПРП. Вып. 2. С. 235.

оснований такая конъектура не имеет⁵⁸. Кроме того, в материалах Срезневского никакого «учина» нет. Слово «учин» (или «утин», «уцин») есть в значении границы или межи в словаре ярославских говоров⁵⁹ и отмечено как ярославское в словаре В.И. Даля⁶⁰. В новгородском областном словаре этого слова нет. Кроме того, в НСГ представлено слово, обозначающее границу между земельными участками, — это, собственно, «межа» (ст. 28)⁶¹, а отнюдь не «учин».

Вряд ли редкое и не зафиксированное в древних источниках слово «учин» может рассматриваться как достойный конкурент неоднократно упоминающегося в новгородском летописании «учана» — даже без учета *praet* из документа 1436 г. Наличие же этого совпадения логичнее всего объяснять, не конструируя для обоих случаев отдельные интерпретации *ad hoc*, что возвращает нас к необходимости видеть в учане и *praet*'е то, чем они по прямому смыслу и являются, — небольшие суда, корабли. Это заставляет думать, что в Новгороде XV в. в самом деле существовала некая юридическая процедура, совершавшаяся на корабле и сопровождавшаяся крестоцелованием.

К сожалению, пока сложно сказать, в чем именно состоял смысл «хождения на учан». Имеющиеся упоминания слишком лаконичны. Можно лишь предполагать, что речь, вероятнее всего, идет о новгородской правовой традиции. Она зафиксирована в новгородском правовом памятнике и явно не нравилась немцам, или воспринималась ими как нечто неуместное. В ганзейской юридической практике подобное хождение на корабль не зафиксировано⁶².

В принципе, поводов для хождения на корабль в торговом городе в связи с различными юридическими коллизиями могло быть много. Так, в морском статуте венецианского дожа Якопо (Джакопо) Тьеполо 1229 г. (ст. 43, 44) говорится, что если в случае конфликта между «плавающими на кораблях» (*euntes in nauibus*) ответчик отказывается выплачивать залог (*pignus*), который полагалось давать судьям, то истец мог взять с корабля ответчика имущества на такую же сумму. Если же на корабле ответчика товара не было, судьи должны сами изъять у него столько товара, сколько им пока-

⁵⁸ Панов Ф. Исследование... С. 281.

⁵⁹ Ярославский областной словарь: Учебное пособие. Ярославль, 1991. Вып. 10. С. 21.

⁶⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991[1882]. Т. IV. С. 528.

⁶¹ ПРП. Вып. 2. С. 215.

⁶² Благодарю за консультации К. Янке (Копенгаген), А. Кордеса (Франкфурт) и Э. Франкот (Абердин).

жется правильным, где бы он ни находился⁶³. Из этого следует, что судебное разбирательство начиналось и разворачивалось именно на корабле.

Как представляется, стоит также обратить внимание на упоминавшуюся выше ст. 35 НСГ: «А кого опослушествует послух, ино с ним уведается в две недели; а в те [две нед]ели не дасться послух позвати, ино позвати истця; а по[слух] истецъ хорониться, ино то послушство не в послушство, а друго[го] истця тым и оправить. А кто не почнетъ позывате в те две недели послуха и истца, ино дать на него грамота судная по тому послушству»⁶⁴. Из этой статьи следует, что неперенными условиями послушества были, во-первых, факт установления личности послуха, во-вторых, его личное присутствие при разборе дела. Если эти условия не соблюдались, дело считалось проигранным. Что происходило, если один из тяжущихся был либо новгородцем, либо вообще иноземцем — например ганзейским купцом? Такому «истцу» было, конечно, очень трудно найти «послухов» и «ответчиков», да и с установлением личности могли возникнуть проблемы. То, что это не абстрактные рассуждения, хорошо видно по ст. 10 Краткой редакции Правды Русской: «Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе любо к собѣ, 3 гривнѣ, а видока два выведеть; аще будеть варягъ любо колбягъ, то на роту»⁶⁵. Варяги и колбяги не могли найти свидетелей, поэтому в делах, в которых они участвовали, приходилось ограничиваться клятвой. Где ее приносили, неизвестно, но, думается, в Новгороде, и тогда, и в XV в. тяжущимся сторонам было бы естественно отпра- виться к пристани, к стоявшим у нее кораблям. Там могла быть установлена личность, но, не исключено, определенную роль играло и само место.

Согласно германским правовым традициям, судебные клятвы могли заключаться в церкви, на месте проведения народных собраний (*mallus*)

⁶³ Mandamus quoque quod si aliquis fuerit rebellis in dando pignore quod non erit sufficiens, ut dictum est, secundum arbitrium iudicis uel iudicum, quod ex tunc in antea liceat querenti rationem tantum intromittere ex bonis quesiti que sunt in nauī, unde de ipsis differentiis aut discordiis possit esse securus. Si autem bona eius non fuerint in nauī, ipsi iudices debeant tollere tantum ex bonis eius, ubicumque fuerint, quantum eis bonum super hoc apparuerit... (Gli statuti marittimi veneziani fino al 1255 / ed. a cura di R. Predelli, A. Sacerdoti. Venezia, 1903). P. 65–66. См. также практически дословный повтор этих установлений в статуте дожа Реньеро Дзено 1255 г.: Ibidem. P. 145–146. Об этих статутах см.: Lane F.C. Venice: A Maritime Republic. Baltimore; London, 1973. P. 53–54, 94; Zordan G. L'ordinamento giuridico veneziano. Lezioni di storia del diritto veneziano con una nota bibliografica. Padova, 1980. P. 200–203.

⁶⁴ ПРП. Вып. 2. С. 217.

⁶⁵ Правда Русская. М.; Л., 1940 / Под ред. Б.Д. Грекова (далее: ПР). Т. I. Тексты. С. 79. Ср., однако, ст. 31 Пространной Правды и положения смоленских договоров, согласно которым иноземцы были обязаны выставлять послухов (ПР. Т. I. С. 106; Смоленские грамоты... С. 11, 36, 41).

или в другом месте, подходящем с точки зрения сложившейся ситуации⁶⁶. Упоминание о клятве на корабле есть в древнескандинавском источнике — саге об Олаве Святом в «Круге Земном» Снорри Стурлусона. Захваченный в 1015 или 1016 г.⁶⁷ в плен людьми Олава яра Хакон Эйрикссон был приведен «на корабль конунга» (á skipit konungs) и там вынужден был поклясться, что оставит Норвегию и не будет воевать против Олава: «Тут Хакон яра дает клятву Олаву конунгу, что он отныне никогда не будет воевать против него, не будет воевать за Норвегию с Олавом конунгом и не будет нападать на него»⁶⁸.

Для разбора судебного дела, в котором одной из тяжущихся сторон был иноземец, лучше всего подходила нейтральная территория. Стоявший у новгородского причала корабль мог новгородцами восприниматься как нейтральная территория в большей степени, чем территория ганзейской Конторы. Установление НСГ об учане могло иметь более общее значение и затрагивать не только ганзейских купцов, но и вообще всех посторонних для Новгорода лиц, которым приходилось выступать в роли послуха или ответчика.

Впрочем, это не более чем рабочая гипотеза, которая может быть доказана или опровергнута только в ходе дальнейших разысканий. Необходимо, в частности, продолжить поиск параллелей в юридических обычаях других обществ. Так или иначе, становится очевидным, что обращение к ганзейским источникам может помочь пролить новый свет на конкретные спорные вопросы истории древнерусского права.

⁶⁶ Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte... S. 574.

⁶⁷ См.: Мухеев С.М. Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 28.

⁶⁸ Nú vinnr Hákon jarl Óláfi konungi eiða, at hann skal aldri síðan berjask í móti honum ok eigi verja Nóreg með ófriði fyrir Óláfi konungi né soekja hann (*Snorri Sturluson*. Heimskringla (=Nóregskonunga sǫgur) / udg. v. Finnur Jónsson. København, s.a. [Bd.] II. Kap. 30. S. 39–40). Ср. перевод на русский: Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. Гл. XXX. С. 180 (пер. Ю.К. Кузьменко). Благодарю Ф.Б. Успенского за указание этого упоминания.

REFERENCES

1. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
2. *Бессуднова М.Б.* Русско-ливонские отношения накануне Нового времени: истоки конфликта. Дисс. ... д.и.н. Липецк, 2015.
3. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005 [Киев, 1908].
4. *Воронин Н.Н.* Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси / Под ред. Б.Д. Грекова, М.И. Артамонова. М.; Л., 1951. Т. I.
5. *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843.
6. *Кучкин В.А.* О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 2.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991[1882]. Т. IV.
8. *Ланге Н.* Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860.
9. *Мартышин О.В.* Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.
10. *Михеев С.М.* Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32).
11. *Мрочек-Дроздовский П.* Памятники русского права времени местных законов (Пособие к слушанию лекций и к практическим занятиям). М., 1901.
12. *Никитский А.И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.
13. *Панов Ф.* Исследование о Новгородской судной грамоте 1471 года (Сочинение студента Фёдора Панова, писанное для получения степени кандидата в 1856 году) // Сборник, издаваемый студентами императорского Петербургского университета. СПб., 1857. Вып. 1.
14. *Пахман С.* О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851.

15. *Петрухин П.В.* О датировке списка А договора Смоленска с Ригой и Готским берегом // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013). М., 2013.
16. *Сергеевич В.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903.
17. *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.
18. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2012. Т. 9.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 13; М., 1995. Вып. 21.
20. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II; СПб., 1903. Т. III.
21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. М., 1987. Т. IV.
22. *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990.
23. Ярославский областной словарь: Учебное пособие. Ярославль, 1991. Вып. 10.
24. *Angermann N.* Deutsche Kaufleute im mittelalterlichen Novgorod und Pleskau // Deutsche im Nordosten Europas / hrsg. von H. Rothe. Köln, 1991.
25. *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte (neu bearb. von C. Frhr. von Schwerin). München; Leipzig, 1928. Bd. II.
26. *Francovich Onesti N.* Vestigia longobarde in Italia (568–774): lessico e antroponomia. Roma, 1999.
27. *Goetz L.K.* Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916 (Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. XXXVII. Reihe A: Rechts- und Staatswissenschaften. Bd. 6).
28. *Goetz L.K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922 (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge. Bd. V).
29. *Kaiser D.H.* The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, New Jersey, 1980.
30. *Lane F.C.* Venice: A Maritime Republic. Baltimore; London, 1973.
31. *Lübben A.* Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Darmstadt, 1990 [Leipzig, 1888].
32. *Lukin P.V.* Novgorod: Trade, Politics and Mentalities in the Time of Independence // The Routledge Handbook of Maritime Trade around Europe 1300–1600 / ed. by W. Blockmans, M. Krom, J. Wubs-Mrozewicz (в печати).
33. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch / hrsg. von D. Möhn. Bd. II. Т. II. Neumünster, 2004; Т. III. Neumünster, 1959.

34. *Oliver L.* The Beginnings of English Law. Toronto etc., 2002 (Toronto medieval texts and translations).
35. *von der Osten-Sacken P.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts // Beiträge zur russischen Geschichte. Theodor Schieman zum 60. Geburtstage dargebracht / hrsg. von O. Hötzsch. Berlin, 1907.
36. *Rüping H., Jerouschek G.* Grundriss der Strafgeschichte (5., völlig überarb. Aufl.). München, 2007.
37. *Schiller K., Lübben A.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen, 1877. Bd. III.
38. *Squires C.* Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln etc., 2009 (Niederdeutsche Studien. Bd. 53).
39. *Zordan G.* L'ordinamento giuridico veneziano. Lezioni di storia del diritto veneziano con una nota bibliografica. Padova, 1980.

Ключевые слова:

Новгород, Ганза, древнерусское право, морское право, Новгородская судная грамота.

Pavel V. Lukin

JUSTICE ON BOARD IN XV C. NOVGOROD

The article examines a mysterious word in the 1426 report by Hanseatic ambassadors in Novgorod. The report notes the judicial procedures of the meeting at praem. The author comes to a preliminary conclusion that this procedure was depicted in the article #19 of the Novgorod Judicial Charter, where praem means a ship («учан»). Possibly the procedure of meeting at the ship was meant for both sides of the debatable case to meet on a neutral territory for the resolution.

 Лукин Павел Владимирович

доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института
российской истории РАН

А.Ю. Донской

АКТРИСА КИНО ВЕРА ХОЛОДНАЯ В ШПИОНАЖЕ НЕ ЗАМЕШАНА

В период Первой мировой войны известная актриса кино Вера Васильевна Холодная¹ была заподозрена в шпионаже в пользу Германии на основании перехваченных писем германских агентов, проживавших в Москве и упоминавших о ней. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) сохранились документы в фонде Штаба Московского военного округа (Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664) по делу Веры Васильевны. На основании документов Отдельного корпуса жандармов и Одесского контрразведывательного отделения за актрисой было установлено наблюдение.

Документы можно выделить в следующие группы:

1) Опросный лист подозреваемого в шпионаже австрийского подданного Прохаско (см. док. № 1. — А.Д.), справка о его месте проживания в Москве вместе с его сожительницей немкой. Справки о Вере Холодной:

¹ Вера Васильевна Холодная (5.08.1893, Полтава — 17.02.1919, Одесса). Известная актриса русского дореволюционного кинематографа. Начинала свою деятельность как статистка. В 1914 г. стала одной из кинозвезд русского кино. Снималась в фильмах: «Миражи», «Жизнь за жизнь», «Позабудь про камин, в котором погасли огни», «Молчи, грусть, молчи», «Женщина, которая изобрела любовь», «Живой труп», «Последнее танго».

Вера Холодная

о ее месте жительства, ее поездках в действующую армию, в Петроград, в Крым, ее возвращении, дворянстве мужа и службе его в действующей армии, оплате за квартиру.

2) Агентурные донесения о наружном наблюдении за Верой Васильевной с сообщениями о ее муже, месте жительства, одежде, маршрутах поездок, посетителях, круге знакомых, работе в кинематографе Ханжонкова²

² Александр Алексеевич Ханжонков (8.08.1877, деревня Ханжонковка, ныне поселок Ханжонково, Донецкая область, Украина — 26.09.1945, Ялта). Родился в семье обедневшего помещика. В 1896 г. окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище и был принят в чине подхорунжего в привилегированный Донской 1-й казачий полк, расквартированный в Москве. В 1905 г. в чине подьесаула уволился в запас по состоянию здоровья; положенную в таких случаях выплату в размере 5000 руб. вложил в кинопромышленность. Вначале стал пайщиком московской компании «Гомон и Сиверсен», затем основал собственное предприятие. В 1906 г. Ханжонков обратился в Московскую купеческую управу с заявлением «об учреждении им совместно с тремя вкладчиками торгового дома в образе товарищества на веру под фирмою “А. Ханжонков и К^о” с целью производства торговли кинематографическими лентами, волшебными фонарями, различными машинами и приборами и другими товарами для фабрикации всех этих предметов». Сначала Ханжонков занимался документалистикой и прокатом зарубежных картин. Летом 1907 г. начал съемки собственной картины «Палочкин и Галочкин» (не была закончена). В январе 1909 г. вышел первый фильм ателье Ханжонкова — «Драма в таборе подмосковных цыган», о котором журнал «Сине-фоно» написал: «Хотелось бы указать на тот факт, что эта лента явилась первой, выпущенной Ханжонковым в виде драмы, разыгранной собственной труппой, ибо до сих пор ателье производило лишь съемки с натуры». В том же году вышли фильмы: «Песнь про купца Калашникова», «Русская свадьба XVI столетия», «Ванька-ключник» и др. К съемке он привлек

и кинематографическом ателье Харитонов³, основанном в 1916 г. в Москве.

3) Телеграммы Веры Васильевны мужу Владимиру Григорьевичу Холодному на фронт, о посылках библиотек для солдат и о выезде в действующую армию.

4) Агентурная записка с пометой о прекращении наблюдения за актрисой в связи с тем, что между ней и агентами, проживающими в Москве

театральную труппу Введенского народного дома и начинающих режиссеров. Тематикой фильмов были классика, русские сказки, песни и романсы. С конца 1910 г. компания издает журнал «Вестник кинематографии», с 1915 г. — финансируемый самим Ханжонковым журнал «Пегас», где печатались материалы также и о музыке, театре, литературе и др. В 1911 г. вышел первый в России полнометражный фильм «Оборона Севастополя», в 1912 г. — первый в мире мультфильм, снятый в технике объемной анимации — «Прекрасная Люканида, или Война усачей с рогачами». В 1910-х гг. компания становится лидером российского кинопроизводства и в 1912 г. преобразуется в акционерное общество «Ханжонков и К^о» с уставным капиталом в 500 тыс. руб. Весной 1917 г. Ханжонков выехал в Крым и организовал кинопроизводство в Ялте. После разгрома Врангеля в ноябре 1920 г. уехал в Константинополь, затем в Милан и Вену, где пытался восстановить кинопроизводство. На арендованной вилле в Бадене в 1922 г. организовал исследования по созданию звуковых фильмов, но вынужден был их прекратить из-за нехватки средств. В 1923 г. к нему обратились представители акционерного общества «Русфильм» с предложением вернуться на родину. Он предложение принял, но остался без работы, так как «Русфильм» закрылся, так и не начав работать. Некоторое время Ханжонков работал консультантом «Госкино», затем заведующим производством «Пролеткино». В 1926 г. вместе с группой сотрудников «Пролеткино» был арестован по уголовному делу о финансовых злоупотреблениях; ввиду отсутствия доказательств его вины освобожден, но получил запрет на работу в области кинематографии и лишен политических прав. Из-за этого и ухудшения здоровья вынужден был переехать из Москвы в Ялту. В 1934 г. Ханжонков обратился к председателю кинофотоуправления СССР с просьбой оказать ему поддержку в связи с ухудшением здоровья. Ханжонков был реабилитирован и получил персональную пенсию. В последние годы жизни занимался написанием мемуаров, которые частично были опубликованы в книге «Первые годы русской кинематографии» в 1937 г. Во время фашистской оккупации Крыма находился прикованным к инвалидной коляске и оставался в Ялте, где скончался 26 сентября 1945 г. и был похоронен. 8 августа 2008 г. в Макеевке был открыт памятник Ханжонкову работы Зураба Церетели. 26 августа 2011 г. в рамках XII Международного телекинофорума «Вместе» в Ялте был открыт памятник Ханжонкову как основателю Ялтинской киностудии.

³ Дмитрий Иванович Харитонов — крупнейший кинодеятель дореволюционной России. Владел большими синематографами в Харькове «Аполло» и «Амбир», прокатной конторой «Аполло» с филиалами в Одессе, Ростове-на-Дону, Киеве, Петербурге. В 1915–1916 гг. издавал журнал «Южанин» в Харькове. В 1916 г. переехал в Москву, где на ул. Лесной основал крупнейшую в России киностудию. В 1918 г. выехал с труппой на съемки в Одессу, где от «испанки» скончалась Вера Холодная. С 1920 г. в эмиграции в Италии, Германии; с 1924 г. во Франции — работал продюсером в компании «Сине-Франс-Фильм» и «Вести». С 1926 г. во французском отделении концерна УФА. Владел в Париже рестораном «Poison d'Or». В конце 1920-х гг. совладелец фирмы «Green-Film» в Берлине. В России финансировал более 60 фильмов.

и работающими в пользу Германии, нет никаких связей, что она является только киноактрисой кинематографа Ханжонкова, играет в театре «Эрмитаж», занимается своим делом, получает большие оклады и имеет знакомых в разных областях общества.

Перечисленные документы могут заинтересовать исследователей, занимающихся историей контрразведки в дореволюционной России, и впервые введены в научный оборот⁴.

Публикация подготовлена по современным правилам публикации документов.

1

Опросный лист И.К. Прохаско

№ 119

2 января 1915 г.

Проживающему в доме № 29 Кузнецовой по Тверской ул. кв. 2 участ. [ка] Тверской част[и]

Прошу срочно дать сведения по следующим вопросам:

1) Имя, отчество, фамилия и лета: Иосиф Карлович Прохаско. 38 лет

2) Подданство: Австрийски[й] подданны[й] гражд[анин] гор[ода] Львова

а) по национальности: Поляк

б) окончил 4 (класса гимназии) в Ясле (Галиция). 3 года Худож[ественной] школы в Вене

в) если служил в военной службе, то где, и в каком сейчас воинском чине или звании: Не служил

3) Вероисповедание: Католик

4) Род занятия (место службы): Худож[ник] фотограф (фотографии) Чеховского, Тверская 35

5) Когда и откуда прибыл на жительство: В район участка с 16 ноября 1914 прибыл с № 24 по Леонтьевскому переулку

6) Сколько времени находится в России и в каких городах жил: В России прожив[аю] 6 лет 1 год путешествовал по разн[ым] городам как художник, а остальные пять лет живу в Москве и все время занимаюсь в фотографии Чеховского по Тверской

⁴ Выражаю глубокую благодарность сотрудникам РГВИА: Е.Г. Мачикину и С.А. Харитонову, В.П. Пономареву за оказание помощи в подготовке примечаний о г-м. Федорове, Ханжонкове и Харитонове.

7) Если купец, вояжер, представитель, миссионер, или т. п., то указать от какой фирмы и с какими фирмами, торговыми домами, конторами и прочими имеет дело в России: В России какой-либо передвижимости^{5*} не имею, а также и за границей. Военнопленным я вызван не был. На жительство имею удостоверение от московского господина градоначальника за № 1136 от 2-го августа 1914. В первых числах августа 1914 года мною подано прошение на имя министра внутренних дел о переходе в русское подданство, холост, о подданстве хлопочу лично для себя.

За границей родных не имею, а в Москве живет мой родной дядя Комаровский-Владылов 60 лет, русский подданный Юшков переулоч дом № 2 (имеет дома)^{6**}

Подпись лица отвечающего на вопросы: Иосиф Карлович Прохаско
2-го января 1915 г.

РГВИА. Ф. 160. Оп. 14. Д. 2664. Л. 8—8об. Подлинник

2

Из агентурного донесения
10 июня 1916 г.

...В Москве находится некий Прохаско, по происхождению поляк из Галиции. Во время войны он принял русское подданство при содействии бывшего московского градоначальника Андрианова. Прохаско по профессии художник, человек лет 36-ти, его место жительство в Москве находится на Страстном бульваре, Больничный проезд дом № 9, недалеко от газеты «Утро России». Прохаско живет с одной немкой Лилией Галька. Прохаско и Галька занимаются шпионажем в пользу Германии и несколько дней тому назад они послали в Бухарест через своих агентов очень важное^{7***} военное донесение. Прохаско работает тайно с некой Верой Васильевной Хоюдной^{8****}, артисткой кинематографа Ханжонкова, женой одного русского капитана^{9*****}, находящегося на фронте. Вера Васильевна имеет знакомых среди офицеров и чиновников и занимается шпионажем, быть может, без ведома

⁵ * Так в тексте.

⁶ ** Круглые скобки здесь и далее поставлены в тексте при написании документа.

⁷ *** Так в тексте.

⁸ **** Так в тексте. Над словом вставлено карандашом «ло». — А.Д.

⁹ ***** В текстах имеются разночтения; супруг В. Холодной называется поручиком, подпоручиком. — А.Д.

своего мужа. Она дает сведения Прохаско, который пересылает их в Бухарест или в Стокгольм. Последние сведения исходили от Веры Васильевны.

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 4. Машинопись. Копия

3

Отдельный корпус жандармов. Начальнику Московского губернского
жандармского управления

№ 1048

16 июня 1916 г.

При сем препровождаю на распоряжение агентурное сведение, касающееся лиц проживающих в Москве и занимающихся шпионством в пользу Германии, полученное в Бухаресте одним из агентов Экспедиции особого назначения.

Полковник^{10*}

Секретно^{11**}

Препроводить срочно в Контрразведывательное отд[еление] при Штабе Моск[овского] воен[ного] округа о чем уведомить^{12***}

Полковник^{13****}

24 июня.

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 2.

Машинопись. Подлинник. На бланке Отдельного корпуса жандармов

4

Справка

13 сентября 1916 г.

Дом № 50 кв. 5 по 1-й Тверской-Ямской улице. Холодная Вера Васильевна, 21-го года, жена подпоручика запаса. В сказанный дом прибыла 16-го сентября 1915 года из Крыма, прописана по бессрочной паспортной

¹⁰ * Подпись неразборчива.

¹¹ ** Машинопись.

¹² *** Чернилами.

¹³ **** Подпись неразборчива.

книжке выдан[ной] приставом 1-го участка Басманной части от 7-го июня 1912 года № 1967, а по сведениям она уехала в Петроград 12 сентября и якобы вернется 14 или 15 сентября^{14*}.

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 19–19об. Рукопись. Подлинник

5

Справка

5 июля 1916 г.

Занимает квартиру № 5 за 85 рублей в месяц, при ней проживают двое малолетних детей и мать. Холодная^{15**} служит в настоящее время в театре «Эрмитаж» и участвует в кинематографических снимках театра Ханжонкова, живет сравнительно скромно, имеет одну прислугу.

Муж ее — Холодный Владимир Григорьевич, 38 лет, поручик 5-го армейского корпуса, значится прибывшим из действующей армии 21-го января 1916 года. Прописан был по билету корпусного интенданта 5-го армейского корпуса от 16-го января 1916 года № 387.

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 7. Машинопись. Копия

6

Справка

№ 117

12 сентября 1916 г.

Для производства установки

Выяснить прибыла ли в Москву Вера Васильевна Холодная^{16***}, прожив[ающая] в д. 50. кв. 5 по 1 Тверской-Ямской ул.

С 21 сентября 1916 г. Холодная взята в наружное наблюдение^{17****}.

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 19. Рукопись. Подлинник

¹⁴ * Подпись неразборчива.

¹⁵ ** «Холодная» — подчеркнуто карандашом.

¹⁶ *** «Холодная» — подчеркнуто чернилами.

¹⁷ **** Чернилами.

7

Справка

12 сентября 1916 г.

В доме № 50 кв. № 5 по 1-й Тверской-Ямской ул.

Холодная Вера Васильевна жена потомственного дворянина подпоручика запаса значится прибывшей из Действующей армии^{18*}.

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 19–19 об. Рукопись. Подлинник

8

В.Г. Холодный — В.В. Холодной

№ 85 Холодной

Сегодня высылается солдат для приема и сопровождения вагона с библиотеками для корпуса. Прошу уведомить Табачный комитет. Поручик Холодный.

Копия^{19**}

30/IX. С.И.М. к делу Х[олодной] если та^{20***}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 25. Телеграфный бланк. Копия

9

№ 14

15 октября 1916 г.

В.Г. Холодный — В.В. Холодной

Штакор. 5 армейский. Поручику Холодному. Действующая [армия]

Третий заказ украли дороге Составлен протокол библиотека выслана
10 целую Кися

Б. Тверская-Ямская дом 50. кв. 5. Холодная

¹⁸ * Подпись неразборчива.

¹⁹ ** Красным карандашом.

²⁰ *** Чернилами. Далее фраза прервана. — А.Д.

Копия^{21*}

16/Х к д[елу] Холодной^{22**}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 31. Телеграфный бланк

10

№ 27

15 октября 1916 г.

В.Г. Холодный — В.В. Холодной

Москва Большая Тверская Ямская 50 Холодной

Пропажей не беспокойся пустяки очень обрадован тверской телеграммой целую крепко сердечно поздравляю Валочка

16/Х к делу Х[олодной]^{23***}

Копия^{24****}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 32. Телеграфный бланк. Копия

11

№ 44

Из Варшавы 20 октября 1916 г.

В.Г. Холодный — В.В. Холодной

Москва Большая Тверская Ямская 50 Холодной

Библиотека получена прошу телеграфировать каким комитетом выслана и полностью имя и отчество председателя 472 Поручик Холодный

21/Х к д[елу] Холодной^{25*****}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Л. 36. Телеграфный бланк. Копия

²¹ * Красным карандашом.

²² ** Чернилами.

²³ *** Чернилами.

²⁴ **** Красным карандашом.

²⁵ ***** Чернилами.

12

№ 79

21 октября 1916 г.

В.Г. Холодный — В.В. Холодной

Москва Большая Тверская Ямская 50 Холодной

Все благополучно рад получению Савенкова Целую крепко Вилочка

23/Х к д[елу] Холодной^{26*}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 2664. Л. 33. Телеграфный бланк. Копия

13

№ 13

Из Москвы 21 октября 1916 г.

В.В. Холодная — В.Г. Холодному

Штакор 5 Армейский поручику Холодному Д[ействующая] армия на
имя Книжного комитета целую еду Кися

Адрес подателя: Б. Тверская-Ямская дом 50 кв. 5 Холодная

23/Х к д[елу] Холодной^{27**}

Копия^{28***}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 34

14

Агентурное сведение о наружном наблюдении

31 октября 1916 г.

Сведение о наблюдаемом № 46 за двухнедельный период

Фамилия, имя и отчество: Холодная Вера Васильевна

Звание: жена подпор[учика] зап[аса] пот[омственного] двор[янина]

Лета: 22

Вероисповедание: Православное

²⁶ * Чернилами.

²⁷ ** Чернилами.

²⁸ *** Синим карандашом.

Подданство: русское

По какому документу прописан: бесср[очной] пасп[ортной] кн[ижке] выдан[ной] пристав[ом] 1 уч[астка] Басман[ной] ч[асти] 7 июня 1912 г. № 967

Местопроживание наблюдаемого: 1-я Тверская Ямская ул. д. № 50, кв. 5

Кто посещал наблюдаемого и кого он посещал: Посещают ее разные артисты и артистки синемаграфического искусства

Чем преимущественно занимался наблюдаемый и что обращало на себя внимание в его образе жизни, а также не тратил ли он свыше своих средств: Киноартистка играет в синемаграфическом ателье Т-во Ханжонкова. Богатая женщина. Денег тратит^{29*} много, но и много имеет поклонников

На какой адрес получал наблюдаемый корреспонденцию, в каком количестве, как писем, так и телеграмм и откуда именно: Корреспонденция по месту жительства поступает редко, видимо получает на фирму Т-во Ханжонкова

Какой домашний язык у наблюдаемого: Русский

С кем сносился наблюдаемый по телефону: Телефон имеет свой в квартире, с кем разговаривает неизвестно

Не отобрано ли агентурой каких-либо записок, клочков бумаги, принадлежащих наблюдаемому: Не отобрано

Просматривалась ли корреспонденция наблюдаемого и какие именно письма, от кого и откуда: Просматривалась: телеграммы от мужа из действующей армии след[ующего] [сод]ержания: «Прибыл ли третий заказ автоподшипников», «прибыла^{30**} савенкова», «немедленно сообщи когда выслана библиотека корпус 431-й».

Кроме вышеизложенного не дало ли наблюдение чего-либо существенного и имеющего значение для Отделения: Пока ничего не дало. Часто присылают ей корзины цветов, видимо поклонники

31 октября 1916 года. Гор. Москва
Младший наблюдательный агент^{31***}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Л. 27–27 об. Подлинник

²⁹ * Последующая часть фразы подчеркнута красным карандашом.

³⁰ ** Со слова «прибыла» далее фраза подчеркнута красным карандашом.

³¹ *** Подпись неразборчива.

15

Из агентурного сведения о наружном наблюдении
30 ноября 1916 г.

Кто посещал наблюдаемого и кого он посещал:

Посещают ее многие артисты синемаграфическ[ого] искусства. Приехал в отпуск на 3 недели муж ее из действующей армии

На какой адрес получал наблюдаемый корреспонденцию, в каком количестве, как писем, так и телеграмм, и откуда именно:

Корреспонденцию большею частью получает по месту службы, а от мужа получала по месту жительства...

Просматривалась ли корреспонденция наблюдаемого и какие именно письма, от кого и откуда:

Не просматривалась

Кроме вышеизложенного не дало ли наблюдение чего-либо существенного и имеющего значение для Отделения:

Пока положительно ничего не дало. Муж ее приехал в отпуск на три недели из действующей армии.

30 ноября 1916 года. Гор. Москва.
Младший наблюдательный агент^{32*}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 39. Подлинник

16

29 декабря 1916 г.

В.Г. Холодный — В.В. Холодной

Срочно. Москва. Большая Тверская-Ямская 50 Холодной

Все благополучно пишу исправно целую крепко Валочка

2/1 к д[елу] Х[олодной]^{33**}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 41. Телеграфный бланк. Копия

³² * Подпись неразборчива.

³³ ** Чернилами.

17

Из агентурного сведения наружного наблюдения

30 декабря 1916 г.

Кто посещал наблюдаемого и кто его посещал:

Посещают ее артистки и много поклонников богатых людей коммерческого мира

На какой адрес получал наблюдаемый корреспонденцию, в каком количестве, как писем, так и телеграмм, и откуда именно:

Корреспонденцию получает по месту жительства в среднем количестве

Просматривалась ли корреспонденция наблюдаемого и какие именно письма от кого и откуда:

Просматривалась, но ничего предосудительного не оказалось.

Кроме вышеизложенного, не дало ли наблюдение чего-либо существенного и имеющего значение для Отделения:

Пока ничего не дало

30 декабря 1916 г. Гор. Москва

Младший наблюдательный агент^{34*}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 46. Подлинник

18

Из агентурного сведения наружного наблюдения

30 января 1917 г.

...^{35**} Чем преимущественно занимался наблюдаемый и что обращало на себя внимание в его образе жизни, а также не тратил ли он свыше своих средств:

С Нового года из фирмы Ханжонкова перешла в синематограф[ическое] ателье Харитонова, Лесная ул. соб[ственный] дом № 27

Кто посещал наблюдаемого и кого он посещал:

Посещают ее артисты и артистки означенного ателье и др.

На какой адрес получал наблюдаемый корреспонденцию в каком количестве как писем, так и телеграмм и откуда именно:

³⁴ * Подпись неразборчива.

³⁵ ** Здесь и далее в документах часть текста опущена, как несущая повторяющуюся информацию. — А.Д.

Корреспонденцию получает по месту жительства, но в небольшом количестве, большею частью из действующей армии от мужа

Старший наблюдательный агент^{36*}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 47. Подлинник

19

В.Г. Холодный — В.В. Холодной

№ 20

27 марта 1917 г.

Москва Большая Тверская-Ямская 50 Холодной

Беспокоюсь не получая ответа все ли благополучно^{37**} Телеграфируйте по вопросу приезда = Володя

30/3 к д[елу] Холодной^{38***}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Л. 57. Телеграфная лента

20

Из агентурного сведения наружного наблюдения

31 марта 1917 г.

...Чем преимущественно занимался наблюдаемый и что обращало на себя внимание в его образе жизни, а также тратил ли он свыше своих средств:

Киноартистка фирмы Харитонова на Лесной ул.

Кто посещал наблюдаемого и кого он посещал:

Посетителей не было.

Просматривалась ли корреспонденция наблюдаемого и какие именно письма; от кого и откуда:

Корреспонденция не просматривалась

Кроме вышеизложенного, не дало ли наблюдение чего-либо существенного и имеющего значение для Отделения:

³⁶ * Подпись неразборчива.

³⁷ ** Далее зачеркнуто: «в брошенном Вами доме как Геня».

³⁸ *** Чернилами.

Ничего существенного замечено не было.

Наблюдаемая выбыла 16 марта в гор. Полтаву.

Наблюдаемая возвратилась из гор. Полтавы 27 марта сего года.

31 марта 1917 г.

Младший наблюдательный агент^{39*}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 58. Подлинник

21

№ 2

15 апреля 1917 г.

Агентурная записка

Содержание сведений

Из данных, полученных от осведомленных лиц, никакой связи между г-жой Холодной и фотографом Прохаско не существует. Г-жа Холодная исключительно артистка кинематографа. Получает очень большие оклады по съемкам картин. Имеет большой круг знакомых среди различных слоев общества.

Прекратить обследование Холодной^{40**}.

Совершенно секретно

По сведениям Горелова^{41***}

РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2664. Л. 1. Машинопись. Копия

³⁹ * Подпись неразборчива.

⁴⁰ ** Чернилами.

⁴¹ *** Машинопись.

Ключевые слова:

Вера Холодная, шпионаж, Первая мировая война.

Alexander U. Donskoy

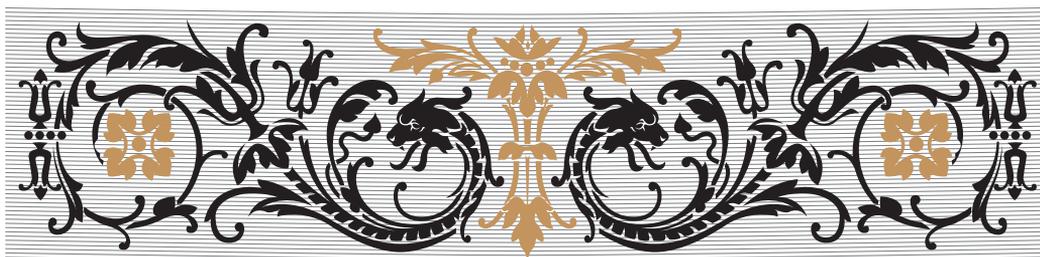
THE ACTRESS VERA KHOLODNAYA HAS BEEN SUSPECTED IN ESPIONAGE: ARCHIVAL INVESTIGATION

he documents from the Russian State Military Historical Archives tell us how in 1916, the famous cinema actress Vera Kholodnaya was suspected of having connections with German agents. However, the intelligence proved her innocent.

 Донской Александр Юрьевич

ведущий специалист отдела обеспечения сохранности
и государственного учета документов РГВИА

Ю.В. Ким

ОТЕЦ И СЫН МУСИНЫ-ПУШКИНЫ: 1812 ГОД СКВОЗЬ СЕМЕЙНУЮ ИСТОРИЮ

1812 г., год испытаний для народа Российской империи, и позднейшие годы, годы Заграничного похода русской армии, оставили след на страницах дневников и писем этого времени. В строчках, написанных современниками Отечественной войны, отражены как будничные заботы и домашние хлопоты, так и боль за Родину и армию, переживания за судьбу родных. Война, как любая война, круто меняла распорядок жизни семейств, люди теряли родных — порой на время военных действий, а порой и навсегда. Беда и трагедия коснулись и семьи Мусиных-Пушкиных, глава которой, граф А.И. Мусин-Пушкин, библиограф и археограф, член Российской академии наук, обер-прокурор Святейшего синода, президент Академии художеств, управляющий Корпусом чужестранных единоверцев, во время своей политической карьеры и после нее сделал много ценного для российской истории и культуры.

Крупный знаток древностей, языка, издатель и автор исторических исследований, он открыл миру «Слово о полку Игореве», издал в 1792 г. «Правду Русскую» (на основе рукописи из Тихвинского монастыря), «Историческое разыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги», а также Книгу Большому Чертежу Московского государства.

Граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин. Портретная миниатюра 1790-х гг.

В огромной коллекции редкостей, собранной Мусиным-Пушкиным, была Лаврентьевская летопись («Летописец русский преподобного Нестора»), которая позже была преподнесена Александру I¹. Он перевел и сделал примечания к Договору Смоленского князя Мстислава с Ригой и Готским берегом 1229 г., были написаны «Исторические и топографические описания» Ярославской, Новгородской и Тверской губерний, «Подробное описание города Рыбинска»².

Для российской науки и культуры большой потерей является то, что в оставленной русскими войсками Москве была уничтожена уникальная коллекция, собранная графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным. А.И. Аксенов, исследователь жизни и научной деятельности А.И. Мусина-Пушкина, пишет: «Будучи уверен, по свидетельству Д.Н. Бантыш-Каменского, что Москва не будет взята, он не принял надлежащих мер и уехал в Ярославское имение. Его дочь Наталья Алексеевна, жена князя Д.М. Волконского, взяла лишь семейное серебро, побоявшись тронуть без разрешения отца библиотеку. В результате все собрание, в котором, по утверждению В.С. Иконникова, при обзоре его П.М. Строевым выявлено

¹ См.: *Калайдович К.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Записки и труды Общества истории и древностей российских. М., 1824. Ч. II. С. 13–14.

² См.: *Аксенов А.И.* С любовью к Отечеству и просвещению: А.И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994. С. 4–57; *Калайдович К.* Биографические сведения... С. 3–48.

1200 рукописных и 3000 печатных книг, погибло. Н.М. Карамзин в письме к А.Ф. Малиновскому от 17 февраля 1813 г. писал: “Радуясь, что Синодальная библиотека цела, и не перестаю тужить о Пушкинской. История наша лишилась сокровища”³.

Но граф Алексей Иванович пережил в это время и личную трагедию. Война отняла жизнь Александра Алексеевича Мусина-Пушкина, среднего сына, любимого сына, на которого отец возлагал большие надежды и кому мечтал передать свое дело по сохранению российского исторического наследия. Александр «был балотирован в члены общества истории и древностей Российских»⁴, служил асессором при Московском архиве Коллегии иностранных дел, и Алексей Иванович собирался передать свое собрание древностей в дар архиву с условием, что его сын будет иметь право пользования коллекцией и сможет в дальнейшем передать это право по наследству⁵, но не успел. Смерть сына подкосила душевные силы и здоровье Алексея Ивановича. А.И. Мусин-Пушкин умер 1 февраля 1817 г.

Период лета-осени 1812 г. (а потом и зимы-весны 1812–1813 гг.) для семьи Мусиных-Пушкиных, как и для многих российских семей этого времени, отмечен и болью за Отечество, и тревогой за близких. Ведь история каждой семьи — это зеркало общероссийских реалий, потому что здесь большая история преломляется в малой. В найденных нами архивных источниках содержится информация о чаяниях и заботах отца и сына — Алексея Ивановича и Александра Алексеевича Мусиных-Пушкиных, о которых и пойдет речь в настоящей статье.

Сведения мы почерпнем из сохранившейся переписки членов семьи, а также со страниц дневников. В частности, в фонде Мусиных-Пушкиных РГАДА хранится уникальный документ, который долгое время хранил-

³ Аксенов А.И. С любовью к Отечеству и просвещению... С. 48.

⁴ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 644. Л. 46–47.

⁵ В РГАЛИ хранится газетная вырезка из «Вестника Европы» за 1813 г., где есть текст прошения к государю Александру I от А.И. Мусина-Пушкина, в котором А.И. просит присоединить свою коллекцию к библиотеке Коллегии иностранных дел Московского архива, но «с правом пользоваться из онаго Архива всякими выписками, касающимися до Истории отечественной» сыну Александру, «а он бы сие право свое передать мог по времени тому, кого найдет способным, так же с правом передачи другому, способному, дабы иметь в виду всегда человека, который бы историческими записками занимался и мог Архивом руководить». Это же прошение полностью цитируется в примечаниях к «Биографическим сведениям о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина» К. Калайдовича, опубликованных в 1824 г. См.: РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2495. Л. 8 об.—9. См. также: *Калайдович К. Биографические сведения... С. 19–20.*

Граф Александр Алексеевич Мусин-Пушкин

ся в архиве под неверным названием, считалось, что авторство принадлежит Владимиру Алексеевичу, младшему сыну известного археографа. Но в ходе работы с текстом выяснилось, что содержащиеся в нем факты и особенности стиля не позволяют согласиться с ранее установленным авторством. Удалось установить⁶, что документ, о котором мы ведем речь, на самом деле — дневник графа Александра Алексеевича, который он вел с 1 января 1811 г. по ноябрь 1812 г., то есть до своей отправки в действующую армию⁷. В дневнике мы найдем записи о пребывании двадцатитрехлетнего графа в Москве, его многочисленных друзьях и каждодневном общении с ними, о его двух поездках на Кавказ, для того чтобы поправить здоровье, его теплых отношениях со своим четвероюродным братом⁸, Петром Клавдиевичем Мусиным-Пушкиным, о его теплой привязанности к «мадам Мусиной-Пушкиной», которую он называет кухонной (предположительно, это жена Петра Клавдиевича, Анна Петровна). В свою вторую поездку на Кавказ А.А. Мусин-Пушкин отправился с сыном Н.Н. Бантыш-Каменского, археографа и издателя, Дмитрием Ни-

⁶ Установить авторство дневника удалось благодаря помощи д.и.н. Марины Петровны Мохначевой.

⁷ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 644.

⁸ Общим прапрадедом Александра Алексеевича Мусина-Пушкина и Петра Клавдиевича Мусина-Пушкина был стольник Савва Яковлевич Мусин-Пушкин (РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 6296–6297).

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский

колаевичем Бантыш-Каменским, также историком⁹, о чем в мае 1812 г. оставляет запись в своем дневнике член семьи Мусиных-Пушкиных, князь Д.М. Волконский¹⁰.

Дневник граф Александр ведет крайне сдержанно и деловито, не допуская сентенций. О том, что на Кавказе было небезопасно, мы не найдем ни строчки. А между тем Д.Н. Бантыш-Каменский, отъезжая на некоторое время из Константиногорска, оставляет на попечение Александра Алексеевича неотправленные письма отцу, просит проконтролировать отправку почты и пишет в письме Александру: «Меня не столько беспокоит неизвестная и, может быть, опасная дорога Грузинская, сколько мысль, что батюшка мой, не получая долго от меня писем, будет обо мне беспокоиться»¹¹. Сказанные далее в письме теплые слова не позволяют сомневаться в высокой оценке Дмитрием Николаевичем друга: «Но я увидел, зная окуратность твою, что ты теперь нахмурия брови сердися на меня за мою недоверчивость. Прости мне, любезной друг, я не думал тебя тем огорчить, и уверен, зная также доброе сердце твое, что ты за то столько же мне отомстишь, как и за сере-

⁹ Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский (1788—1850) — историк, археограф, сотрудник Московского архива Коллегии иностранных дел, перед войной вместе со своим другом А.А. Мусиным-Пушкиным предпринявший поездку на Кавказ (см.: 1812 год... Военные дневники / Сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского. М., 1990. С. 132, 405).

¹⁰ Князь Дмитрий Михайлович Волконский был женат на дочери графа А.И Мусина-Пушкина Наталье Алексеевне (см.: 1812 год... Военные... С. 132).

¹¹ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 684. Л. 2 об.—3.

бреную монету. И так теперь, скажу тебе — я совершенно спокоен на счет отправления писем моих к батюшке»¹².

Начавшаяся война не оставила на страницах дневника и в письмах Александра Мусина-Пушкина следов отчаяния или уныния. Никаких панических сообщений об отступлении русской армии или беспокойства о состоянии фронта. Лишь скупое сообщение о том, что 16 августа состоялся «большой обед мужской» по случаю известия о победе графа Витгенштейна над Удино¹³, и также беглое упоминание от 20 и 28 августа о двух запросах в Москву. Запросы связаны были с инициативой генерал-майора М.М. Веревкина «вести в присоединение к Московскому ополчению не менее 100 человек избранных и ему известных кавказских жителей».

Алексей Алексеевич в свою очередь предлагал свою помощь в организации сбора кавказского ополчения и намеревался присоединиться к генералу с верными в службе людьми — «25 черкесами и горцами»¹⁴. Свое предложение Александр отстаивал с горячностью и желанием быть полезным, в фонде Мусиных-Пушкиных среди материалов за 1812 г. мы найдем «Письма графа Александра Алексеевича М.-Пушкина о зачислении его в ополчения для защиты отечества и др. 14 авг. 1812.»¹⁵, где граф пишет: «Находясь в отдаленности от родителей моих и всех способов которых бы мог употребить на службу, я остаюсь в горестной необходимости ограничить собственными возможностями усердие мое к общему соревнованию. Узнав же на днях, что В.П.¹⁶ предложили Московскому дворянству присоединить к ополчающемуся уже воинству довольно число опытных и избранных вами воинов, покорнейше прошу принять и меня в число оных с 25 горцами и кабардинцами, которые по знакомству и дружбе со мною согласились удалиться от семей и домов своих и идти на брань против общего врага. Я отношу к давнему уважению и преданности, коими к вам преисполнены необычайную сию решительность, которая хоть по малой значительности своей и не может принести существенной пользы, но по крайней мере послужит залогом преданности и миролюбия тех семей, к которым принадлежат. Я же с своей стороны за щастие поставлю себе верить усердие тое и ревность к службе начальству человека, столь общее между ними уважение заслужившаго, почему и покорнейше прошу в случае вашего согласия, — доведя об оном до сведения Московского дворян-

¹² РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 684. Л. 3–3 об.

¹³ Там же. Д. 644. Л. 54.

¹⁴ Там же. Л. 55.

¹⁵ Там же. Д. 684.

¹⁶ Ваше Превосходительство.

ства, почтить меня уведомлением куды и как следовать имею»¹⁷. Письмо адресовано генерал-майору Михаилу Михайловичу Веревкину, с которым Александр тесно общался на Кавказе во время своего там пребывания¹⁸. Предприятие по присоединению к ополчению готовилось втайне от всех, о чем Александр Алексеевич пишет Екатерине Дмитриевне [Орловой]¹⁹: «Я с нетерпением жду будущей почты чтоб узнать на что меня благословят из Москвы, куды уже писал о своем намерении, которое здесь еще в тайне и кроме вас и Веревкина никому не известно»²⁰.

О предложении А.А. Мусина-Пушкина и М.М. Веревкина хлопотал князь Д.М. Волконский, ему же с «горячих источников Кислых вод» (нынешнего Кисловодска) поправлявший там здоровье Александр выслал повторное письмо, где дублировал информацию о намерении присоединиться к ополчению вместе с надежными горцами, «которые идут как и протчия на нашем коште требуют только порции и фуража каждый на два коня» («зделай одолжение, естли в комитете не знают цену нашего маленького ополчения, то дайте почувствовать и как батюшку, так и брата, буде еще есть возможность уведомьте в наших намерениях»²¹, пишет Александр). М.М. Веревкин тоже пишет князю о намерении собрать ополчение на Кавказе. Волконский откликается на просьбу посодействовать и пишет: «25-го послал я при письме моем все бумаги, присланные ко мне от Веревкина с Кавказу о готовности его со ста человеками конных выступить на защиту отечества, и просил графа Ф.В. Ростопчина испросить на то высочайшее повеление»²². Ростопчин помогал как мог, 30 августа Волконский пишет, что получил от Федора Васильевича письмо, «коим уведомляет он меня, что послал ево письмо и все бумаги к министру полицыи для доклада государю о позволении выступить с Кавказу на службу со ста конными людьми»²³.

Мы не обладаем информацией о том, увенчалось ли успехом намерение Александра. Уже при обращении к нему Волконского граф Ростопчин, со-

¹⁷ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–1 об.

¹⁸ Михаил Михайлович Веревкин, генерал-майор, служивший в конце XVIII — начале XIX в. на Кавказе. См.: 1812 год... Военные... С. 409.

¹⁹ В письме А.А. Мусин-Пушкин не указывает фамилию графини, но по косвенным свидетельствам дневника и письма мы можем предполагать, что это Е.Д. Орлова. См.: РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 644. Л. 54, 55; РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 684. Л. 8–9 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 684. Л. 9. О своем письме Орловой А.А. Мусин-Пушкин упоминает и в своем дневнике (РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 644. Л. 55).

²¹ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 684. Л. 11.

²² 1812 год... Военные... С. 141.

²³ Там же. С. 142.

глашаясь передать просьбу, сказал, что уже «поздно». Скорее всего — ничего не вышло. Мы не находим никаких упоминаний об ополчении из горцев в поздних письмах и записях. Но мы видим, что граф Александр Алексеевич страстно хотел быть полезным в тяжелое время осени 1812 г. и 21 сентября принял решение ехать «обратно в Россию»²⁴. Начинаются сборы, приготовления, урегулирование финансовых вопросов, и 23 сентября Александр отправляется в дорогу. 31 октября Александр Алексеевич приехал в свою ярославскую усадьбу Иловна, где сразу же озаботился вопросами о предстоящей службе и обсуждал это с Д.М. Волконским, который пользовался в семье Мусиных-Пушкиных безусловным авторитетом²⁵: «2-го, 3-го и 4-го провел с родными и советуясь с Кн. Дмитр. Мих. (Волконским. — Ю. К.) что делать по службе», — пишет Александр²⁶. Дневник Александра обрывается в начале ноября 1812 г., вероятно, в связи с решением отправляться защищать Отечество и поглотившими Александра, уже совершенно другими, заботами.

В фонде Мусиных-Пушкиных есть личные, возможно, последние письма графу Александру Алексеевичу, «Письма на французском и русском языках графу Александру Алексеевичу за 1812 г.», где мы обнаружим письма к нему отца и других лиц, написанные летом, осенью и зимой тревожного 1812 г.²⁷ Их немного, но они полны тепла и взаимного дружеского участия близких людей.

Отец беспокоится о здоровье сына, наставляя его 7 июня в письме на Кавказ, где болевший с зимы Александр лечился водами: «вручаю тебя в милость Божию, паки напоминаю ни на минуту не забывать того, зачем теперь поехал; и стараться подправить свое здоровье»²⁸. Но мировые и политические события врываются в размеренный тон письма: «Политических важных нет известий, кроме того, что ожидаем с нетерпением, что после 28 мая последует, ибо это срок Ерфутского условия, или мира: кажется война по приготовлениям неизбежна. У нас в Москве важная перемена: Главнокомандующий Граф Гудович по прошению Его уволен; а на место Его определен (с переименованием Генерала от Инфантерии) Граф Ростопчин»²⁹.

И далее в каждом письме отца чувствуется поступь войны. Неуверенность в завтрашнем дне сквозит еще в июньском (от 25-го числа) письме

²⁴ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 644. Л. 57.

²⁵ Там же. Л. 59.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Д. 682.

²⁸ Там же. Л. 7 об.

²⁹ Там же. Л. 7.

Алексея Ивановича из подмосковного имения Валуево: «Новостей важных по сие время нет. О мире с Турками ратификация от Султана еще не получена!! Французской посол и все его союзные министры получили пашпорты и думаю что теперь уже уехали. Из Петербурга пишут, что Саксонский Генерал Кох поссорился с генер. французским Renie и на дуеле убит последним: видно у них нет больших ладов. О сем приключении смешно пишут: *M Le Cog a tue un general franceis*. Кораблей в Крондштат³⁰ пришло много. Вот все что я живучи в деревне знаю. Затем вручаю тебя в милость Божию и родительское благословение посылаю. Товарищу от меня кланяйся. Написав сие получил от тебя из Черкаска от 28 мая и из Петербурга, со вложением копии с Рескрипта, который при сем прилагаю. Партикулярно известно, что французы перешли реку Неман близ Ковны в Виленскую губернию и начались военные действия: дай Боже успех!»³¹

Кажется, что сама природа находится в тревоге — Д.М. Волконский пишет о том, что «у нас еще постоянно хорошева время небыло, или жар несносной до духоты или дожди проливныя с пресильным громом»³². Но тоска по близким сильнее непогоды, поэтому очень уж не хотелось Алексею Ивановичу уезжать одному в ярославское имение, о чем пишет брату Наталья Алексеевна: «ему под конец отменно не хотелось выехать из Валуева, боялся он скуки, которую мне кажется он и не минет»³³. И всё же ехать нужно. «Отъезжаю завтра в Иловну, сказать тебе мой милый друг Александр Алексеевич имею, что б ты частых от меня писем не ожидал, ибо там у меня много будет хлопот и дела. В подмосковной так же много заведено работ и строения, которое с приятностию меня занимало так, что нехотелось³⁴ и в Иловну ехать, ежели б не требовала того необходимость, но полезное и нужное предпочитается приятному: так по крайней мере я всегда поставил себе правилом делать: дай Боже кончить с успехом»³⁵, — пишет граф А.И. Мусин-Пушкин.

Алексей Иванович живет в Иловне с конца июня, оттуда, из имения, пишет сыну в Георгиевск³⁶: «Здравствуй милой друг мой Александр Алексеевич. Чрез сие тебя уведомляю, что с немалым трудом доехал я в благополучие 28 июня. В продолжение дороги были страшные жары, отчего здесь

³⁰ Так в тексте.

³¹ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 682. Л. 9 об.

³² Там же. Л. 19.

³³ Там же. Л. 19 об.

³⁴ Так в тексте.

³⁵ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 682. Л. 9.

³⁶ Там же. Д. 684. Л. 6–7.

Усадьба Мусиных-Пушкиных Иловна. Фото начала 1930-х гг.

наехал конской падеж, который по сие число продолжается и разоряет все почти мои деревни. Я здесь теперь один с лекарем, как птица в клетке, ни самому ни куда, ни ко мне никому приехать невозможно, а притом все полевые работы остановились. Хлеб здесь изрядный и травы отлично хороши, но как будем оные убирать Бог знает, а нашего ума недостает!» Пока еще война кажется далеким фоном для домашних забот: «О вступлении в границы наши французов и о начале военных действий, надеюсь вы уже известны, наверное Каменский пишет сыну из Москвы, и для того я не повторяю ибо известия мои весьма позды³⁷ пред Московскими». Алексей Иванович пишет о том, что, по его сведениям, армия уже при Двине, что армией командует Багратион. Граф Мусин-Пушкин высылает сыну приказ Александра I по армиям от 27 июня 1812 г. Это приказ связан со вступлением неприятеля в границы Российской империи и полон горячих напутственных слов армии о необходимости дать отпор: «Нынешний день ознаменованный Полтавскою победою, да послужит вам примером! Память победоносных предков ваших, да возбудит к славнейшим подвигам! Они мощною рукою разили врагов своих; вы следуя по стезям их стремитесь к уничтожению неприятельских покушений на веру, честь, отечество и семейств ваших, правду нашу видит Бог и низпошлет на вас благословение свое»³⁸.

В это же время, в конце июня, граф Алексей Иванович приказывает «сельским начальникам» собирать ополчение, причем убеждая крестьян вступить в ополчение, обещает простить оброк, добровольцам собирается

³⁷ Так в тексте.

³⁸ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 684. Л. 6–7.

дать в награду по сто рублей, а тех, кто записан в конторской штрафной книге и пойдет служить — избавить от выплаты штрафа и «отметить прощенным»³⁹. В пример служения Отечеству граф приводит себя и свою семью: «<..> всем известно, что я имею трех сыновей: из них старший служит при Государе у Двора и сверх того в должности в С. Петербургском Губернском Правлении Советником, и хотя он обязан должностями, но видя Государственную нужду и желая сделать отечеству услугу, просил моего дозволения определиться в С. Петербургское ополчение и служить обще с теми, коих он из подаренной мной ему Ладожской деревни в ополчение выбрал! Я похвальное его намерение одобрил и всем к тому нужным снабдил охотно благословил и советовал, не затрудняясь в чинах, принять простаго офицера должность. Второй также при Государевом Дворе и также при должности в Иностранной Коллегии, по болезни его, отпущен за две тысячи верст лечиться к водам, а как я имею известие, что он, благодаря Бога, от болезни получил свободу, — то послал к нему нарочнаго, чтобы скорее возвращался, почему и надеюсь, что незамешкается; как же скоро приедет представлю и его в собираемое ныне здесь Ярославское ополчение, на что годен будет. Зная же его ревностное желание служить отечеству и Государю, уверен, что и его служения не постыжусь. — Третий еще малолетний, записан пажем и обучается; а ежели бы в возрасте был и того бы на службу представил. Да и сам бы на защищение от врагов отечества служить себя представил, ежели б наступ[и]вших лет моих восьмой десяток и сопряженное с оным изнеможение не препятствовали; если же необходимость и меня на службу потребует то и я не только на службу, но и на смерть готов»⁴⁰. По подсчетам С.Г. Нелиповича, в полки Ярославского ополчения из Иловны, родового имени Мусиных-Пушкиных, был отправлен 341 человек⁴¹.

Жизнь в тылу продолжается, в письме от 15 июля граф и печется о здоровье и благополучии родных (болезни и переезды), и сокрушается по поводу хозяйственных неурядиц (всё продолжается падеж скота в имении графа), и волнуется о положении дел в армии. «Мать из Петербурга пишет, что она оставляет Катеньку у сестры, а сама с Сонюшкой приехать располагаетя ко мне в Иловну к концу сего месяца, но я получаю о сем ее намерении писал,

³⁹ Там же. Д. 40. Л. 9 об. — 10 об., 12 об.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 10 об. — 11 об.

⁴¹ *Нелипович С.Г. Мусиные-Пушкины против Наполеона // Мусиные-Пушкины в истории России: К 250-летию со дня рождения А.И. Мусина-Пушкина [Материалы междунар. науч. конф. «А.И. Мусин-Пушкин и его потомки в истории России. Проблема сохранения наследия рода», 25–27 июля 1994 г.] / Гл. ред. С.О. Шмидт. Рыбинск, 1998. С. 200–203.*

что б неспешили сюда ко мне ехать, и дотех пор остались в Петербурге доколе я не уведомлю ея о прекращении здесь конского падежа, которой четвертая неделя здесь по деревням продолжается, нежели скоро прекратится, то б ехала прямо в Москву: что же последует и куда она поедет, теперь и сам незнаю. Здесь по деревням более 300 скотин по сие время пало. О военных действиях пишут из Петербурга с 9-го июля, что Армия наша на Двине при Дриссе, что авангарды частые имеют сшибки и думают что скоро будет Генеральная Баталия: да поможет нам Господь, яко Давиде на Голиафа и усмирит гордость врага. Гишпанцы вошли во французские границы и делают ужасное мщение: французы повесили трех членов хунты; за то гишпанцы за каждого повесили по 20 французов; а за простова по десяти. Вчера от матери из Петербурга получил писма от 9 июля, она другую неделю больна лихорадкою, однако же сама пишет ко мне предлинное письмо и обещает скоро приехать ко мне в Иловну, но сего ей зделать, хотя б и здорова была невозможно, ибо у нас конской падеж продолжается; о чем я к ней и писал и сюда ея не ожидаю. Затем вручаю тебя мой друг в Милость Божию. Старайся о возвращении здоровья. Почтенному твоему товарищу прошу сказать мой поклон⁴².

В письмах родных друг другу обеспокоенность о здоровье: «мы все благодарение Богу здоровы и оправились приехавши», но только «Володиньку привезли он дорогою простудился и имел горячку небольшую теперь так слаб что шатается на ногах и худ безмерно» (Владимир Алексеевич — младший сын Мусиных-Пушкиных, ему в это время четырнадцать лет), — сообщает Алексей Иванович своему старшему сыну (и старшему брату Александру), добавляя с отчаянием: «Сами не знаем как проживем ежели Богу угодно будет нас оставить». Невозможно вовремя получать сведения о родных, почта с Кавказа задерживается, граф А.И. Мусин-Пушкин не может скрыть своего волнения в письме Ивану Алексеевичу: «Я не знаю где Александр и не могу скоро узнать»⁴³. Время тревожное, сентябрь особенно. Старший сын А.И. Мусина-Пушкина, Иван Алексеевич, до войны служивший в гражданских чинах, с сентября 1812 г. вступает в ополчение. «Сентября 16 дня 1812. Да сохранит тебя Господь Бог мой милый Иван Алексеевич во всех подвигах твоих и даст силу и искусства на поражение врага который как тебе уже известно в нашей древней столице», — пишет ему отец.

Алексей Иванович уже знает и горюет о потере своей коллекции. К ноябрю граф получает неприятные сведения о поведении своих слуг в Москве: «До сведения моего дошло, что в Москве оставлены люди и некоторые из

⁴² Там же. Д. 682. Л. 17–17 об., 17 а.

⁴³ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 686. Л. 20.

подмосковной нетокмо участвовали в грабеже кладовой и протчаго моего имени, что прошу изследовать строжайше и о всем в подробности мне донести»⁴⁴ — и в письме 8 ноября с отчаянием сообщает: «сколько теперь по одной Москве дела, а поверить или положиться на кого не имею». Помощь родных нужна, а русская армия уже гонит неприятеля, и отец зовет старшего сына домой: «нехудоб и тебе зделать мне пособие что думаю гораздо было б прочнее и выгоднее капитанского чина в Армии, которая теперь провожает неприятеля точно так, как его к стыду своему встречала»⁴⁵. Но Иван Алексеевич остается в армии, и в эти же дни начинает военную службу Александр Алексеевич.

Алексею Ивановичу удалось увидеть сына Александра всего на несколько дней начала ноября, когда тот приехал в Иловну перед своей отправкой в воюющую армию. Мы не знаем, что советовал отец сыну перед дорогой и как благословлял его, но знаем, что отъезд Александра Алексеевича был успешным, о чем сокрушается Алексей Иванович в своем декабрьском письме, черновик которого сохранился в РГАДА: «Правду сказать, что отъезд твой отсюда был не только неоснователен, но и безтолков; нежели будешь нуждаться, то пеняй на себя» — и всё же добавляет: «очень любопытно б знать о твоём прибытии в Армию мой друг. И как ты располагаешь с собою, в чем имеешь нужду, и как доставить тебе что потребуешь». Видно, что отец очень удручен и выведен из равновесия всеми событиями — настолько, что он рассеян и забывчив: «два маленьких письма одно от [неразборчиво] другое кажется от Веревкина но не знаю где их найти. Не помню который из них пишет о получении от тебя 800 рублей»⁴⁶.

12 ноября А.А. Мусин-Пушкин прибыл к начальнику ярославского ополчения генерал-майору Якову Ивановичу Дедюлину, которой принял его в ополчение с тем, чтобы отправить в армию. Волконский упоминает об этом в своих записях⁴⁷, а сам Александр пишет с подробностями в письме отцу: «Генерал не делал никакого препятствия и приняв прозбу определил к Михайлову в полк по силе Манифеста Штабс Капитаном. Он очень кажется услужливой человек и с большою готовностию согласился на все что я с Михайловым предлагали как то, отпустить меня в Москву где я приведу в порядок разстроенное явлюсь в полк. Он дал мне слово потом отпустить меня к зятю или в Армию как пожелаю»⁴⁸.

⁴⁴ Там же. Л. 23.

⁴⁵ Там же. Л. 23 об.

⁴⁶ Там же. Д. 682. Л. 27–28.

⁴⁷ 1812 год... Военные дневники / Сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского. М., 1990. С. 152.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 684. Л. 12–12 об.

Большую часть пути в армию Александр Мусин-Пушкин проделал вместе с Д.М. Волконским. Князь отмечает в ноябрьских страницах дневника, что путь был невеселым и тревожным: «Морозы были пресильные, по всей дороге встречал я обозы с провиантом для армии, но дороговизна продовольствия такова, что не стоил и провиант, которой везут даже из Пензы. Встретил я пленных французов и разных с ними народов, оне в гибельном положении, их ставят на биваках без одежды и даже почти без пищи, то их множество по дороге умирает, даже говорят, в отчаянии они людей умирающих едят. Жалкое сие зрелище имел я проездом в ночь, они сидели при огнях, мороз же был свеже 20-ти градусов, без содрогания сего видить невозможно. По всей дороге видно, что народ разоряется войною, свои даже их разоряют, и крестьянин не знает, что будет есть зиму.

27-го [ноября] зделалась пресильная метель, Пушкина повоска отстала, и я днем терял дорогу и с трудом едва доехал чрез рвы и пропасти до помещика Булычева Михаила Никитича близ села Оселья, 25 верст от Рославля. Они меня приняли к себе, угостили, и я ночевал, ибо метель была ужасная всю ночь, а 28-го поутру поехал в Рославль и далее. Морозы продолжались сильные»⁴⁹.

Из записей Волконского мы узнаем, что 17 декабря Александр поехал в Тильзит в отряд к П.В. Голенищеву-Кутузову⁵⁰; а в январе 1813 г. Дмитрий Михайлович Волконский делает запись в дневнике: «Александра Алексеевич Пушкин писал ко мне из Лин, где глав. квартера армии, что наши перешли Вислу, взяли Мариенбург, Ельдинг, Диршау и Мариенверден. Пишит он, что был с сим прислан и пожалован майором»⁵¹. При занятии Берлина А.А. Мусин-Пушкин командовал авангардом, а в день вступления русских войск в столицу исправлял должность коменданта⁵².

С.В. Мещерская, внучка А.И. Мусина-Пушкина, свидетельствует в своих воспоминаниях, что о службе Александра приходили самые лестные отзывы: «Из армии получались отрядные известия: он везде отличался храбростью и распорядительностью. Начальники питали к нему величайшее доверие. Генерал Чернышов писал графу-отцу, благодаря его за сына»⁵³.

⁴⁹ 1812 год... Военные дневники... С. 153–154.

⁵⁰ Павел Васильевич Голенищев-Кутузов (1772–1843) — генерал-майор, с октября 1812 г. командовал отдельным отрядом, в 1813 г. — авангардом корпуса П. Х. Витгенштейна. См.: 1812 год... Военные... С. 156, 412.

⁵¹ 1812 год... Военные... С. 157.

⁵² РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

⁵³ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 12. См. также: Мещерская С.В. Воспоминания // Мусины-Пушкины: Книга-альбом. Ярославль, 1996. С. 38.

Штурм Люнебурга 21 марта 1813 года. Гравюра с картины неизвестного художника

Братья Мусины-Пушкины участвовали в сражении под Люнебургом, для Александра эта битва стала последней. Князь Витгенштейн в реляции об успехе при Люнебурге сообщил: «К сожалению, смертельно ранен храбрый граф Пушкин»⁵⁴. 21 марта 1813 г. Александр Алексеевич Мусин-Пушкин был ранен в голову и позднее, 23 марта, скончался⁵⁵. Его старший брат, Иван Алексеевич, вынес раненого Александра с поля боя, принял после ранения майора М. Эссена батальон 2-го егерского полка; во главе гренадерской роты, при поддержке двух орудий (которые привел А.А. Мусин-Пушкин) взял Альтенкирхенские ворота и ворвался в город, где было захвачено 9 пушек и до 3 тысяч пленных⁵⁶. За этот подвиг Иван Алексеевич награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и званием камергера 4-го класса⁵⁷.

Сыновья А.И. Мусина-Пушкина, люди статские, осенью 1812 г. вступили в ополчение, посчитав это своим нравственным и гражданским долгом. Не получив генеральских чинов, они не удостоились чести быть увековеченными кистью Д. Доу для портретной галереи героев войны 1812 г., но их имена, как и имена многих других героев, стоят того, чтобы не быть затерянными среди имен блестящих полководцев этой эпохи.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 12 об. См. также: *Соснина-Пуццолло Е.В.* Иловна и ее обитатели // Мусины-Пушкины: Книга-альбом. Ярославль, 1996. С. 24; *Мещерская С.В.* Воспоминания // Там же. С. 38.

⁵⁵ *Калайдович К.* Биографические сведения... С. 22–23. См. также: *Аксенов А.И.* С любовью к Отечеству... С. 49.

⁵⁶ См.: *Нелипович С.Г.* Мусины-Пушкины... С. 198–199.

⁵⁷ Там же.

Для родителей смерть сына безусловно стала трагедией. С.В. Мещерская пишет о Екатерине Алексеевне Мусиной-Пушкиной, матери Александра: «Рассказывали, как она получила известие о кончине сына, графа Александра. То была вечером, письмом почти неизвестного человека, который изъяслял ей соболезнования. В то время почта ходила плохо, с войны были редкие известия. Она, прочитав письмо, положила его в карман и, боясь, что это известие слишком на ночь подействует на графа, вышла заказать на завтра заупокойную обедню и возвратилась в гостиную, а другой день объявила и была безутешна к потере сына»⁵⁸. Пожилой граф А.И. Мусин-Пушкин потерял сына и единомышленника, который мог продолжить его дело. Важно обратить внимание на это обстоятельство, так как, по мнению С.О. Шмидта, немного на кого еще мог опереться Алексей Иванович: «Четкую целенаправленность коллекционирования и издательской деятельности Мусина-Пушкина тогда вряд ли способны были отметить, так как издания памятников древнерусской истории и письменности находили мало читателей в этой аристократической среде»⁵⁹.

До 1812 г. граф Алексей Иванович рассчитывал на помощь и поддержку сына, который согласно справке «Русского архива», с ранних лет «обнаружил склонность к ученым и литературным занятиям», с 13 лет (1801 г.) служил при Московском архиве Коллегии иностранных дел⁶⁰, с 17 лет переводил с французского и латинского различные произведения, и, например, перевел с русского на латинский и французский языки «Историческое исследование о местоположении Тмутараканского княжения», написанное отцом⁶¹.

Из дневника Александра мы узнаем о его литературных занятиях 1812 г. В феврале Александр читает бумаги Безобразова об «услугах дворянства российского», государству оказанных, читает и «набирает» русские пословицы⁶². В первой половине 1812 г. А.И. Мусин-Пушкин написал и в мае направил А.Н. Оленину текст «Примечаний на древние славянские

⁵⁸ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 40. Л. 17 об. См. также: Мещерская С.В. Воспоминания... С. 40.

⁵⁹ Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII — первая треть XIX века. М., 2002. С. 140.

⁶⁰ В фонде Мусиных-Пушкиных РГАДА хранится копия биографической справки об Александре Алексеевиче Мусине-Пушкине из «Русского архива» (1863 г.), издаваемого П.И. Бартеневым. В самом журнале «Русский архив» биографическая справка дана в примечаниях к письмам Ф.В. Ростопчина. Автор примечаний не указан. См.: РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 36. Л. 1; Русский архив. 1863. Вып. 12. Стб. 889–890.

⁶¹ См.: Аксенов А.И. С любовью к Отечеству... С. 4–57; Калайдович К. Биографические сведения... С. 3–48.

⁶² РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 644. Л. 39.

месяцесловы»⁶³, в подготовке этого труда графу помогал его сын, записи о работе с отцом сохранились на страницах дневника Александра Алексеевича. С начала апреля сын «занимался перепискою батюшкиною бумаги о наименовании славянских месяцев». «Утро провел дома, занимаясь с батюшкою наименованиями древних месяцев», — пишет 13 апреля 1812 г. Александр. И ниже, 25 апреля: «Весь день провел дома занимаясь запискою о месяцах которую батюшка поручил мне кончить»⁶⁴.

После 1812 г. А.И. Мусин-Пушкин думал об издании новой летописи, вел об этом переговоры с К.Ф. Калайдовичем, но пожилой граф уже не имел сил осуществить задуманное. Потеря сына стала ударом для отца, «после этого ничего серьезного он уже сделать не смог, хотя почти до конца дней своих оставался “любителем истории и древностей российских”»⁶⁵.

⁶³ Аксенов А.И. С любовью к Отечеству... С. 45, 185–186.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 644. Л. 43, 44.

⁶⁵ Аксенов А.И. С любовью к Отечеству... С. 49.

Ключевые слова:

Мусины-Пушкины, Отечественная война 1812 г., ополчение, заграничный поход, археографическая коллекция.

Ulia V. Kim

THE 1812 EVENTS IN THE FAMILY MIRROR: THE MUSIN-PUSHKIN FATHER AND SON.

he article, based on the archival materials and memoirs, shows how the 1812 events affected the family of Alexey Ivanovich Musin-Pushkin, an eminent statesman and archeograph. In Yaroslavl Governorate the army's troops were developed with the help of Graf Alexei I. Musin-Pushkin. Both of his sons were in the Napoleonic War. A severe loss had been the loss of the collection of the printed books and manuscripts, which the outstanding archeograph pieced together over several years. Even more dreadful was the death of his son Alexander in the foreign campaign of the Russian Army.

 Ким Юлия Владимировна

учитель истории и обществознания,
методист НОЧУ «Школа «Муми-Троль»

Г.Н. Ланской

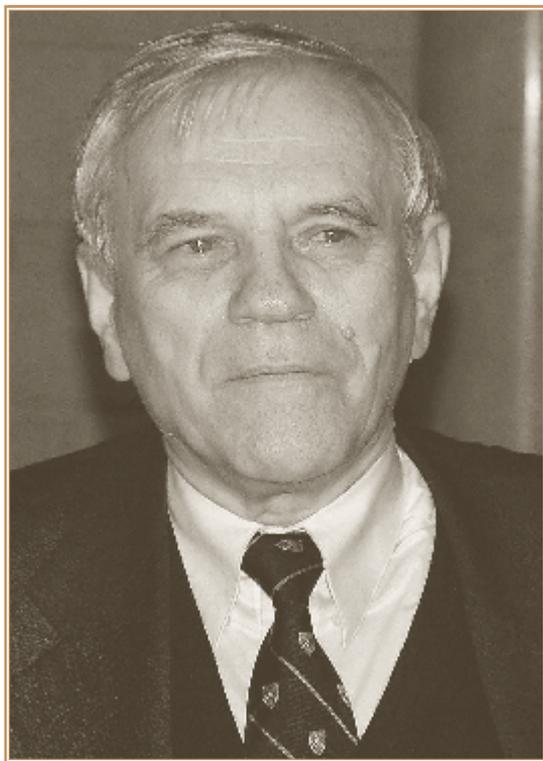
ИССЛЕДОВАНИЯ АКАДЕМИКА Б.В. АНАНЬИЧА В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

аучно-исследовательская деятельность Бориса Васильевича Ананьича, посвященная прежде всего изучению проблем экономической истории России второй половины XIX — начала XX в., получила свое развитие в условиях отхода большинства ученых от глобальных социологических

построений и обращения в поисках объективной исторической информации к архивным документам и опубликованным источникам личного происхождения. Поворот развития отечественной историографии в данном направлении начался в середине 1950-х гг. и был на организационном уровне обеспечен созданием Научного совета по комплексной проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции».

В рамках профессионального сообщества историков данный поворот проявился в формировании научных школ, исследовавших различные стороны данной проблемы в ракурсе основных положений работ В.И. Ленина, и в то же время на основании гораздо более широкого фактического материала по сравнению с периодом первых историографических дискуссий по вопросам развития российского капитализма. В Москве лидером такого рода научной школы был А.А. Сидоров, многие ученики которого

Борис Васильевич Ананьич

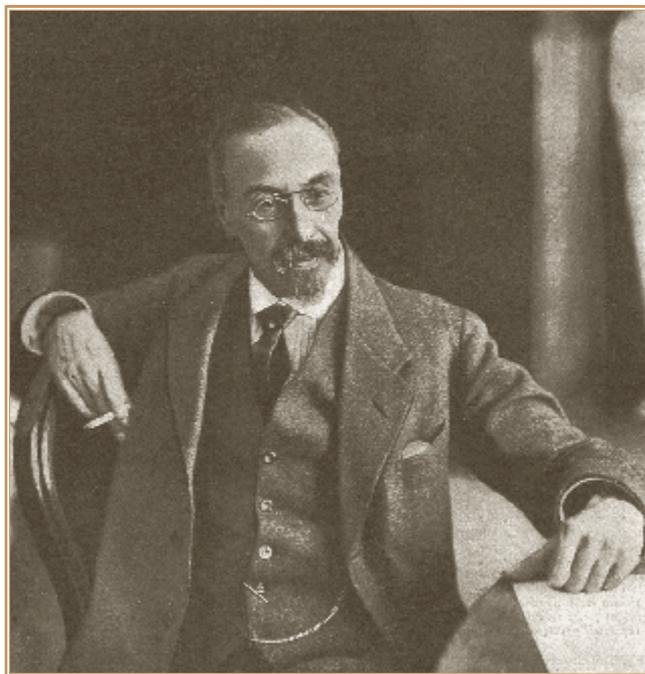
сосредоточились на исследовании внутренней отраслевой структуры российской экономики и в значительной своей части пришли к вытекавшим из объективно существовавших данных и потому закономерным выводам о многоукладной структуре экономики России не только во второй половине XIX в., но и в начале XX в. В Ленинграде одну из ведущих научных школ, разрабатывавших проблемы экономической и политической истории России рассматриваемого периода, основал Б.А. Романов. Одним из ее ярких представителей, внесших значительный вклад в изучение экономической и политической истории России, стал Б.В. Ананьич.

Для работ представителей данной научной школы, а также ряда других известных ленинградских исследователей истории России конца XIX — начала XX в. (в частности, В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева) был характерен ряд особенностей. Первая особенность заключалась в углубленном внимании к вопросам формирования и содержания экономической политики высших и центральных органов государственной власти. Данная проблематика изучалась в широком контексте принятия и реализации общих решений в области внешней и внутренней политики. В связи с этим формировалась и вторая особенность, заключавшаяся в понимании и изучении экономической истории России в ее широком содержа-

нии, включающем в себя не только развитие хозяйственно-отраслевой сферы и производительных сил, но также вопросы экономической политики государства на всех существовавших направлениях — в том числе в области торговли и финансово-кредитной среды. Третья особенность была связана с сочетанием во многих научных работах исследования глобальных процессов хозяйственного развития, происходивших на всей территории Российской империи, и явлений, характерных для развития экономических организаций, учреждений и предприятий Санкт-Петербурга. Четвертая — заключительная — особенность относилась к методической стороне создававшихся научных трудов и была связана с отчетливо выраженной опорой на осваивавшиеся и вводившиеся в научный оборот документы Центрального государственного исторического архива СССР и затем созданного на его основе Российского государственного исторического архива. При этом ученые обращались не только к фондам учреждений, но и к фондам личного происхождения государственных деятелей России XIX — начала XX в.

Из указанных особенностей формировалась как система аргументов, так и содержание выводов, к которым приходили в своих индивидуальных и коллективных исследованиях Б.В. Ананьич и другие ленинградские, а затем и петербургские историки, изучавшие различные сферы развития российского государства и общества в последние предреволюционные десятилетия. Например, эти выводы свидетельствовали о несоответствии уровня развития политической системы (в частности, государственного аппарата) экономическим задачам, решить которые было необходимо; о непропорциональности достаточно развитого в сравнении с уровнем мировой экономики индустриального сектора и отсталого, охваченного дворянским землевладением, аграрного сектора. Применительно к сфере внешней политики государства Б.В. Ананьич и другие представители «ленинградской» и затем «петербургской» школы историков подчеркивали отсутствие у России в начале XX в. реального и прочного финансово-хозяйственного потенциала для ведения масштабных войн, что привело к социальным потрясениям и в ходе Русско-японской войны, и особенно в годы Первой мировой войны.

Обратившись уже в постсоветский период к актуальной методологической сфере изучения «социальной истории», Б.В. Ананьич на примере бывшего министра народного просвещения и затем градоначальника Санкт-Петербурга И.И. Толстого убедительно показал неоднородность восприятия представителями социальной и интеллектуальной элиты общества целого ряда политических подходов руководителей государства. В своей мо-

Иван Иванович Толстой

нографии, опубликованной в 2009 г.¹, он представил многочисленные факты того, как в преддверии революционной ситуации И.И. Толстой обращался с проектами и предложениями развивать систему местного самоуправления, обеспечивать более высокий уровень социальной открытости системы управления учебными заведениями и особенно проводить более гибкую политику в отношении этнических меньшинств. Отсутствие адекватного и конструктивного отклика на эти и другие рекомендации, делавшиеся не только И.И. Толстым, но и другими представителями как умеренно-консервативного, так и либерального течений общественной мысли, усиливало имевшееся объективное впечатление о неготовности императора и многих влиятельных представителей его окружения эффективно решать возникавшие внутренние проблемы.

Выводы и наблюдения, сделанные Б.В. Ананьичем в рассмотренной монографии о И.И. Толстом, основывались на сочетании анализа документов административных структур, которыми он руководил в разные годы, и впервые введенного в научный оборот личного архива И.И. Толстого, из которого публиковались дневниковые записи и мемуарные свидетельства. Аналогичный исследовательский подход он успешно применял при изучении обстоятельств жизни и политической деятельности других государ-

¹ Ананьич Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007.

Владимир Николаевич Коковцов

ственных деятелей Российской империи и, прежде всего, длительное время возглавлявших в разные годы Министерство финансов В.Н. Коковцова и его предшественника С.Ю. Витте. Деятельности С.Ю. Витте Б.В. Ананьич посвятил специальное и получившее официальное признание исследование², которое он написал в соавторстве с другим учеником Б.А. Романова Р.Ш. Ганелиным.

Данная работа представляет собой образец критического анализа такого известного и часто использовавшегося как отечественными, так и зарубежными исследователями источника, как опубликованные в 1960 г. в трех томах «Воспоминания»³ С.Ю. Витте. Последовательно прослеживая заметные факты его жизни и деятельности на основании многочисленных документальных материалов, авторы монографии изучили степень соответствия содержания этих фактов той их интерпретации, которую дает в своем тексте мемуарист. Тем самым, благодаря проведенному исследованию, на конкретном примере была проанализирована известная в теоретическом и методическом отношении проблема соотношения субъективного и объективного начал в источниках личного происхождения, опыт решения которой на более широком материале Б.В. Ананьич

² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.

³ Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. М., 1960. Т. 1–3.

Сергей Юльевич Витте

блестяще проводил в своем спецкурсе, посвященном мемуарам как историческому источнику.

Также в рассматриваемой монографии делается неоднократно аргументированный вывод о противоречивости и неоднозначности последствий всей политической деятельности С.Ю. Витте, являвшейся характерным свойством внутривластного курса и других видных государственных деятелей России. Выдвигая его, авторы монографии, в частности, писали: «Экономическая политика С.Ю. Витте была глубоко противоречива, ибо для промышленного развития страны он использовал средства и условия, порожденные феодальной природой существовавшей в России власти. Консерватизм «системы» Витте состоял в том, что она должна была способствовать укреплению экономического могущества отжившего самодержавного режима. Не случайно в либеральных кругах русского общества «система» Витте воспринималась как «грандиозная экономическая диверсия самодержавия», отвлекавшая внимание различных слоев населения от социально-экономических и культурно-политических реформ»⁴.

В контексте общей концепции, рассматривавшей развитие политической системы Российского государства как процесс кризиса самодер-

⁴ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 89–90.

жавной монархической модели, в работах Б.В. Ананьича на протяжении длительного времени изучались различные аспекты деятельности Николая II и его министров, занимавшихся формированием и реализацией финансово-экономической политики России. В данных исследованиях⁵ прослеживаются три основные тенденции развития экономической системы, ухудшавшие перспективы стабильного развития государства и общества.

Первой тенденцией являлось отсутствие устойчивого подхода государства к привлечению инвестиций в систему промышленного развития. На протяжении всего периода 1860-х — первой половины 1910-х гг. прослеживались постоянные, обусловленные в том числе привходящими обстоятельствами, колебания между опорой на ресурсы национального банковского сектора и стремлением привлечь максимально возможный объем иностранных капиталов. Такого рода колебания лишали, по мнению Б.В. Ананьича, стабильности внутрироссийскую кредитно-финансовую систему и одновременно приводили к нарастанию внешних — государственных и коммерческих — долгов. Вторая тенденция заключалась в том, что внутренний рынок Российской империи развивался непропорционально и имел существенные ограничения для дальнейшего существования. Одной из главных причин такой ситуации являлось сохранение аграрного сектора российской экономики в его прежнем, сложившемся еще в феодальную эпоху, несмотря на результаты отмены крепостного права, состоянии. И Б.В. Ананьич, и другие отечественные исследователи (прежде всего, представитель «нового направления» в изучении аграрного строя А.М. Анфимов), и многие зарубежные ученые констатировали несовместимость сохранявшейся системы крупного феодального землевладения с задачами формирования эффективного сельского предпринимательства. Третья тенденция состояла в постоянном стремлении самого императора и назначавшихся им министров военного и внешнеполитического блоков любой ценой поддерживать высокую активность Российского государства в системе международных отношений. Данная ориентация, часто называемая в зарубежной историографии «имперским синдромом», основывалась, согласно оценкам и выводам Б.В. Ананьича, на отсутствии объективного понимания ресурсного в широком смысле этого слова потенциала российской экономики. Крушение в связи с по-

⁵ Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970; Ананьич Б.В. Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895–1914 гг. (по материалам Учетно-ссудного банка Персии). Л., 1975; и др.

ражением в Русско-японской войне дальневосточной геополитической стратегии, отсутствие из-за противодействия более сильной в экономическом отношении Британской империи существенных достижений на южнокаспийском направлении, затяжной и не всегда успешный ход участия России в Первой мировой войне истощали как государственную экономику, так и социальную базу поддержки существовавшего в стране политического режима.

Б.В. Ананьич внес значительный вклад в изучение развития не только государственных, но и частных финансовых учреждений Российской империи, что проявилось в его фундаментальной монографии о банкирских домах в Российской империи⁶ и в других работах. Выбор данного объекта исследования позволил ученому сформировать максимально полное, комплексное представление о неуклонно развивавшейся в России со времен деятельности во второй половине XVIII в. придворных банкиров и вплоть до начала Первой мировой войны системе разнообразных по своей организационно-правовой форме кредитных учреждений. С одной стороны, Б.В. Ананьичу удалось выявить неуклонное, складывавшееся в эволюционном ключе развитие финансовых учреждений, наблюдавшееся, прежде всего, на европейской части территории России, в западных окраинных территориях Российской империи, а также в Одессе. С другой стороны, он проследил особенно четко проявившееся в период руководства финансовым министерством И.А. Вышнеградским и С.Ю. Витте стремление государства вторгаться с целями контроля и извлечения собственной прибыли в функционирование банковской системы с помощью правовых и надзорных мероприятий, а также нередко навязывавшихся инвестиционных проектов (например, в сфере железнодорожных займов). Особое внимание представителей экономического руководства страны было естественно обращено к тем банкам, которые выполняли резидентные функции в системе международных расчетов.

В целом следует подчеркнуть, что на всем протяжении своего исследовательского пути Б.В. Ананьич, несмотря на выявлявшиеся им прогрессивные тенденции развития российской экономики, особенно в индустриальной и финансовой сфере, отмечал доминирование кризисных тенденций, обусловленных неэффективностью самодержавного механизма управления, сложившейся зависимостью России от других лидеров

⁶ Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991.

Антанты и отсутствием даже относительно свободной рыночной модели экономического развития общества. В ставшей одним из заметных достижений развития ленинградской школы специалистов в области истории России второй половины XIX — начала XX в. монографии «Кризис самодержавия в России. 1895–1917»⁷ на основании значительного комплекса исторических и историографических источников неоднократно подчеркивалось, что не преодоленные в итоге трудности экономического и политического развития России еще более выпукло проявлялись в ситуациях масштабных кризисов. Анализируя в данном исследовании завершенный на политическом уровне событиями Русско-японской войны и первой российской революции кризис 1900–1903 гг., Б.В. Ананьич, в частности, писал: «Кризис 1900–1903 гг. оказал большое влияние на развитие экономики России. Особенно пострадала от кризиса тяжелая промышленность. Сократилось производство и упали цены в металлургической, металлообрабатывающей, железнодорожной отраслях промышленности. Кризис способствовал обострению социальных противоречий, росту рабочего движения»⁸.

В первой половине 2010-х гг. преимущественно скептический подход Б.В. Ананьича к оценке состояния и перспектив государственной экономики и политики России во второй половине XIX — начале XX в. стал объектом активной критики со стороны другого известного ленинградского и затем петербургского историка Б.Н. Миронова. В своих работах, содержащих как конкретно-исторические, так и персонифицированные историографические оценки⁹, данный исследователь отметил несостоятельность любых обобщающих оценок, предусматривающих констатацию глобальных кризисных явлений в социально-экономическом развитии России.

Однако, на наш взгляд, весь последовательно и убедительно проанализированный в работах Б.В. Ананьича ход социально-экономического и политического развития России в последние предреволюционные десятилетия свидетельствовал о том, что нерешенные проблемы в абсолютной мере преобладали в его рамках на рубеже XIX–XX в. Архаичная политическая система; искусственно удерживавшаяся система феодального землевладе-

⁷ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.

⁸ Ананьич Б.В. Россия перед революцией. 1895–1904 годы // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 45.

⁹ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. М., 2012; Он же. Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. М., 2013.

ния; нараставшая зависимость от иностранных государств в военно-политической, дипломатической и экономической сферах были объективными и неоспоримыми явлениями. Выявление данных факторов развития России и глубокое системное изучение различных аспектов ее экономической эволюции определили выдающийся вклад академика Б.В. Ананьича в развитие отечественной историографии как в рамках петербургской научно-исследовательской школы, так и далеко за ее пределами.

REFERENCES

1. Anan`ich Boris Vasilyevich: kakim myyego pomnim // Sostavitel` i otvetstvenniy redactor N.I. Anan`ich. SPb, 2016.
2. *Alekseyeva S.I., Lizunov P.V.* Boris Vasilyevich Anan`ich. Slovo ob uchitele // *Ekonomicheskaya istoriya*. 2015. # 4. P. 92–98.
3. *Krizis samoderzhaviya v Rossii*. Leningrad, 1984.
4. *Lanskoy G.N.* Otechestvennaya istoriografiya ekonomicheskoy istorii Rossii nachala XX veka. Moskva, 2010.

Ключевые слова:

Б.В. Ананьич, экономическая история, государство, финансы, российская историография, советская историческая наука.

Grigory N. Lanskoj

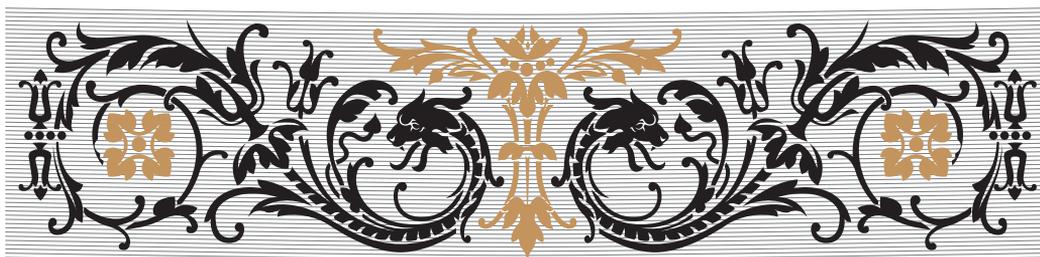
STUDIES OF THE ACADEMICIAN BORIS V. ANAN'ICH IN THE SPHERE OF ECONOMIC AND POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

The article highlights the main results of studies of Boris Vasilyevich Anan'ich, who was one of the leaders of the Leningrad and later of Saint-Petersburg school of historians. His studies in the sphere of economics were devoted in the main part to financial institutions of the Russian Empire. The main feature of his studies in the sphere of political history was connected with the detailed description of the economic policy of the Russian State.

 Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, доцент, декан факультета документоведения и технотронных архивов Историко-архивного института РГГУ, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики ИАИ РГГУ, первый заместитель председателя Правления Российского общества историков-архивистов (РОИА)

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1 500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано к печати 07.09.2016 г. Формат 72×104 1/16. Усл.-печ. л. ????. Заказ № 2016/9-5

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2016

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии ООО «Дайбор Про». Адрес: РФ, Москва, ул. Ереванская, д. 13, к. 2.
Электронная почта: dibor@dibor.ru. Тел.: +7 (499) 130-71-01

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Восемнадцатый том «Исторического
вестника» будет посвящен 1916 г.
в истории Первой мировой войны.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке